

СОДЕРЖАНИЕ

Том 87, номер 10, 2017

С кафедры президиума РАН

А.В. Смирнов

- Коллективное когнитивное бессознательное и его функции в логике, языке и культуре 867
Возможность и необходимость диалога культур. *Обсуждение научного сообщения* 876
-

Из рабочей тетради исследователя

В.А. Тишков, В.В. Степанов

- Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России 879
-

Дискуссионная трибуна

А.В. Гринёв

- Октябрь 1917-го: вооружённое восстание масс, большевистский переворот, социалистическая революция или нечто иное? 891
-

Обозрение

А.Л. Андреев

- В жанре социологического портрета 898

Н.А. Мазов, В.Н. Гуреев

- Библиометрический анализ потока публикаций НГУ во взаимодействии с Сибирским отделением РАН 905
-

За рубежом

И.П. Цапенко

- Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов 915
-

Этюды об учёных

- Учитель, или Судьба страны в судьбе учёного. *К 100-летию со дня рождения академика Н.Н. Моисеева. Составитель Ф.И. Ерешко* 927
-

В мире книг

- Рецензируются: А.И. Жамойда, А.С. Алексеев, А.Ю. Розанов, А.А. Суяркова
“Палеонтологическому обществу России 100 лет. Исторический очерк” 940
“Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы” 943
-

Официальный отдел

- Президиум РАН решил. – Юбилеи. – Награды и премии 948
-
-

CONTENTS

Vol. 87, No. 10, 2017

Simultaneous English language translation of the journal is available from Pleiades Publishing, Ltd.
Distributed worldwide by Springer. *Herald of the Russian Academy of Sciences* ISSN 1019-3316

On the Rostrum of the RAS Presidium

A.V. Smirnov

Collective cognitive unconscious and its function in logic, language and culture
Possibility and necessity of dialogue between cultures. *Paper discussion* 867

From the Researcher's Notebook

V.A. Tishkov, V.V. Stepanov

Interethnic relations and ethnocultural education in Russia 879

Discussion Forum

A.V. Grinev

October 1917: armed uprising of the masses, the Bolshevik overturn, the socialist revolution
or something else? 891

Review

A.L. Andreev

In the genre of sociological portrait 898

N.A. Mazov, V.N. Gureev

Bibliometric analysis of the publications flow of NSU in collaboration with Siberian branch of the RAS 905

Abroad

I.P. Tsapenko

Intercultural paradigm for the integration of migrants 915

Profiles

The teacher, or the destiny of the country in the destiny of the scientist. *To the 100th anniversary
of academician N.N. Moiseev. Compiler F.I. Ereshko* 927

In the Book World

Reviewed: A.I. Zhamoïda, A.S. Alekseev, A. Yu. Rozanov, A.A. Suyarkova "100 years of the Russian
Paleontological society. Historical sketch" 940

"Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends
and challenges" 943

Official Section

Decisions of the RAS Presidium. Anniversaries. Awards and Prizes 948

С КАФЕДРЫ
ПРЕЗИДИУМА РАН

КОЛЛЕКТИВНОЕ КОГНИТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ
И ЕГО ФУНКЦИИ В ЛОГИКЕ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

© 2017 г. А. В. Смирнов

Институт философии РАН, Москва, Россия

e-mail: asmirnov@iph.ras.ru

Поступила в редакцию 19.01.2017

Введено понятие “коллективное когнитивное бессознательное” (ККБ). Сформулирована гипотеза о том, что обработка сигналов внешнего мира опирается на интуитивно принимаемые допущения, которые обосновывают для субъекта когниции осмысленность и оправданность любых утверждений и смысловых конструкций. Эти интуиции носят массовый характер и транслируются в рамках культуры. ККБ, возможно, обеспечено нейронными механизмами. Потенциально оно составляет универсальную способность человека как родового существа, хотя реализовано всегда в одном из возможных вариантов. Продемонстрированы экспликации ККБ в западной и арабо-мусульманской культуре как пространственной визуализации и метафоры протекания. Рассмотрены три основные функции ККБ: задание интуитивного фона обоснования формальной логики, логики языка и логики культуры. Коль скоро ККБ потенциально универсально для человека, но актуально всегда реализовано как вариант и не может быть реализовано как инвариант, то этим определена оправданность стратегии *всечеловеческого*, а не *общечеловеческого* понимания культуры и цивилизации. Поставлен вопрос о возвращении категории “всечеловеческое” в поле теоретического дискурса.

Ключевые слова: коллективное когнитивное бессознательное (ККБ), сознание, интуиция, логика, язык, связка, глобализация, арабо-мусульманская культура, общечеловеческое, всечеловеческое.

DOI: 10.7868/S0869587317100012

В настоящей статье затрагиваются две группы вопросов. Первая из них связана с проблематикой сознания. Вопрос о закономерностях функционирования сознания, о его субъективной природе и возможности её сведения к нейропроцессам (объяснение феномена сознания на основе данных нейронауки), иначе говоря, построение работающей теории сознания является сегодня одним из самых перспективных направлений исследования. Здесь необходим междисциплинарный подход, синтезирующий усилия учёных в области когнитивных и нейронаук, философов, психологов.

СМИРНОВ Андрей Вадимович – академик РАН, директор Института философии РАН.

Вторая группа вопросов имеет отношение к современным проблемам глобализации. Это вопросы о том, что такое культура, в чём заключается её собственное, нередуцируемое лицо, может ли и должна ли культура сохранять свою самость в условиях глобализации и т.п. Кроме того, это вопросы о том, что представляет собой Россия, какова её историческая судьба, является ли она частью Запада или же, как говорят некоторые, представляет собой особую цивилизацию. К этому примыкает вопрос о том, какой может быть “мягкая сила” России, какой цивилизационный проект она способна предложить остальному миру. Если сегодня наша страна возвращается на международную арену в качестве одного из ведущих геополитических игроков, то эта её роль должна быть подкреплена не только военной силой, но и таким проектом цивилизационного устройства, который был бы эффективен и обладал бы привлекательностью. Есть ли сегодня в арсенале идеологических средств, которые использует Россия, подобный проект? Думаю, положительный ответ на этот вопрос мы пока дать не можем.

Эти два разнонаправленных вектора имеют общую исходную точку, которую я обозначу понятием “коллективное когнитивное бессознательное” (ККБ). Предикат “коллективное” обеспечивает внешний вектор, уводя нас в область закономерностей функционирования культуры, тогда как предикат “когнитивное” имеет прямое отношение к внутреннему вектору, затрагивающему закономерности функционирования сознания.

Рассмотрим понятие “коллективное когнитивное бессознательное” по существу. Предикат “когнитивное” указывает на способы переработки информации, когда сигналы “на входе”, получаемые от внешнего мира, обрабатываются таким образом, что “на выходе” мы имеем осмысленные феномены субъективной реальности, иначе говоря, феномены сознания. Таким образом, ККБ располагается на границе между внешним, объективным миром и внутренней, субъективной реальностью. Как и любая интуиция, ККБ обычно остается “в тени”, не выступая на поверхности нашего сознания, но именно оно обеспечивает, по меньшей мере отчасти, превращение сигналов от внешней действительности в феномены сознания. Не будет неоправданным предположение о том, что ККБ имеет нейронное обеспечение, изучение которого могло бы составить новое направление исследований и помочь сопрячь данные нейронауки с философскими теориями сознания.

Таким образом, процесс переработки информации опирается на интуитивно принимаемые допущения, которые обосновывают для субъекта когниции осмысленность и оправданность любых утверждений и смысловых конструкций. Эти интуиции носят массовый характер, будучи не индивидуально варьирующимися, а транслируемыми в рамках культуры благодаря известным механизмам передачи и усвоения культурных навыков и привычек. В силу этого они не нуждаются в эксплицитном разъяснении, составляя общее достояние носителей данной культуры, и в этом своём качестве обеспечивают коммуникацию и intersубъективность. Этим обоснованы предикаты “бессознательное” и “коллективное”.

ККБ потенциально составляет универсальную способность человека как родового существа, хотя реализовано всегда в одном из возможных вариантов. В этом качестве оно аналогично универсальной для человека и обеспеченной нейронными механизмами языковой способности, реализованной всегда как вариант (а не инвариант). Вариация реализаций ККБ приблизительно совпадает с вариацией границ макрокультурных ареалов человечества (западный мир, арабо-мусульманский мир, Индия, Китай). Ниже будут рассмотрены экспликации ККБ в западной и арабо-мусульманской

культуре как пространственной визуализации и метафоры протекания.

Речь пойдет о трёх основных функциях ККБ: задание интуитивного фона обоснования формальной логики, логики языка и логики культуры. Будет продемонстрировано следующее:

1. ККБ обеспечивает интуитивную понятность базовых законов формальной логики (например, трёх законов традиционной (аристотелевской) логики).

2. В языке ККБ определяет интуитивную понятность его смыслового ядра – субъект-предикатного связывания, без которого невозможно осмысленное высказывание – основная форма языковой и мыслительной деятельности. Данное положение будет проиллюстрировано в ходе обсуждения вопроса об исполнении связочной функции в индоевропейских и семитских (на примере арабского) языках.

3. ККБ лежит в основании системы ценностей, картины мира и нормативных систем, обеспечивая осмысленность жизненного мира человека. Вариативность ККБ объясняет нередуцируемую вариативность культур. Данное положение будет проиллюстрировано актуальными политическими событиями в арабо-мусульманском мире.

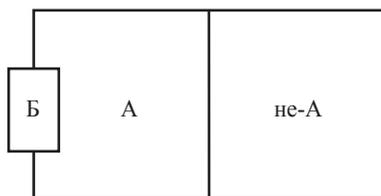
Как именно “выглядит” коллективное когнитивное бессознательное? Хотя, как было сказано, ККБ в силу своей природы не только не нуждается в том, чтобы появиться “на поверхности” нашего сознания, но и обычно противится этому, всё же, как и любое бессознательное, оно может быть выведено в область отчётливого, ясного мышления.

Базовые интуиции, характерные для западного мышления (его коллективное когнитивное бессознательное), хорошо эксплицированы знаменитым Леонардом Эйлером. Так называемые “круги Эйлера” сегодня известны любому школьнику, поскольку с их помощью иллюстрируют некоторые положения теории множеств, делая их интуитивно понятными и убедительными для каждого. Это один из примеров действия коллективного когнитивного бессознательного, когда обрабатываемая информация, в данном случае – графические картинки, превращается в универсально понятные, несомненные и осмысленные положения вроде “область пересечения двух множеств принадлежит каждому из них” и т.п. Однако сам Эйлер задумывал свои знаменитые круги в качестве очевидной, самопонятной иллюстрации всех положений аристотелевской субъект-предикатной силлогистики:

«О своих фигурах Эйлер писал, что они “очень подходят для того, чтобы облегчить наши размышления... и открыть нам все тайны, которыми похваляются в логике и которые доказывают в ней

с большим трудом”... При этом Эйлер подчёркивает, что при предлагаемом им способе употребляют фигуры или пространства, “имеющие какую угодно форму, чтобы представить каждое общее понятие, и обозначают субъект предложения пространством, содержащим *A*, а предикат другим пространством, содержащим *B*. Природа самого предложения включает всегда либо то, что пространство *A* находится полностью в пространстве *B*, либо то, что оно находится в нём лишь частично, либо, что, по меньшей мере, какая-нибудь часть его находится вне пространства *B*, либо, наконец, что пространство *A* лежит полностью вне *B*» [1, с. 12, 13].

Если круги Эйлера иллюстрируют и делают самопонятными положения силлогистики, то для более базового уровня аристотелевской логики, а именно, для трёх её известных законов – законов тождества (*A* есть *A*), противоречия (*A* не есть не-*A*) и исключённого третьего (*B* есть либо *A*, либо не-*A*) – мы можем предложить очень простую иллюстрацию, которая делает эти законы самопонятными и не требующими никаких доказательств (рис.).

Пространство, ограниченное пределами фигуры *B* (это может быть прямоугольник, как здесь, или любая замкнутая фигура), делится на две части внутренним отрезком, обе стороны которого принадлежат границе этой фигуры. Таким образом мы получаем области *A* и не-*A*, которые в сумме дают область *B*. Эта иллюстрация делает очевидным, что любое “*A* есть *A*”, поскольку любой предмет, называемый именем *A*, принадлежит замкнутой области пространства, которая обозначена на нашей иллюстрации буквой *A*. Столь же очевидно, что никакое “*A* не есть не-*A*”, поскольку “*A*” и “не-*A*” принадлежат двум дихотомически соотносящимся областям пространства, и “*A*” должно перестать быть самим собой для того, чтобы нарушить этот закон. Наконец, столь же очевидно, что любое “*B*”, то есть любой предмет, принадлежащий общей области “*A* и не-*A*”, оказывается в одном, и только в одном из двух отделений этого прямоугольника. Закон исключённого третьего, таким образом, равно как закон противоречия и закон тождества, получает совершенно ясную демонстрацию, исключаящую какие-либо сомнения в их универсальности и подлинности.

Суммируем. Базовые интуиции, обосновывающие очевидность законов аристотелевской логики и силлогистики, носят пространственный характер. Они предполагают логику строгой дихотомизации и, далее, иерархизации. Дихотомизация и иерархизация – два следствия, которые понадобятся нам в дальнейшем и которые с необходимостью вытекают из очерченных базовых интуиций.

Можно ли привести примеры экспликации коллективного когнитивного бессознательного арабо-мусульманской культуры, столь же ясные, как круги Эйлера или поделённый пополам прямоугольник? Да, можно. Сошлюсь на знаменитого Фахр ад-Дина ар-Рази (ум. в 1209 г.) – разностороннего учёного, суммировавшего многие интеллектуальные достижения классической арабо-мусульманской культуры. Он апеллирует к интуиции *протекания*, которая носит не пространственный характер. Вот как он разъясняет читателю, что такое время (*заман*): “Время – воображаемая протяжённость (*имтидад*), исходящая из чрева темени мира безначальности (*'азал*) и идущая к темени мира бесконечности (*'абад*). Это как будто река, вытекающая из чрева горы безначальности и протекающая, пока не войдёт в чрево горы бесконечности: неизвестно, откуда берётся и где находит пристанище” [2, с. 224].

Ар-Рази предлагает читателю метафорическую иллюстрацию, которая должна быть принята в качестве предельного фона разъяснения и сама по себе не требует доказательства. В этом своём качестве она сопоставима с кругами Эйлера, делаясь очевидными и интуитивно понятными сложные построения аристотелевской силлогистики.

Начнём с терминов. Термины “безначальное” и “бесконечное” должны пониматься во временном, а не пространственном значении. Их смысл будет понятен, если мы представим себе, что вечность, взятая как безначальное и бесконечное течение времени, как будто бы разорвана в точке настоящего. “Взгляд назад” из этой точки открывает нам отсутствие начала, что и фиксируется термином “безначальность”. “Взгляд вперёд” открывает нам отсутствие конца, что и фиксируется термином “бесконечность”. Сама точка настоящего, из которой направлен взгляд назад и вперёд, – виртуальная, а не реальная точка. Иначе говоря, она имеет мнимый характер, поскольку вечность не состоит из двух “половинок”, безначальности и бесконечности, которые можно было бы представлять как две действительные половины, складываемые и склеиваемые в точке настоящего. Однако для того чтобы дать понять, что такое время, ар-Рази предлагает читателю именно разорвать вечность в точке, “разделяющей” безначальность и бесконечность, и представить время в виде протекания

между безначальностью и бесконечностью. Именно в этом смысл образа двух гор и реки, протекающей между ними.

Интуиция протекания носит принципиально непространственный характер. Её пространственная визуализация влечёт явные противоречия, в отличие от кругов Эйлера, комфортных для восприятия и не вызывающих сопротивления или отторжения. В самом деле, попытавшись визуализировать эту метафору пространственно, например, нарисовав картинку, воплощающую слова ар-Рази, мы получим очевидную бессмыслицу и противоречие. Ведь в таком случае то, что непрерывно, а именно — вечность, окажется разорвано пополам, да ещё и выяснится, что в точке разрыва (которой не должно быть) вставлено некое протекание, которое соединяет то, что изначально не разорвано. Таким образом, пространственная визуализация данного образа очевидно бессмысленна.

Какой в таком случае была бы непротиворечивая концептуализация данной интуиции?

Думаю, что она представлена в парадигматической тройке “действующее—процесс—претерпевающее”. Интуиция протекания предполагает обязательное наличие двух сторон, двух противоположностей (ведь действующее и претерпевающее противоположны), которые непременно связаны чем-то третьим, а именно — процессом. Противоположности здесь принципиально не дихотомичны. Во-первых, потому, что не образуются в результате деления некоего охватывающего их общего рода. Во-вторых, потому, что не исключают друг друга, а напротив, требуют наличия друг друга. На это следует обратить особое внимание. Безначальность и бесконечность в примере ар-Рази только вместе, вкупе делают возможным протекание времени. Точно так же, взяв любой пример процесса “пишущий—писание—записываемое”, “слушающий—слышание—слышимое”, мы увидим, что только вкупе и только благодаря связывающим их процессам действующее и претерпевающее сохраняют сами себя. Дихотомизация и иерархизация противоположностей здесь бессмысленны: оторвав пишущего от записываемого, слушающего от слышимого, мы попросту разрушим процессы, связывающие их, и лишим действующего и претерпевающего их смысловой наполненности (они перестанут быть действующим и претерпевающим).

Как коллективное когнитивное бессознательное проявляется в области языка? Укажу лишь на одно обстоятельство, в общем и целом характерное для индоевропейских языков и характеризующее вместе с тем наивное языковое сознание их носителей. Я имею в виду базовую формулу связи подлежащего и сказуемого, которую можно выразить в виде “С есть П” (субъект есть предикат, подлежащее есть

сказуемое). Если мы говорим по-английски “The sun is red”, по-французски “Le soleil est rouge”, то в этих двух языковых формулах форма “С есть П” выражена очевидно и явно. Более того, мы не можем опустить связку “есть”, не нарушив законы грамматики этих языков и не сделав предложения бессмысленными. Если в русском предложении “Солнце красное” связка опущена, то нам ничто не мешает её восстановить, сказав “Солнце есть красное”. Всё это показывает, что формула “С есть П” встроена в тот способ, каким мы используем наш язык, а именно — один из индоевропейских языков (русский, английский, французский).

Но в чём же значение связки “есть”, которая, с одной стороны, самоочевидна (ведь без неё мы не можем построить никакую фразу), а с другой стороны, сопротивляется ясной экспликации? Её значение в том, что — вспомним круги Эйлера — подлежащее в предложении попадает внутрь той области, которая очерчена его сказуемым. Предложение “Солнце есть красное” мы можем возвести к нашему коллективному когнитивному бессознательному, представленному как круги Эйлера или как разделённый пополам прямоугольник, в котором (в последнем случае) субъект “Солнце” попадает в одну из двух областей прямоугольника, например, обозначенную как “А”. Так коллективное когнитивное бессознательное обеспечивает осмысленность предложения как субъект-предикатной конструкции, как чего-то единого (а не как набора слов).

Из этого следует, что значение (в данном случае — связочного слова “есть”) полностью сводится к коллективному когнитивному бессознательному. Это — пример того, что было сказано в начале статьи: ККБ располагается на границе между внешней действительностью и субъективной реальностью (феноменами сознания). Когда мы слышим слово “есть”, оно для нашего мозга — лишь набор слуховых сигналов, перерабатываемых так же, как перерабатываются любые слуховые впечатления. Однако эти сигналы каким-то образом (каким именно — вопрос к представителям нейронауки) вводят в действие механизм ККБ и благодаря этому превращаются в феномен субъективной реальности: слуховые сигналы опознаются как слово “есть” (задействована языковая способность) и, далее, это слово исполняет через механизм ККБ свою связочную функцию.

В результате мы осознаем смысл целой фразы (единый смысл высказывания “Солнце есть красное”), а не три отдельных значения трёх отдельных слов. Способность связывать слова в предложения — человеческая способность, которая не может быть объяснена как сигнальная функция и, следовательно, не может быть объяснена семиотически. Семиотически, как знак, могут объясняться отдельные

слова; однако понимание слов как звуковых сигналов не специфично для человека, оно доступно многим животным. Именно отдельных слов. А вот связывание слов в предложения, по всей видимости, характеризует именно человека. Ведь оно требует чего-то иного, нежели опознавание звукоочетаний как знаков. А именно, оно невозможно без механизма ККБ. Следовательно, может быть поставлен вопрос о том, что нейронное обеспечение механизма ККБ специфично для человека и лежит в основе способности строить высказывания.

Что касается арабского языка, то, как свидетельствует арабская языковедческая традиция (самая высокоразвитая после фикха – исламской юриспруденции – теоретическая область классической арабской культуры, вклад в которую внесли наиболее выдающиеся её теоретики), в нем не просто отсутствует связка “есть”, когда мы могли бы сказать, что она опускается в обычной речи и может быть восстановлена. Нет, весь грамматический строй арабского языка таков, что исключает подобную связку. Демонстрация этого тезиса потребовала бы серьёзного углубления в специальные арабистические вопросы, поэтому я отсылаю к своей статье, в которой эта работа проделана на обширном эмпирическом материале и где рассмотрена научная полемика вокруг этого вопроса (см. [3]).

Почему арабский язык не просто не нуждается в связке “есть”, но исключает её? Если коллективное когнитивное бессознательное в пределах арабо-мусульманской культуры не носит пространственного характера и не может быть проиллюстрировано картинками типа кругов Эйлера или делённого пополам прямоугольника, то и нужды в использовании связки “есть”, смысл которой – попадание субъекта в пространственную область предиката, этот язык не испытывает. Если коллективное когнитивное бессознательное, характерное для арабо-мусульманской культуры, может быть представлено как необходимая связанность двух сторон, действующей и претерпевающей, неким процессом, то и базовая структура арабской фразы будет воплощать именно эту интуицию, и именно она отражена в концептуализациях, представленных в арабской языковедческой традиции (см. подробнее [4]).

Коллективное когнитивное бессознательное, находя своё отражение в *логике языка*, воплощается и в *логике культуры*. Логика культуры задаёт критерии осмысленности всего, что может рассматриваться как феномен культуры, определяя в первую голову систему ценностей и картину мира, разворачиваясь далее в нормативных системах (этика и право), в теориях политического устройства и т.д.

Вот небольшой пример. Едва ли не через всю историю средневекового Запада проходит

достаточно строгое, и в этом смысле дихотомическое, разделение на светское и духовное. Здесь мы видим ясное разделение духовной и светской власти, церковного права и светского права, духовной музыки и светской музыки, духовной поэзии и светской поэзии, церковной архитектуры и гражданской архитектуры и т.д. Если средневековая западная культура в общем и целом отдавала приоритет духовному над светским, то Новое время лишь поменяло знаки этой иерархии, воспроизведя сам принцип строгой дихотомии (достаточно вспомнить психофизический декартовский параллелизм, прослеживающийся вплоть до современности в самых модных теориях сознания).

Что касается арабо-мусульманской культуры, то при ясном разделении областей земной (*дунья*) и потусторонней (*'ахира*) жизни арабо-мусульманская теоретическая мысль не предполагает их дихотомизацию и иерархизацию. Это означает, что ни одна из них не может рассматриваться в ущерб другой, здесь невозможны построения, напоминающие августиновскую идею “града земного” и “града небесного”, здесь невозможна христианская монашеская аскеза, полностью отвергающая плотское ради духовного. Место этого занимает базовая идея гармонического увязывания двух противоположностей при отсутствии подавления какой-либо из них: ни материальное не берёт верх над идеальным, ни идеальное не одерживает конечной победы над материальным. Почему? Потому что подобная дихотомизация и иерархизация означала бы в пределах арабо-мусульманской культуры обесмысливание целого, поскольку уничтожала бы самое главное – процесс, который связывает воедино две стороны – действующую и претерпевающую. При ясном различии земной и потусторонней жизни мы не найдём в исламской культуре дихотомического разделения на светское и духовное, как оно характерно для средневекового Запада, и не обнаружим иерархизации душевного и телесного в человеке. Человеческое “я” здесь понимается процессуально: как связанность души и тела, составляющая нечто третье, не сводящееся к этим двум сторонам. Это понимание вполне обосновано коллективным когнитивным бессознательным арабо-мусульманской культуры, как оно было очерчено выше, и составляет явный контраст декартовскому психофизическому дуализму, который возможен исключительно в пределах когнитивного бессознательного западного мышления, как это хорошо показал один из виднейших исламских философов современности М.Н. аль-Аттас в своём “Введении в метафизику ислама” [5, с. 253, 254].

ККБ задаёт глубинную логику культуры, влияние которой может быть обнаружено в массовых явлениях на поверхности событий. Поверхностный слой событий всегда производит впечатление

бурлящей стихии, в которой сталкивается неисчислимо множество интересов, мотивов, страстей, причин — как индивидуальных, так и коллективных, — разобраться в которых представляется подчас невозможным. Однако “в глубине” мы обнаружим достаточно простые механизмы ККБ, которые пробивают себе дорогу сквозь всю массу бурлящих “на поверхности” противоречивых событий и задают основной вектор их развития. Следовательно, понять генеральную линию развития можно, если принять во внимание эту определяющую роль ККБ в формировании общего вектора развития культуры.

Проиллюстрирую это общеизвестными фактами новейшей истории исламского мира последнего столетия, расположив их в хронологической последовательности.

Поражение Османской империи в Первой мировой войне ознаменовало её конец и приход к власти Ататюрка, который провёл ряд кардинальных реформ. Их итогом стало создание в Турции светского государства. В 1922 г. был ликвидирован султанат. Однако халифат как институт сохранялся ещё два года, даже, заметим, после провозглашения республики в 1923 г. Ататюрк прекрасно осознавал его значение для исламского мира, указывая, что институт халифата символизирует единство всех мусульман. Однако уже в 1924 г. был ликвидирован и халифат.

Это событие не могло быть расценено исламским сознанием иначе, как катастрофическое. Оно означало (речь о мусульманах-суннитах) насильственное прерывание того единственно правильного и установленного сразу после кончины пророка Мухаммеда состояния дел, которое обеспечивалось институтом халифата. Ведь халифат сохранялся, несмотря на перипетии исторического и политического развития, на всём протяжении исламской истории. Идея власти халифа как “защитника интересов мусульман” (такова его главная функция) оставалась в исламском сознании и в исламской политической теории (см. классические сочинения ал-Маварди (ум. в 1058 г.) [6], Абу Йа‘ла ал-Фарра’ (ум. в 1066 г.) [7] и др.) неизменной и не поколебленной фактически противоречившей ей реальностью. Почему? Потому что именно халиф как защитник интересов мусульман обеспечивал необходимый баланс забот о земной и потусторонней жизни для любого мусульманина. Именно халиф как единоличный глава всемирной общины мусульман (уммы) обеспечивал, таким образом, соответствие исламского общества и государства тому требованию, которое определено и задано в качестве безусловного коллективным когнитивным бессознательным арабо-мусульманской культуры, а именно, требованию процессуальной связанности

противоположностей и их гармоничного баланса. Вот почему ни фактическая раздробленность исламского государства, сопровождавшая его существование на протяжении практически всей его истории, ни фактическое нарушение одного из главных требований к фигуре халифа (выборность) не могли подорвать в исламском сознании идею халифата. Ведь идея халифата обеспечивает *осмысленность* общественно-государственного устройства для носителя того сознания, которое задано очерченным выше процессуальным коллективным когнитивным бессознательным. Так ККБ пробивает себе дорогу сквозь всё многообразие многовекового исторического развития раскинувшейся на гигантских территориях исламской цивилизации.

Вернёмся к историческим фактам. Через год после ликвидации халифата, в 1925 г., выходит в свет книга, написанная шейхом аль-Азхара ‘Абд ар-Разибом “Ислам и основы правления (Ал-Ислам ва усул ал-хукм)” (рус. пер. отрывков см.: [8]). Аль-Азхар считается главным учебным заведением суннитского мира, в котором готовят факихов (исламских юристов). Так вот, в книге ‘Абд ар-Разика была выдвинута именно та теория, которую сегодня мы обозначили бы термином “культурный ислам”. ‘Абд ар-Разиб утверждал, что ислам должен ограничить своё влияние сферой духовной жизни, тогда как в области политики и земных дел следует руководствоваться исключительно соображениями эффективности и практической целесообразности. А поскольку западные страны на протяжении новой и новейшей истории доказали эффективность демократии и соответствующего политического устройства, то и в исламском мире следует воплотить в жизнь те же модели, отбросив наследие ислама и выделив для ислама как религии исключительно область частной, духовной жизни.

Как видим, идеи ‘Абд ар-Разика как нельзя лучше соответствуют концепции “культурного ислама”, секуляризации и построения светского государства в рамках той модели общечеловеческого цивилизационного устройства, которая лежит в основании современной западной идеологии и составляет основу “мягкой силы” Запада.

Какой же была реакция исламских теоретиков и исламского общества? Позиция ‘Абд ар-Разика была полностью поддержана в вышедшей спустя четверть века книге другого представителя аль-Азхара Халида Мухаммада Халида (“С чего начать (Мин айна набда’)?”, 1950). Только отчасти, в критике исторически существовавших форм халифата, поддержал ‘Абд ар-Разика видный алжирский мыслитель ‘Абд ал-Хамид б. Бадис. Однако массовая реакция исламских интеллектуалов носила противоположный характер. Вскоре после выхода книги

‘Абд ар-Разика и в качестве реакции на неё были опубликованы теоретические сочинения, которые сегодня мы относим к классике “политического ислама”. Это и трактаты Хасана ал-Банна, основателя “Братьев-мусульман”, и работы ‘Абд ал-Кадира ‘Авда, главного политического теоретика этой организации, и многих, многих других (см. более подробно [9]).

Изложение этих фактов можно было бы расширить, но главное ясно: так называемый “политический ислам” стал реакцией на попытку секуляризации исламских обществ и идею “культурного ислама”. Почему эта реакция была столь мощной и болезненной, почему сегодня, спустя век после тех событий, она породила метастазы “Исламского государства” (террористическая организация, запрещённая в России), которые пока никому не удаётся вылечить военными методами? На этот вопрос совсем нетрудно ответить, если принять во внимание ту концепцию коллективного когнитивного бессознательного арабо-мусульманской культуры, которая была намечена выше. Ведь идея секуляризации и “культурного ислама” означает удар по коллективному когнитивному бессознательному этой культуры, требуя отказа от базовой троичной структуры, связывающей две противоположности процессом и обеспечивающей осмысленность любых теоретических построений, выстраивающихся на этой основе. Исламское мировоззрение предполагает непрременную связанность земного и небесного, посюстороннего и потустороннего, которая не может быть разорвана, не обесмыслив тем самым любые теоретические конструкции. Но именно такой разрыв земного и потустороннего, дел этого мира и дел того мира, предполагает и требует для своего внедрения идея “культурного ислама”, идея секуляризации, светского общества и т.д. Моя гипотеза заключается в том, что коллективное когнитивное бессознательное, сжимаясь, как пружина, под натиском этих противоречащих ему идей, рано или поздно отыграет назад, причём это “отыгрывание” будет тем уродливее и тем болезненнее, чем сильнее эта пружина была сжата, чем более насильственным оказалось внедрение тех форм социального и политического устройства, которые противоречат коллективному когнитивному бессознательному данной культуры и несовместимы с ним.

Между тем именно это и происходило в арабском мире на протяжении XX в., когда во вновь образованных странах, обретавших свою независимость между двумя мировыми войнами и после, внедрялись, фактически во всех без исключения, западные цивилизационные модели. Но уже начиная со второй половины XX века становится заметным, а к концу века обретает несомненные черты массовый процесс, получивший название *сахва исламиййа*. Этот термин обычно переводят

как “исламское сознание”, хотя точнее было бы передать его словосочетанием “чуткость, восприимчивость к исламскому образу жизни”. Речь идёт о том, что в массовом масштабе происходит возврат к внешним проявлениям традиционного исламского образа жизни. Это наблюдается и в одежде, и в массовом отказе от алкоголя в тех странах, где он не запрещён законом, и в употреблении определённых языковых формул, и в невербальном поведении и т.д. Повторю: это процесс массовый, знаменующий изменение массовой психологии, его нельзя приписать влиянию никаких отдельных исламских лидеров или организаций. Напротив, лидеры так называемого политического ислама и соответствующие движения эксплуатируют именно этот массовый процесс, в основе которого лежит неосознанная попытка вернуть права той коллективной интуиции, тому коллективному когнитивному бессознательному, которое делает для носителей этой культуры осмысленным социально-политическое устройство и саму жизнь.

Что же делать? Обычный ход мысли заключается в том, что необходимо искоренить “политический ислам”, физически нейтрализовать всех террористов, дать полное развитие “культурному исламу” и подключить тем самым арабо-мусульманский мир к “общемировой” стезе цивилизационного развития. Из сказанного вытекает, что такой образ действий лишь усугубит проблему и не приведёт к её разрешению. Следует поступить ровным счётом наоборот, обеспечив права коллективного когнитивного бессознательного арабо-мусульманской культуры. Сделать это можно, легитимизировав в цивилизованной, приемлемой форме поиск идей, реализующих требование процессуальной связанности земного и небесного в проектах социально-государственного устройства (не исключая заранее и идею халифата). Эти идеи не должны отдаваться на откуп радикалам и экстремистам, они могут и должны быть введены в поле цивилизованного теоретического дискурса прежде всего в среде самих исламских интеллектуалов.

Россия имеет исторический шанс предложить такой проект цивилизационного устройства, который мог бы оказаться привлекательным для мира и в то же время не совпадал бы с проектом, успешно реализованным западными странами. Ведь если коллективное когнитивное бессознательное не совпадает в крупных макрокультурных ареалах, таких, к примеру, как западный мир и исламский мир, то и социально-политическое устройство не может проектироваться в них одинаково. Это неопровержимое, с моей точки зрения, теоретическое обоснование той идеи *всечеловеческого*, а не *общечеловеческого*, устройства политики, культуры и жизни, которая была выдвинута ещё в XIX в. такими выдающимися русскими мыслителями, как

Н. Я. Данилевский [10] и Ф. М. Достоевский [11], и развита в классическом евразийстве (см., например, [12, 13]). Ведь всечеловеческое предполагает, что культура, которая опирается на собственные логические основания, имеет полное право и должна выстраивать свою жизнь в соответствии с ними, не подделываясь под шаблон, который выработан другой культурой и объявлен общечеловеческим. Идея всечеловеческого, несправедливо забытая, если не проигнорированная, в отечественной теоретической мысли, сегодня имеет все шансы на то, чтобы стать основой для продумывания контуров глобализации и глобального устройства, которые опирались бы на проект, альтернативный тому, что продвигается сегодняшними мировыми центрами силы. Исторический шанс России заключается ещё и в том, что контуры всечеловеческого (а не общечеловеческого) устройства жизни могут быть в его основах замечены и в историческом развитии самой России, в том числе в советский и постсоветский период. В этом смысле формулировка всечеловеческого глобального проекта опиралась бы на собственный российский опыт в не меньшей мере, нежели на твёрдый теоретический фундамент. Продумывание такого проекта, который составил бы мощное основание “мягкой силы” России, требует, конечно же, совокупных усилий представителей многих специальностей и достойно масштаба Академии наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузичев А. С. Диаграммы Венна: История и применения. М.: Наука, 1968.
2. *Ар-Рази Фахр ад-Дин*. Ат-Тафсир ал-кабир. Т. 1. Байрут, 2000.
3. Smirnov A. “To Be” and Arabic Grammar: The Case of *kāna* and *wujida* // Ишрак: ежегодник исламской философии. 2016. № 7. С. 174–201.
4. Смирнов А. В. Пропозиция и предикация // Философский журнал. 2016. № 1. С. 5–24.
5. Аль-Атмас М. Н. Введение в метафизику ислама: Изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения / Перевод с англ. Москва—Куала-Лумпур, 2001.
6. *Ал-Маварди*. Ал-Ахкам ас-султанийя ва-л-вилайат ад-динийя. Байрут: Дар ал-китаб ал-‘арабийй, 1990.
7. *Абу Йа‘ла ал-Фарра’ (Ибн ал-Фарра’)*. Ал-Ахкам ас-султанийя. Байрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмиййа, 1983.
8. *Абдарразик Али*. Ислам и принципы правления / Перевод Н. В. Ефремовой // История философии. 2015. № 2. С. 148–165.
9. *Джад‘ан Фахми*. Назариййат ад-давля фи ал-фикр ал-‘арабийй ал-исламийй ал-му‘асир // Назариййат ат-турас ва абхас ‘арабиййа ва исламиййа ‘ухра. Амман: Дар аш-шурук, 1985. С. 63–101.
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
11. Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука, 1984.
12. Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага: Издание евразийцев, 1932.
13. Логовиков П. В. Научные задачи евразийства // Тридцатые годы: утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж: Издание евразийцев, 1931. С. 53–63.

После выступления академик А. В. Смирнов ответил на вопросы участников заседания.

Академик РАН Л. М. Зелёный: В вашем докладе речь шла в основном о суннитском исламе. В шиитском исламе другое коллективное когнитивное бессознательное? И второй вопрос: как вы рассматриваете стремление сторонников суннитского ислама распространить его влияние на другие цивилизации?

А. В. Смирнов: “Суннизм” и “шиизм” – термины исторические, их трактовка эволюционировала во времени. В современном массовом сознании шиизм ассоциируется прежде всего с населением Ирана, а суннизм – России, Турции, Саудовский Аравии, Пакистана и других стран. Исламский мир неоднороден, у Ирана и арабских стран во многом разное коллективное когнитивное бессознательное. Это касается, например, восприятия греческого культурного наследия. Прошу учесть, что трактовка коллективного бессознательного, предложенная в моём докладе, – не более чем схема, реальная действительность, конечно же, гораздо богаче нюансами. Что касается сегодняшнего политического развития, шиитский мир смог найти свой вариант приспособления традиционных форм жизни к современности, а вот мир суннитский этого сделать не смог. Я сильно сомневаюсь, что сторонники названной вами религиозной доктрины могут обеспечить её доминирование. Это из области фантастики, потому что для восприятия идей требуется задействование языка, воспитания, комплекса культуры в целом. Стремление к доминированию вовсе не означает, что его можно реализовать на практике.

Академик РАН М. В. Угрюмов: В Греции, во многом благодаря инициативе России, на протяжении ряда лет проводился мировой общественный форум “Диалог цивилизаций”, способствующий диалогу культур. На одном из них я узнал о том, что мусульманским банкам запрещено ростовщичество,

что они имеют право выступать только соинвесторами проектов и получать за счёт этого прибыль. Может быть, этот опыт стоит перенять и нашим банкам, делающим деньги буквально из воздуха?

А. В. Смирнов: Да, ростовщичество категорически запрещено в исламе, но банки разными способами это табу преодолевают. Дело в том, что ещё в средневековом исламском праве (есть определённая аналогия и в иудаизме) существовала практика уловок, то есть легальных путей обхода запретов. Они применяются и сегодня. Осуждается получение выгоды в пределах прямой сделки. Если некто даёт в долг меньше, чем получает позднее от заёмщика в акте взаимной передачи денег, например, дано 10 руб., а по возвращении получено 10,5 руб. — это ростовщичество. Но понятно, что банк не может функционировать без получения прибыли. Поэтому, если выстраивается цепочка экономических операций, где каждое из отдельных звеньев связано с другим вполне легально и в результате банк получает некий процент на свой капитал, такого рода действия не осуждаются. Собственно, исламские банки так и действуют. Другое дело, что определённые этические, моральные императивы, характерные для иной культуры, можем использовать и мы для достижения своих целей. Если наши банки начнут вкладывать деньги в реальную экономику, перестанут считать своим фетишем высокий ссудный процент, это можно будет только приветствовать.

Академик РАН **В. Е. Фортов:** Перейдя от интересных общеполитических моделей к реальности, мы оказываемся свидетелями очень опасного процесса, хорошо описанного в средствах массовой информации. Массовый наплыв беженцев в Европу привёл не к диалогу культур и цивилизаций, а к их столкновению. Творятся чудовищные вещи: переселенцы убивают, насилуют, грабят. Не в том ли причина, что они выросли в условиях другой культуры?

А. В. Смирнов: Приток беженцев в Европу — результат целого ряда действий. Война в Ираке, Ливии, Сирии идёт далеко не первый год, многие из этих людей доведены до нечеловеческого состояния. И вот они оказываются в тех странах, из которых прилетели бомбардировщики, на своих крыльях принёсшие проект демократии...

В. Е. Фортов: То есть своими действиями переселенцы выражают протест?

А. В. Смирнов: Нет, это не протест. Это поведение маргинализированных групп. Арабисты помнят, каким был Ливан до гражданской войны: арабская Швейцария с европейски образованными людьми. Началась гражданская война, и что с ними стало? Палестинцы поколениями живут в ужасных условиях. Что можно ожидать от них?

Воспринимать агрессивное поведение переселенцев как отражение их родовой культуры неверно.

В. Е. Фортов: И как же теперь налаживать межкультурный диалог?

А. В. Смирнов: Перестать навязывать модель, которая якобы является общечеловеческой, то есть модель демократии. Причём навязывать её силой, прежде всего военной. Конечно, нельзя не учитывать, что в исламском мире немало сторонников глобализации по западному стандарту. Но ещё больше противников, особенно среди интеллектуалов. Нужно перестать навязывать им то, что для них является внешним, и спросить их самих, чего они хотят. Не приносить им готовый проект жизнеустройства, а открыть возможность обсуждения ими самими выстраданного, который был бы для них комфортен, их самих устраивал.

В. Е. Фортов: Вы полагаете, что это возможно?

А. В. Смирнов: Да, по крайней мере, на уровне предложений. В XX в. часть этих стран находилась под влиянием Советского Союза, часть — под влиянием Запада. Мощная волна вестернизации почти смыла их классическое культурное наследие. Сейчас они пытаются к нему вернуться. Если бы Россия подключилась к этому противоречивому процессу хотя бы на уровне обсуждения идей, она сильно бы выиграла. Надо открыть путь для рассмотрения вариантов альтернативного развития. Пока же наша позиция в отношении ближневосточных стран выглядит странно. Мы говорим, что не нужно нести туда демократию на крыльях бомбардировщиков. В Ираке, Ливии, Сирии теперь хаос и варварство в результате вмешательства США и НАТО. Но нас могут спросить, почему Россия противопоставляет себя американской геополитической линии, не предлагая никакого цивилизационного проекта. Американская геополитика направлена на то, чтобы распространить на весь мир наилучший, как они говорят, способ устройства общества и жизни — западную либеральную демократию. Если Россия выступает против американского цивилизационного проекта, то, по утверждению западных средств пропаганды, это варварская страна. И до тех пор, пока мы не предложим собственный вариант цивилизационного устройства, хотя бы теоретически, мы будем оставаться в этой парадигме. Либо мы должны присоединиться к западному проекту, либо предложить свой. Другого не дано.

Академик РАН **Ю. В. Гуляев:** Какими факторами вы объясняете устойчивость “Исламского государства”?

А. В. Смирнов: Сто лет назад произошли известные революционные события в России, а после — гражданская война, когда весь “цивилизованный мир” взирал с оторопью на то, что творили

большевики. Считалось, что это чистой воды варварство, не укладывающееся ни в какие рамки. Надежды возлагались на страны Антанты, которые должны были прийти в Россию и покончить с этими “варварами”. Не так ли всё было? Ровно так. Не так ли сегодня смотрят на “Исламское государство”? Ровно так. Безусловное варварство, все об этом знают. Но не на варварстве держались большевики. Массы увидели (правильно или неправильно – это другой вопрос) в них то, что отвечало каким-то их внутренним чаяниям. Как ни парадоксально, то же можно сказать и об “Исламском государстве”. Почему, несмотря на своё безумное варварство, этот проект продолжает обладать привлекательностью? Ответ, который я предлагаю: он отвечает глубинным когнитивным привычкам, действующим на уровне подсознания. Реальный путь борьбы с “Исламским государством” – предложить цивилизованную форму реализации этих когнитивных привычек, цивилизационных привычек, культурных привычек. Не продолжать продавливать западный проект, а предложить что-то другое, открыть поле для разговора. Это уже будет огромным достижением.

Академик РАН Г. А. Месяц: Я хочу понять, почему Запад решил навязать свою волю странам, в которых была стабильная ситуация? Чем им мешал, например, Каддафи, ведь Ливия была социальным государством, там удалось создать арабский социализм? Нет, вернули эту и соседние страны в варварство!

А. В. Смирнов: Обращаю ваше внимание на то, что кровавые события произошли именно в тех странах, где традиционно сильным было влияние

Советского Союза, а затем и России. Это Ливия, Ирак, Сирия. Вы не упомянули о Йемене, но ситуация и там трагична. Плохими или хорошими были Хусейн или Каддафи? Пусть об этом судят граждане Ирака и Ливии. На мой взгляд, они были единственно возможными, ведь эти страны никогда ранее не были национальными государствами. Территория Ливии представляла собой географические области со своими языковыми, этническими и культурными особенностями, но там не было национального государства. Для создания такого государства правителю требуются качества диктатора. Таким и был Каддафи. Поэтому я с вами согласен: не нужно было вмешиваться во внутреннюю жизнь этих стран.

Г. А. Месяц: Тогда получается, что действия Запада на Ближнем Востоке были направлены против России. Уничтожались режимы, которые тем или иным образом нами поддерживались. О каком же цивилизационном проекте можно говорить, если Запад не принёс этим странам ничего, кроме разрушения?

А. В. Смирнов: Против этого я не стал бы возражать. Реализация цивилизационного проекта предполагает построение определённой цивилизации. Если всем известный проект имел успех в Европе, это не значит, что он подходит всем, универсален. Для его успеха в глобальном масштабе нужно весь мир заселить европейцами, а это невозможно по определению. Если мы с уважением относимся к жителям мусульманских стран, необходимо искать пути выхода из тупика, не навязывая чуждый им проект.

ВОЗМОЖНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

ОБСУЖДЕНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ

Предложенная в докладе академика А. В. Смирнова гипотеза, касающаяся влияния коллективного когнитивного бессознательного на язык и культуру, не только интересна сама по себе. Важное её достоинство в том, что она побуждает к размышлениям, отметил, открывая обсуждение, научный руководитель Института востоковедения РАН академик **В. В. Наумкин**. Например, к спорным он отнёс вопрос, можно ли сегодня связывать арабскую и мусульманскую культуру в единое целое, в то время как большая часть мусульман – не арабы? Страна с самым большим мусульманским населением – Индонезия, за ней идут Бангладеш, Пакистан, а это не Ближний Восток. Необходимо учитывать

наличие в мире и арабов-христиан, отличающихся менталитетом от арабов-мусульман.

Европейцы далеко не всегда хорошо понимают суть происходящего внутри исламского мира, часто руководствуясь лишь соображениями политической целесообразности. Примером может служить отношение советской дипломатии в 20-е годы XX в. к идее халифата. Тогда народный комиссариат иностранных дел во главе с Г. В. Чичериным после краха Османской империи выдвигал идею, что халифат может быть полезен, если во главе его окажутся антиимпериалистические силы. При этом Саудовская Аравия рассматривалась в качестве

возможного союзника в борьбе с доминированием Великобритании как колониальной империи. Ваххабиты, разрушавшие святые для мусульман могилы, полагая, что нужно поклоняться только Аллаху, поддерживались нашей дипломатией, критика их отвергалась. Другой пример – отношение к суфизму. В период кавказских войн XIX в. он считался враждебным течением, хотя бы потому, что сторонники Шамиля, с которыми велась многолетняя вооружённая борьба, выступали под флагом суфизма. То же наблюдалось в 1920-е годы, когда салафитские и ваххабитские проповедники приглашались в Центральную Азию для того, чтобы помогать изживать суфизм, который расценивался как враг революции и советской власти. Сегодня ровным счётом наоборот: суфизм внутри страны рассматривается как сила, на которую можно опереться в среде мусульман, а ваххабизм категорически отторгается как чуждое агрессивное течение, навязываемое извне.

Дальнейшего обсуждения требуют языковые парадигмы, выдвинутые в докладе. Отсутствие связи между субъектом и предикатом в арабском языке компенсируется тем, что субъект имеет определённый артикль (эта особенность присутствует и в других семитских языках). Предикат и субъект с артиклем фактически заменяют связку, присутствующую в индоевропейских языках. Поэтому отталкиваться только от языка в объяснении коллективного когнитивного бессознательного той или иной культуры, может быть, и не следовало бы. Что на самом деле важнее – языковая, религиозная или какая-то другая составляющая? На этот вопрос пока нет ясного ответа.

По мнению В. В. Наумкина, Россия, бесспорно, должна использовать “мягкую силу” в продвижении своего влияния в мусульманских странах, предложив свой цивилизационный проект и сделав его привлекательным в противовес навязываемому всему миру либеральному проекту. Но вначале нужно такой новый цивилизационный проект создать. Каковы его параметры, пока неясно, их предстоит сформулировать. Это важная задача для Российской академии наук.

Руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН член-корреспондент РАН **Н. И. Лапин** особо выделил ту часть доклада, где речь шла об общечеловеческом и всечеловеческом. Эти философские категории, различаясь, на первый взгляд, лишь лексически, очень важны и для России как федеративного государства. С позиций федеральных органов власти термин “общероссийский” чаще всего означает некий единый унифицированный подход к регионам, а вот термин “всероссийский” богаче по внутреннему смыслу, когда наряду с интересами

всей страны учитываются особенности и интересы каждого региона в отдельности. **Н. И. Лапин** отметил также, что давно ведущаяся дискуссия по поводу необходимости диалога культур до сего времени не воплотилась в конкретный исследовательский проект с определёнными целями, задачами и составом участников разных научных специальностей, которые могли бы предложить междисциплинарные подходы к обсуждению этих проблем. Возможность разработки такого проекта в рамках Академии наук заслуживает поддержки.

По словам проректора по научной работе Российского университета Дружбы народов доктора философских наук **Н. С. Кирабаева**, проблема понимания особенностей мусульманской культуры, поставленная в докладе **А. В. Смирнова**, очень актуальна для России как многонационального и многоконфессионального государства. Например, в исламе нет институтов церкви, рукоположения, таинства, нет и ортодоксии, ереси в христианском понимании. Что для мусульманина могло бы быть ересью или ортодоксией в нашем представлении – вопрос, на который трудно ответить однозначно. Необходимо учитывать, что дух культуры формируется в ходе её естественно-исторического развития, а арабо-мусульманская культура на своём многовековом пути впитала в себя достижения и индийской, и античной культур, поэтому она представляет собой феномен кросскультурного взаимодействия. Не лишена оснований точка зрения, что первым учителем для арабо-мусульманского мира был Аристотель. **Н. С. Кирабаев** поддержал высказанную в ходе обсуждения доклада мысль о необходимости для России выработки собственного цивилизационного проекта и насущной важности диалога культур.

Взявший затем слово руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН кандидат исторических наук **В. А. Кузнецов** заметил, что логико-смысловая теория, разрабатываемая **А. В. Смирновым**, давно привлекает к себе внимание специалистов и вызывает острые споры. Очень важна прозвучавшая в докладе мысль о существовании в каждой культуре не только коллективного когнитивного бессознательного, но и определённого уровня универсализма, а значит, и возможности её постижения представителями других культур. Важный вопрос, возникающий после заслушанного доклада: насколько аутентичны существующие сегодня на Ближнем Востоке политические системы? И ещё один, крайне актуальный: каково будущее этого региона?

Понятно, что проблема кризиса современных государств ближневосточного региона, о чём шла речь в научном сообщении академика **В. В. Наумкина** на одном из заседаний Президиума РАН,

связана с отсутствием проекта их будущего. Сегодня со стороны Египта, Саудовской Аравии наблюдаются попытки реанимации проекта “арабского национализма”, рухнувшего полвека назад, в 1967 г. Хотя на протяжении долгого времени во многих странах региона внедрялся либеральный проект, в настоящее время он переживает кризис, и даже многие арабские либералы, стремящиеся копировать Запад, смутно представляют будущее своих стран. Таким образом, реально как о проектах можно говорить только об исламизме и халифатизме в разных вариантах. При этом, по словам В. А. Кузнецова, необходимо учитывать, что общество в арабском мире очень фрагментировано. В нём есть интеллектуальная элита, в основном двуязычная, владеющая как своим, так и английским, принадлежащая одновременно к двум культурам. В своей речи эти люди чаще цитируют Эмиля Дюркгейма или Макса Вебера, чем Священный Коран. Именно элиты, воспринявшие западные идеи, формировали и развивали государственность своих стран, стояли на её страже. Они были единственными европейцами в арабских обществах. Но основная масса населения настроена абсолютно архаично, что связано с уровнем религиозности. Согласно последним социологическим исследованиям, низкий уровень религиозности характерен для наиболее и наименее образованных. Неграмотное население в арабском мире в принципе не религиозно и вряд ли является носителем высокой арабо-мусульманской культуры, о которой говорил Н. С. Кирабаев. Что же делать, если демократизация, вовлечение в политическое пространство приводят к тому, что к власти приходит архаично настроенная масса? Вопрос этот остаётся открытым, потому что, с одной стороны, политическое пространство в арабских странах оказывается архаизированным, политическое управление ухудшается, но, с другой стороны, система становится более аутентичной, она больше соответствует логике коллективного когнитивного бессознательного, присущего этой культуре.

Конечно, можно предположить, заметил В. А. Кузнецов, что по мере развития образования в этих обществах ими будут восприняты и лучшие достижения Запада. Наверное, между аутентичной

архаикой и абсолютно чуждым значительной части населения модерном можно пройти, если имплементировать в политические системы элементы рационализма. Такие примеры есть, скажем, в Марокко, где король имеет халифский титул. Можно привести в качестве примера и проект умеренных исламистов, согласно которому халифат есть высшая форма региональной интеграции по образцу Европейского союза или американского федерализма. Абсолютно негативный проект – это ИГИЛ. Диалог между арабскими интеллектуалами был бы очень полезен, и Россия могла бы сыграть в его налаживании большую роль.

Академик-секретарь Отделения общественных наук РАН академик **А. А. Кокошин**, высоко оценив научный уровень заслушанного доклада, высказал мнение, что сопоставление позиций учёных, исследующих философию арабского мира, и востоковедов, изучающих проблемы реальной политики, очень продуктивно. Разумеется, нельзя ожидать от философской науки решения конкретных практических вопросов. Но философия, представленная в докладе академика А. В. Смирнова, – инструмент глубинного познания многих современных явлений. Также важны и оценки, прозвучавшие в выступлениях академика В. В. Наумкина и его коллег. Эти пересечения порождают очень полезные научные споры с выходом на вопросы практической политики.

Подводя итоги обсуждения, академик **В. Е. Форт** поддержал мнение о необходимости выработки внятной политической позиции по отношению к происходящему в ближневосточных странах, особенно к тем из них, где развязаны братоубийственные войны. Именно широкий общефилософский взгляд может стать основой для формулирования практических внешнеполитических задач. “Войны начинаются в умах людей, именно там мы должны поселить мысли о мире”, – говорилось в Хартии ЮНЕСКО, принятой вскоре после окончания Второй мировой войны. Эта мысль сегодня актуальна, как и семь десятилетий назад.

Материалы обсуждения подготовил к печати
С. С. ПОПОВ,
“Вестник РАН”, Москва, Россия
ssp1950@mail.ru

ИЗ РАБОЧЕЙ
ТЕТРАДИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

© 2017 г. В.А. Тишков, В.В. Степанов

Отделение историко-филологических наук РАН, Москва, Россия

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

e-mail: valerytishkov@mail.ru; eawarn@mail.ru

Поступила в редакцию 24.05.2017

В статье излагаются результаты крупного, затронувшего многие регионы России, исследования условий и факторов реализации государственной национальной политики в сфере российского образования. Это междисциплинарное исследование ориентировано не на узкопедагогическую отрасль, а на этнонациональную политику в сфере образования, гражданского и этнокультурного воспитания. Цель исследования – выявить реальные состояние и запросы населения, прежде всего молодёжи, в сфере изучения национальных (миноритарных) языков и этнокультурного образования. Существует разрыв между сугубо образовательными требованиями преподавания миноритарных языков и этнокультурного воспитания в условиях ориентации на подготовку обучающихся к государственным аттестациям и интересами многонационального населения российских регионов, а также задачами общегражданского и этнокультурного развития. По итогам исследования делаются выводы и рекомендации по улучшению этнокультурного образования как части государственной национальной политики и как условия обеспечения межнационального мира и согласия.

Ключевые слова: этническое и языковое разнообразие, этническая политика в образовании, национальные (этнические, миноритарные) языки, государственные языки, этнокультурное образование, этнокультурные потребности в образовании.

DOI: 10.7868/S0869587317100024

Так получилось, что основное внимание исследователей и экспертов в сфере образования концентрируется на инструментальных сюжетах – о количестве учебных часов преподавания тех или иных

языков, о ставках и оплате труда педагогов-предметников, о наличии и качестве учебной литературы. Даже рассуждения о том, какие языки следует причислять в учебных программах к “родным” и “неродным”, также по сути относятся к техническим. Сведение проблемы к дебатам о педагогических деталях снижает интерес широкой научной аудитории к более сложной и комплексной проблеме целей и содержания образования, не позволяет выстроить научную концепцию роли образования в этнокультурном развитии страны, гармоничного сочетания общегражданских и регионально-культурных ориентиров у молодого поколения россиян.

В многоязычных странах вопрос о языках – один из сложных с точки зрения политики и общественных отношений. Нередко языковые проблемы становятся болезненными, вызывая острые дискуссии и конфликты [1]. Понятно, что поддержка государством какого-то одного языка, как правило, языка большинства, и придание ему особого статуса (государственного, официального) продиктованы

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН. СТЕПАНОВ Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЭА РАН.

стремлением обеспечить солидарное единство граждан, сделать язык одним из важных инструментов гражданского национализма [2]. Однако эта политика не бывает нейтральной, обычно она затрагивает другие языки и культуры, оказывает влияние на общественное мнение и политическую ситуацию.

В России за постсоветский период языковые проблемы не раз оказывались в центре ожесточённых дебатов и конфликтов. В первое десятилетие новой России напряжённость из-за языковых разногласий была особенно характерна для поволжских регионов [3]. Ныне острота дебатов существенно ослабла, однако языковая политика федеральных и региональных властей по-прежнему далека от совершенства. Ситуация со школьным преподаванием русского и других языков подвергается критике и со стороны учёных и политиков [4], и со стороны общественных движений [5]. С недавних пор к этому добавились некоторые формы общественного контроля. В 2013 г. в рамках Общероссийского народного фронта стала действовать рабочая группа “Образование и культура как основы национальной идентичности”, которая осуществляет экспертное наблюдение за положением в российских школах. По заявлению активистов этой группы, в августе 2016 г. ими по всей стране были проведены общественные наблюдения за состоянием этнокультурного образования [6].

ЯЗЫКОВАЯ СФЕРА – ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ КОНФЛИКТОВ

Проблема безбарьерного и бесконфликтного существования языков и культур в образовательной среде пока не стала предметом вдумчивого обсуждения. Идёт поиск оптимального сочетания изучения русского языка при сохранении и поддержке языкового разнообразия. По большому счёту, это вопрос реализации конституционных прав граждан на национально-культурное развитие. Как показывают исследования Института этнологии и антропологии РАН, Сети этнологического мониторинга, других научных центров, языковая сфера жизни представляет собой потенциально конфликтное поле, поэтому лучше заблаговременно искать пути решения существующих проблем.

Понимая на свой лад идею упрочения единства образовательного пространства, исполнители в некоторых российских регионах излишне рьяно повели борьбу с культурными различиями в образовательной сфере, забывая, что единство не означает единственного варианта. Плоды этих усилий уже имеют последствия: общественно-политический дискурс переполнен заблуждениями и социальными фобиями, которые серьёзно затрудняют принятие управленческих решений. За последние годы

в разных регионах страны вспыхивали дискуссии на тему дискриминации и несправедливости в сфере образования. При этом мотивы часто довольно схожи – ссылки на неуважение национальности, религии, происхождения по месту проживания и т.п. Широко обсуждаются вопросы школьной и студенческой одежды (формы) и внешнего вида учащихся. Спорят о том, в какой мере в образовательных учреждениях подопечным и сотрудникам допустимо демонстрировать признаки собственной культурной и религиозной отличительности: можно ли носить религиозно обозначенную одежду и её элементы, использовать символику и атрибутику, выказывать культурно-специфические предпочтения в пище и поведении. Имеются случаи обращений граждан в судебные инстанции, делаются громкие заявления, объявляются голодовки и прочее. Конфликты нередко приобретают острую форму, сопровождаются охаиванием и шельмованием в прессе, травмируют психику учащихся и не способствуют толерантности их родителей.

Следует признать, что для отстаивания своих позиций госорганы в сфере образования и руководство учебных учреждений часто используют административный ресурс. Однако ориентируясь на общие стандарты и одерживая верх над поборниками этнокультурной специфики, они на самом деле не решают, а загоняют вглубь существующие проблемы. Судя по всему, в работе по обеспечению единых стандартов в содержании и уровне образования назрела необходимость корректировки: следует согласиться, что *признанное государством разнообразие в образовательной сфере и есть её единое пространство*. Эта идея в большей степени соответствует российской действительности и федеративному устройству страны, не допускает нелегитимных импровизаций в образовательной сфере.

К теме дискриминации вследствие культурных различий относится и проблема ограниченных возможностей получения образования детьми мигрантов и отдельных национальностей, в частности цыган, когда их отказываются принимать в некоторые школы, формируют для них под тем или иным предлогом отдельные классы, создают атмосферу нетерпимости в учебной среде и со стороны родителей школьников. Как показывают исследования, не разрабатываются и не распространяются методические материалы, в которых школьным учителям и вузовским преподавателям разъяснялись бы нормы российского законодательства относительно недопущения дискриминации на почве культурных различий. Представители администрации общеобразовательных учреждений и учителя нередко уверены в том, что дети приезжих не имеют права на получение образования на общих основаниях, ссылаются на закон об образовании, в котором,

к сожалению, действительно нет прямых указаний касательно такого рода дискриминации.

Плохо решается проблема адаптации приезжих детей в школьной и дошкольной образовательной среде, в том числе детей, чьи родители прибыли не из других государств, а из других регионов России. Имея культурные отличия, такие дети не всегда могут приспособиться к новым условиям, и возникают конфликтные ситуации. Требуется серьёзная работа по созданию универсальных культурно-образовательных условий для всех категорий учащихся и на всех ступенях образования – в вузах, школе, дошкольных учреждениях. Необходимы специальные методические рекомендации по адаптации вновь прибывших и для правильного воспитания учащихся из числа местных жителей. Системного решения требует проблема межэтнических, межземляческих отношений в студенческой среде, нередко сопряжённая с конфликтами на почве националистических и религиозных мотивов. А студенты-изгои – весьма удобный объект для пропагандистов радикального толка и всякого рода вербовщиков. Культурная и социальная адаптация требуется не только учащимся, прибывшим из-за рубежа или переехавшим из региона в регион. Далеко не в каждом регионе и населённом пункте, в школе и вузе созданы дружественные условия для представителей местных культурных сообществ и их языков.

Чтобы преодолеть фобии, важно решить задачу подготовки учебной и методической литературы с целью повышения квалификации учителей и воспитателей как специалистов в области межкультурной коммуникации. Используемые сейчас материалы носят случайный и дилетантский характер, в них нередко формулируются ложные цели, например, научить школьников и студентов выявлять различия между национальностями – своего рода излишнее народоведческое натаскивание. В то же время мало внимания уделяется культурной общности россиян разных национальностей, культуре межэтнического общения, вопросам раннего предупреждения противоречий и конфликтов, задачам формирования гражданской солидарности.

Как показывают исследования, возникшее в стране общественное напряжение, связанное с ограничениями национально-языкового и этнокультурного образования, не преодолевается, а даже усугубляется. В связи с этим в российских регионах, прежде всего в республиках, уже высказывались требования законодательно вернуться к национально-региональному компоненту образования (соответствующая норма федерального закона была упразднена в 2007 г.) [7]. Однако, по нашему мнению, возвращаться к этому не имеет смысла, поскольку в 1990-е годы в некоторых российских

республиках усиление национально-регионального компонента в образовании привело к существенным общественным разногласиям. Эта тенденция подпитывалась теоретически местечковыми доктринами, присвоившими себе титул этнической педагогики. Их основу составляла идея воспитания этнически ориентированной личности с признаками готовности воспринимать националистические догматы. Вместе с тем национально-региональный компонент образования, за неимением иного, хоть как-то обслуживал потребности населения, связанные с разнообразием местных языков и региональных культур.

В настоящее время в законе об образовании национально-региональный компонент отсутствует. Вместо него предложен мудрёный правовой механизм, следовать которому решаются немногие. Взять хотя бы норму, согласно которой язык обучения и воспитания определяет либо сама школа, либо учредитель образовательного учреждения [8], а значит, – муниципальные власти и управление образования. В такой ситуации школе легче выполнить приказ свыше, чем проявлять инициативу и брать на себя ответственность.

Фактически *новый механизм реализации этнокультурных образовательных потребностей пока не работает*, можно даже сказать, что такого механизма не существует. Но сами потребности у населения не исчезли, и во многих регионах они активно проявляются. По результатам нашего исследования, не менее трети родителей учащихся и самих школьников высказывают желание обучаться национальным (этническим) языкам. Ещё больше опрошенных хотели бы получать знания о народной культуре, истории, традиционных видах хозяйственной деятельности.

Важно отметить, что принятая в 2012 г. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. определяет задачи в этой области, включая поддержку и развитие культурного и языкового многообразия [9]. Эти задачи фигурируют и в международных обязательствах российского государства. Поэтому вопрос, следует ли школам и вузам поддерживать в своей образовательной деятельности этнокультурное многообразие российского народа, скорее, риторический.

19 мая 2015 г. В.В. Путин провёл совместное заседание Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку при Президенте РФ. Он отметил, что для России с её этническим и культурным разнообразием, сложным национально-государственным устройством сбалансированная и эффективная языковая политика – один из очевидных приоритетов. Исторически сложилось так, что русский язык – это не только государственный

язык нашей страны, но и язык межнационального общения, им владеет абсолютное большинство граждан. Именно русский язык и русская культура сформировали Россию как единую и многонациональную цивилизацию, на протяжении веков обеспечивая связь поколений, преемственность и взаимообогащение этнических культур. Вместе с тем для каждого народа вопрос сохранения и развития родного языка – это вопрос сохранения национальной идентичности, этнокультурных традиций и обычаев. И Конституция России гарантирует право всех народов на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [10].

Хотя поддержание баланса в функционировании русского и других языков России имеет важнейшее значение с точки зрения гармонизации межнациональных отношений и обеспечения гражданского единства, существует немало спекуляций на тему “перегруженности учащихся” и “нежелания родителей” знакомить детей с местными языками и культурами. В то же время исследования, которые проводились в разные годы, доказывают, что у российской школы имеется стойкая потребность в национальных языках и изучении национальных культур [11–13].

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ШКОЛЕ

Воспроизводство национальных языков и культур в образовательной сфере становится затруднительным не только по причине процессов глобализации, но также из-за банальных бюрократических условностей, стремления современной школы “отсечь всё ненужное” и добиться высоких показателей по единым государственным экзаменам. Велико желание попасть в престижные рейтинги, которые не учитывают мнение получателей “образовательных услуг”. Если бюрократическую систему проверок и поощрений частично развернуть в сторону региональных потребностей населения, местные языки и культуры станут гораздо доступнее, что могло бы сыграть важную роль в предупреждении общественной напряжённости и конфликтов.

В ряде российских республик звучат взаимные упреки по поводу сокращения в школах часов или русского, или национального языков, нарушения языковых прав и сложившегося в регионах баланса русско-национального двуязычия. Так, в 2015 г. группа активистов из четырёх республик (Башкортостан, Бурятия, Татарстан, Коми) выступила с открытым письмом к руководству страны под лозунгом “Спасите русский язык и межнациональное согласие в национальных республиках России!”. По мнению заявителей, в русскоязычных школах республик без согласования с родительским

сообществом были приняты учебные планы с сокращённым базовым уровнем изучения русского языка. Учащихся республик, вопреки их желаниям и независимо от наличия или отсутствия у них языковой среды, законодательно принуждают изучать государственный язык республики [14].

Русский язык – не только государственный язык Российской Федерации, но, как показывают переписи населения, для большинства граждан это родной язык и средство межнационального общения. Свыше 99% населения считают себя носителями русского языка, большинство учащихся получают среднее, среднее профессиональное и высшее образование на русском языке. По состоянию на 2015/16 учебный год, в Российской Федерации в 90,5% школ обучение осуществляется только на русском языке, в 4,4% школ обучение смешанное – на русском и других языках, в 5,1% школ дети обучаются на национальных языках [15]. На русском языке учатся 95,8% школьников, в школах со смешанным преподаванием – 3,3% учащихся (483 тыс. человек), в школах с нерусским языком обучения – всего лишь 1% учащихся (132 тыс. человек). В некоторых русскоязычных школах преподаются в качестве самостоятельных предметов национальные языки, которые изучают 1,6 млн. школьников. Кроме того, факультативно или в кружках по интересам при школах национальные языки изучают ещё 57 тыс. детей. Таким образом, суммарно по России из 14 млн. школьников обучаются национальным языкам 2,3 млн., то есть 15,5%, из них только четверть – на интенсивной основе (обучение ведётся на этих языках), тогда как большинство учат национальные языки как один из школьных предметов. Последняя категория изучает национальные языки в начальной школе или на средней ступени, тогда как в программе старших классов национальный язык сохраняется только у десятой части школьников.

Мы опросили в качестве экспертов учителей и преподавателей вузов в трёх федеральных округах – Приволжском, Южном (включая Крым и Севастополь) и Северо-Кавказском. С целью обсуждения возможных причин и поводов сокращения этнокультурных форм образования экспертам задавалось несколько вопросов, в частности, имеются ли в их школах какие-либо препятствия для преподавания родных языков. Далекое не каждый школьный учитель пожелал высказать своё мнение прямо, многие отвечали уклончиво. Особенно много затруднившихся ответить (до четверти опрошенных учителей) обнаружилось в школах Приволжского федерального округа, и именно там учителя реже указывали на отсутствие препятствий в преподавании национальных языков, причём некоторые имели в виду русский язык. Кое-кто отвечал, что в их школе нет явных препятствий к обучению

национальным языкам, однако такие языки не преподаются. Подобные тонкости впредь следует учитывать при проведении мониторинга, иначе социологические замеры будут показывать неоправданно благостную картину.

Особенно важны ответы малочисленной группы учителей, которые полагают, что препятствия для обучения родным языкам в их школах имеются. Такие суждения составляют в среднем менее 10%, но примечательна география: они чаще встречаются в школах Приволжского федерального округа, включая школы в российских республиках, а также в Южном федеральном округе, реже – в Крыму и на Северном Кавказе. Из более чем 400 опрошенных учителей во всех городах Крыма лишь 5,3% заявили, что в их школах есть трудности с преподаванием родных языков, – это один из самых низких показателей в России. Что препятствий нет, считают 87,8% крымских учителей – это самый высокий показатель в России. На Северном Кавказе этот показатель составил 82%, там оказалось несколько больше затруднившихся дать оценку ситуации. Можно считать благоприятным положение в Адыгее и Калмыкии, где соотношение названных социологических показателей приближается к крымскому уровню. А наиболее проблемной учителям видится ситуация в Поволжье и на Юге России.

Учителя часто ссылаются на школьные программы, которые, по их мнению, всецело ориентированы на подготовку школьников к единым государственным экзаменам, а не на освоение разнообразных знаний. Хотя пятая часть опрошенных уклоняется от ответа (отказывается оценивать школьную администрацию), 40% учителей, вузовских преподавателей и других опрошенных экспертов подтверждают, что из-за государственной итоговой аттестации (ГИА) и единого государственного экзамена (ЕГЭ) школы не уделяют должного внимания преподаванию родного языка (кроме русского) и предметов этнокультурной направленности. До половины экспертов считают, что необходимость экзаменационной подготовки снижает мотивацию к получению этнокультурных знаний как самих учащихся, так и их родителей. Это мнение преобладает среди учителей в большинстве регионов. Есть, конечно, и сторонники ЕГЭ, особенно в Крыму, но и там оппонентов не менее трети.

Поскольку система общего образования в России – это не только обучение, но и общественный институт гражданской и культурной социализации, следует просчитывать последствия изъятия из этой системы национальных языков и этнических культур. Учителям и экспертам задавался вопрос, может ли сокращение учебных часов, отводимых на изучение родных языков и этнокультурные дисциплины, стать поводом для недовольства населения

в их регионе. Ответы выявили противоположные мнения: более 40% экспертов считают, что общественное недовольство по этой причине возможно, но столько же опрошенных полагают, что последствий не возникнет, а пятая их часть не смогла или не захотела оценить ситуацию. Важно, что число учителей, ожидающих негативных общественных последствий, оказалось очень значительным. Это тревожный симптом. Причём озабоченность учителей характерна для всех обследованных территорий, включая Крым, особенно же она заметна в Северо-Кавказском федеральном округе и республиках Южного федерального округа.

Эксперты также высказались о том, в каких формах может проявиться общественное недовольство. В первую очередь они указали на мягкие формы – жалобы граждан и общественников в администрацию учебных заведений и управления образования, критические публикации в средствах массовой информации и интернете. Но есть вероятность того, что эту тему поднимут политические партии и политические активисты, причём возможно манипулирование общественным мнением, особенно в период проведения выборов. Упомянулись и обращения граждан и общественников к депутатам, в представительные и исполнительные органы государственной власти, в правозащитные организации. Реже высказывалось опасение, что заявители будут обращаться в суды, что из-за ограничений в языковой сфере и образовании могут обостриться межнациональные отношения.

О жёстких последствиях говорит меньшая часть экспертов, но в республиках негативные прогнозы звучат чаще, особенно в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Так, почти пятая часть экспертов, опрошенных в Адыгее и Калмыкии, уверена, что снижение внимания к национальным языкам и культуре в школьной программе повлечёт за собой ухудшение межнациональных отношений, ещё больше респондентов выразили уверенность, что в этом случае могут возникнуть политические спекуляции и требования изменить федеральное и региональное законодательство.

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Образовательная ситуация в ПФО несколько отличается от среднероссийской, поскольку здесь значительная часть населения владеет национальными языками и называет их родными [16]. Если в целом по России доля знающих нерусские языки составляет 19,4%¹, то в Приволжском окру-

¹ Этот и аналогичные показатели рассчитаны по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. (из базы данных ИЭА РАН).

ге — 27,5%, а в республиках округа половина населения владеет, помимо русского, и другими языками (50,3%). Этот показатель особенно высок в Чувашии (63%) и Татарстане (59%). А среди областей округа языковым разнообразием особенно выделяются Ульяновская (18% жителей знают иные языки, помимо русского) и Оренбургская (15%).

Среди национальных языков в ПФО распространены башкирский, марийский (горномарийский и луговой), мордовский (эрзянский и мокшанский), татарский, удмуртский, чувашский, коми-пермяцкий. В округе ими владеют 6,6 млн. человек (22,5% населения), особенно в республиках (48%), и здесь осуществляется целенаправленная политика по поддержке национальных языков, прежде всего тех, которые в республиках наделены статусом государственных. Обязательным является школьное изучение республиканских государственных языков в Татарстане, Чувашии, Марий Эл.

В республиках Поволжья большинство школ русскоязычные. Обучение только на русском языке осуществляется в 59% школ, на русском и других языках — в 18%, а школы, где основные предметы преподаются на национальных языках, составляют 23%². Только на русском языке получают образование около 70% школьников³, в школах со смешанным преподаванием обучаются ещё 18% учащихся. Что касается школ с нерусским языком обучения, то их посещают только 12% учащихся. В русскоязычных школах национальные языки тоже преподаются — как отдельные предметы или как факультативы. В целом в республиках ПФО из 1,2 млн. школьников национальным языком обучаются около 800 тыс. детей (из всех жителей этих республик национальными языками владеют 5,8 млн. человек⁴). Среди обучающихся национальным языкам школьников углублённо их изучают менее половины, большинство учит национальные языки в начальной и средней школе. Наибольший охват школьников изучением национальных языков отмечается в Татарстане, Чувашии, Марий Эл, наименьший — в Удмуртии.

В школах Татарстана девятиклассники сдают экзамен “единое республиканское тестирование по татарскому языку”, который по сложности делится на три категории: он сложнее для носителей языка

в школах с татарским языком обучения, несколько проще для носителей языка, обучающихся по-русски, для остальных предусмотрен самый простой вариант.

Не во всех республиках ПФО предусмотрено обязательное изучение национального языка, в некоторых нет школ с обучением на родном языке, а там, где формально они есть, они нередко фигурируют только на бумаге либо их количество сокращается быстрыми темпами. Например, в Удмуртии вообще нет школ с обучением на национальном языке, удмуртский язык в качестве предмета в 2011 г. преподавали в 24 городских школах, его изучали 1,7 тыс. школьников. В 2015 г. количество таких школ сократилось более чем в 2 раза, в городах осталось всего 10 школ, в которых удмуртский язык изучают 1,2 тыс. детей, причём часть из них перешла на факультативное обучение или в кружки⁵. Количество сельских школ, где преподают удмуртский язык, также сокращается, что обычно объясняют последствиями демографического кризиса: в 2013 г. было 229 сельских школ с изучением удмуртского языка как предмета, в 2015 г. — 204 школы. Школы закрываются быстрее, чем уменьшается численность учащихся. Например, в Чувашии численность детей и подростков в возрасте до 14 лет за 2001–2015 гг. уменьшилась на 22%, а количество школ сократилось на 32%.

В процитированном выше письме-жалобе говорится “о печали и плаче миллионов русских и русскоязычных школьников национальных республик России и их родителей в связи с насильственным изучением национальных языков”. Но можно привести и много обратных примеров, когда люди обеспокоены исчезновением школ, а вслед за этим и малых языков России [17]. По данным Центра этнокультурной стратегии образования Федерального института развития образования Минобрнауки России, за период с 2002 по 2010 г. количество школ с изучением языков народов России в целом по стране сократилось в 3 раза. Отрицательная динамика связана не только с демографической ситуацией, но и с проводимой оптимизацией школьной сети, а также с недостаточной методической подготовкой учителей, отсутствием современных учебников. Принято думать, что молодёжь с большей охотой учит иностранные языки, а не родные. На самом деле это не совсем так. Проведённый в 2014 г. сотрудниками Федерального института развития образования анализ языковых потребностей старшеклассников выявил, что часть из них в будущем хотела бы связать свою карьеру с родным языком, в том числе 15% изучающих финно-угорские языки,

² Рассчитано по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

³ Эти и последующие сведения получены на основе расчётов по материалам ЕМИСС, Минобрнауки России (форма Д-7 по городской и сельской местности). Указанные открытые источники не являются исчерпывающими, и итоговый расчёт требует экстраполяции. В качестве основы использованы данные Росстата о численности населения регионов по возрастным группам за 2012–2015 гг.

⁴ Рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

⁵ По статистическим данным формы Д-7 Министерства образования и науки Удмуртской Республики за указанные годы.

33% — тюркские языки, 20% — языки народов Дагестана, 40% — чеченский и ингушский языки. Следовательно, чтобы малые языки не исчезли и не деградировали, должны создаваться образовательные условия для тех, кто желает использовать эти языки в своей дальнейшей деятельности [18].

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Распределённый научный центр по изучению межнациональных и межрелигиозных проблем совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН и Сетью этнологического мониторинга провёл исследование с целью выявить наличие и уровень потребности населения в этнокультурном содержании образования⁶. Опрос проходил в октябре—ноябре 2015 г. в девяти регионах ПФО: республиках Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Оренбургской, Самарской, Саратовской областях и Пермском крае. Аналогичные исследования проведены во всех регионах Северного Кавказа и Юга России, включая республику Крым и Севастополь. Применялась квотная целевая выборка, стратифицированная по трём группам: школьники 8—11 классов средних общеобразовательных учреждений; студенты вузов; родители школьников всех ступеней общего образования; эксперты из числа учителей, преподавателей вузов, научных работников, сотрудников управления образования, представителей сферы государственного управления, общественных и религиозных организаций.

Опрос школьников и их родителей проходил преимущественно в городах, где национальные языки менее распространены. Чтобы избежать тенденциозности, выбирались разные школы — обычные, с языковым, математическим или техническим уклоном, прочие. Школьников опрашивали отдельно от родителей (точнее, опрашивались родители других школьников), семьи в опросах не участвовали. Вузы, а в них факультеты и кафедры также выбирались максимально разнообразные — медицинские, инженерные, филологические и др. Для каждой группы опрашиваемых была разработана отдельная анкета, но некоторые вопросы в разных анкетах совпадали (для того, например, чтобы сопоставить мнения школьников и родителей). В ходе этого комплексного исследования в целом по России было опрошено 16 тыс. респондентов,

из них в Приволжском федеральном округе — 5670 человек. Прежде ни одно научное исследование по данной теме не было столь масштабным.

Ситуация в сфере этнокультурного образования. В регионах ПФО школьники и студенты в своих анкетах указали, что изучают или изучали на предыдущих ступенях следующие языки: башкирский, коми-пермяцкий, марийский, мордовский (мокшанский, эрзянский), татарский, удмуртский, чувашский. Из школьников в опросе участвовали только учащиеся 8—11 классов, из них национальные языки изучали 23%. В республиках эта доля немного выше — 31%, однако ситуация по республикам разная. Выяснилось, что среди старшеклассников-русских, проживающих в областях Поволжья, только 8% изучают/изучали национальные языки, а в республиках — 23%. Этот показатель заметно выше у башкир, коми-пермяков, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, чувашей: из них в республиках национальным языкам обучается половина и более старшеклассников. На территории областей у представителей этих этнических групп показатель ещё выше, хотя численность обучающихся национальным языкам, что естественно, гораздо меньше.

47% учителей школ и преподавателей вузов отметили, что в их учреждениях в том или ином варианте обучают национальным языкам. Чаще на это указывали учителя, но и вузовские преподаватели почти в половине случаев сообщали, что в их учреждениях эти языки изучаются.

Нам представлялось важным узнать, в какой мере преподаватели и другие эксперты поддерживают мнение о том, что именно родители школьников и студентов настроены против изучения национальных (миноритарных) языков и этнической культуры. На вопрос, будет ли в ближайшие годы в их регионе достаточное число родителей, заинтересованных в школьном обучении своих детей родным языком, помимо русского, утвердительно ответили 47% экспертов, отрицательно — 29%, остальные затруднились дать оценку. На аналогичный вопрос о школьных предметах этнокультурной направленности ответы “за” и “против” составили, соответственно, 51 и 18%. Однако многие эксперты не захотели или не смогли оценить ситуацию, причём из опрошенных учителей, педагогов и работников управлений образования 20% заявили, что школьные администрации их региона недостаточно осведомлены об этнокультурных потребностях населения в сфере образования.

Большинство экспертов полагают, что в их образовательных учреждениях нет препятствий для преподавания национальных языков. Лишь 8% заявили, что такие препятствия есть, а ещё 23% не ответили. Высказывались и особые мнения, в том числе: “это политический фактор”, “это позиция

⁶ Исследование в рамках государственного задания “Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации. Анализ проблем этнокультурного и исторического образования, анализ языковой политики в регионах Приволжского федерального округа”, установленного Министерством образования и науки РФ в 2015 г.

директора и завучей”, “преподавание есть, но формальное”, “нет специалистов”, “это финансовая проблема”, “нет времени даже на изучение основных дисциплин”, “у нас преподают принудительно и желания не спрашивают”. В зависимости от места опроса мнения экспертов различаются. О наличии препятствий говорили 20% экспертов в Башкирии, 11% в Самарской области (а с учётом высказанных особых мнений этот показатель следует удвоить), такая же ситуация в Оренбургской области, похожая – в Саратовской. В Удмуртии только 9% экспертов заявили о наличии препятствий, в то же время 30% не пожелали высказать своего мнения.

То, что администрации школ из-за ГИА и ЕГЭ менее ориентируются на преподавание родных языков (кроме русского) и на другие предметы этнокультурной направленности, подтверждают 43% учителей и педагогов. С этим не согласны 35% (22% не ответили). Подготовка к ГИА и ЕГЭ существенно сокращает время на преподавание предметов этнокультурной направленности. Эксперты указывают, что подготовка к экзаменам на соответствующих ступенях образования начинается уже с первых дней учебного года. В этих условиях функции по обучению родным языкам, традициям и культуре нередко берут на себя общественные национально-культурные организации, которые, однако, не располагают необходимыми ресурсами и квалифицированными специалистами. А квалификация требуется не только для обучения детей языкам, но также краеведению, региональной истории, народному изобразительному искусству, традиционным видам труда, национальным видам спорта. Некоторые учителя говорят, что всё это не может вписаться в сетку уроков. Важно, чтобы соответствующие темы, а также межпредметные связи находили своё место в преподаваемых курсах, а значит, нужно сформулировать соответствующие требования к разработке государственных стандартов образования.

Таким образом, при существенном разнообразии мнений меньшая часть экспертов полагает, что в их регионах нет и не будет социального запроса на этнокультурное образование, то есть большинство специалистов подтверждает наличие общественного интереса в этой области. Однако есть сомнения в том, что образовательные учреждения готовы в полной мере удовлетворить этот интерес.

О возможных социальных последствиях этнокультурного образования. По мнению 76% экспертов, в их регионе изучение родных языков и этнических культур в образовательных учреждениях не способствует обострению межэтнических отношений. Это весьма существенный результат исследования, ибо такой точки зрения придерживаются респонденты, представляющие разные группы, – не только лично

заинтересованные в преподавании национальных языков. Столько же экспертов заявило, что изучение родных языков и этнических культур не может снижать общий уровень образовательной подготовки учащихся и ограничивать их перспективы на общероссийском рынке труда. Приводили многочисленные примеры успешного поступления выпускников в ведущие вузы страны.

Это мнение подтверждается официальной статистикой. Сравним данные итогов единого государственного экзамена школьников в республиках ПФО (в них гораздо больше обучающихся национальным языкам) с данными по областям ПФО (в них изучающих национальные языки во много раз меньше). Будем сопоставлять долю выпускников, успешно сдавших ЕГЭ, по тем населённым пунктам, где мы проводили опрос. В республиках успешно сдали математику 97,4% выпускников, а в областях – 96,8%. Результаты выпускного экзамена по русскому языку практически не различаются: в республиках – 98,0%, в областях – 98,3%.

Существует мнение, которое поддерживают некоторые учителя и вузовские педагоги, что школы не должны заниматься этническими культурами, это, мол, дело родителей и общественников. Позиция внешне удобная, но недалёкая, не учитывающая социальный эффект системы образования. На вопрос, возможно ли, что сокращение или отсутствие родных языков и этнокультурного образования станет в их регионе источником недовольства общественности, 36% экспертов ответили, что это возможно, с этим не согласны 39%, 25% затруднились ответить.

Сокращение преподавания национальных языков может привести к росту межнациональной напряжённости в регионах ПФО. На это указали около половины опрошенных экспертов, в том числе 45% в республиках. В числе вероятных форм общественного недовольства назывались обращения граждан в администрацию учебных заведений и управление образования, критические публикации в СМИ и интернете, использование этой темы политическими партиями и движениями. О возможных по этой причине сходов граждан, пикетах и митингах говорят 47% экспертов, об обращениях к депутатам – 69%, в суды – 51%. Вместе с тем региональная специфика этнокультурной среды далеко не всегда и не повсеместно принимается во внимание органами образования, а школьные и вузовские администрации часто не ориентируются на запросы местного населения, тем самым формируется общественное напряжение. По мнению значительной части экспертов, прежде всего учителей и преподавателей вузов, оценивание итоговых знаний учащихся по результатам государственного тестирования нанесло серьёзный удар по этнокультурному образованию и преподаванию родных языков.

НУЖНО ЛИ И В КАКОМ ОБЪЁМЕ ПРЕПОДАВАТЬ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ?

Следует учитывать, что для значительной части населения ПФО характерна сложная этническая идентичность: 15–17% респондентов, а среди молодёжи ещё больше, указывают на двойную этническую принадлежность. При этом далеко не всегда этническая принадлежность и родной язык совпадают. С этим нужно считаться при формировании образовательных программ.

Опрос подтвердил, что в некоторых регионах, особенно где носителей миноритарных языков крайне мало, даже в преподавательской среде бытуют упрощённые представления типа: “в русском регионе другие языки не нужны”, “национальный язык – это проблема семьи, а не школы” и т.п. У некоторых респондентов возникают сомнения в необходимости развития этнокультурного образования. Другие считают, что решать проблему нужно, но достаточно, если этнокультурные дисциплины и родные языки (кроме русского) будут изучаться в кружках и воскресных школах. По мнению некоторых экспертов, учебные заведения с преподаванием национальных (миноритарных) языков имеют право на существование лишь в местах компактного проживания этнических групп. Но всё же большинство опрошенных выступают за обеспечение этнокультурных форм обучения непосредственно в стенах школы и вуза.

Бытует мнение, что родители желают обучать своих детей только “практичным” школьным дисциплинам, которые необходимы для успешной сдачи экзаменов и карьеры, однако наши опросы это не подтверждают. Вернее, практичность в суждениях и намерениях присутствует, но её понимание далеко не всегда совпадает с мнением чиновников от образования.

Приведём обобщённую статистику ответов родителей. Против обучения в школах национальным языкам выступили 25% опрошенных. Эту цифру следовало бы несколько увеличить, поскольку некоторые из родителей, особенно в областях, где преобладает русское население, указывали, что под национальным языком понимают русский язык. За ознакомительное изучение национальных языков высказались 19% родителей школьников, за стандартное – 35%, есть также сторонники углублённого изучения. Среди русских респондентов против такого обучения 35%, за общее ознакомление 20%, за стандартное изучение 25%. Естественно, мнения различаются по регионам, в областях ПФО запрос на обучение национальным языкам менее выражен, но тоже есть. Необходимо учитывать, что хотя в областях доминируют русское население и русский язык, но опрашивались жители центральных городов, а в них этническое и языковое смешение выше.

Поэтому неудивительно, что даже при отсутствии в их школах иных языков, кроме русского, родители полагают уместным преподавание национальных языков.

С особым вниманием следует отнестись к мнению родителей в республиках ПФО. Среди них 68% хотят, чтобы их дети изучали в школе национальные языки, противников – 32%. Среди опрошенных в республиках русских сторонников изучения детьми национальных языков 53% (на уровне общего ознакомления – 26%, на стандартном уровне – 21%, на углубленном уровне – 6%), противников – 47%. Что касается родителей из числа башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, чувашей, то среди них не менее 75% желают, чтобы их дети изучали в школах национальные языки.

Родители школьников высказались за обучение не только языкам, но и предметам этнокультурной тематики. Их особенно привлекают история родного края (75%), география родного края (49%), история народов региона (42%) и национальные традиции, народные праздники (38%). Были и суждения типа “всё это бесполезные знания, лишняя нагрузка”, но такого мнения придерживаются лишь несколько процентов респондентов, чаще родители высказывались в том смысле, что “нужны все названные предметы, но не углублённо и без политики”. Некоторые говорили о необходимости пропорционального изучения региональной истории и культуры: “нужна без политики история и особенности русских, татар и башкир примерно в равном объёме, плюс общее ознакомление с чувашами, марийцами, удмуртами, мордвой, кряшенами”. Часть родителей настаивала, что при выборе тематических направлений нужно ориентироваться на мнение школьников.

Обратимся к мнениям учащихся. Уточним, что школьники и студенты были отобраны случайным образом, без учёта этнической принадлежности, а также школьной и вузовской специализации. В выборке среди учащихся оказалось русских 62%, татар 10%, чувашей 6%, остальные – представители других национальностей, характерных для Поволжья. Поскольку в регионе наблюдается значительное этническое разнообразие, неудивительно, что 24% школьников и студентов заявили о своей двойной этнической принадлежности (татаро-русской, башкиро-русской, татаро-башкирской, русско-украинской и т.д.).

Школьники и студенты продемонстрировали высокую заинтересованность в изучении национальных языков, в основном в рамках стандартного курса. В республиках ПФО желание изучать в той или иной форме национальные языки высказали 73% учащихся (среди школьников 64%, среди студентов 82%). Среди опрошенных в республиках

русских заявили о таком желании 61%, против высказались 38%. Что касается школьников и студентов башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, чувашей, то среди них желание изучать национальные языки выражают не менее 80%.

Учащиеся, которые уже изучают национальные языки, по собственному опыту могут оценить, является ли для них избыточной такая учебная нагрузка. Только 13% респондентов заявили, что предпочли бы отказаться от этого предмета, тогда как 86% подтвердили необходимость изучения национального языка (за ознакомительное изучение 20%, за стандартное 39%, за углублённое 24%), среди школьников – 81% (против 19%), среди студентов – 92% (против лишь 7%). В их числе много русских, из которых 75% считают нужным изучать национальные языки (ознакомительно – 32%, в стандартном объёме – 31%, углублённо – 12%), не хотели бы этого делать 25%.

Среди школьников и студентов татарской национальности не желают изучать национальный язык только 10% (желают – 89%). Среди чувашей таких лишь 2%, а среди башкир, марийцев, мордвы, удмуртов вообще не оказалось отвергающих необходимость изучать родной язык. Причём многие выступают за стандартное или углублённое, а не за ознакомительное изучение языка.

Положительно школьники и студенты относятся и к расширению культурологической составляющей обучения – изучению национальной истории (41%) и народной культуры – традициям и обычаям (37%), национальной кухне (46%), национальным видам искусства, ремёслам (29%).

* * *

Итак, в ходе исследования подтверждён интерес учащихся, родителей школьников, учителей к национальным (миноритарным) языкам и народной культуре. Но как это сказывается на идентичности? В этом отношении бытуют определённые опасения и предрассудки, в частности, предполагается, что изучение в школе и вузе этнических культур снижает гражданскую лояльность. Однако в своём большинстве опрошенные учителя и преподаватели вузов указали на отсутствие противоречия между этнокультурным образованием и формированием общегражданской идентичности. Два вида самосознания – гражданское и этническое – дополняют друг друга.

В то же время проблема взаимовлияния этнокультурного образования и идентичности непроста. Спекуляций на этот счёт много, серьёзных исследований мало. Мы получили некоторые сведения об идентичности учащихся и их родителей, но к интерпретации этих данных нужно подходить

аккуратно. Следует иметь в виду, что опрошенные старшеклассники обучались по устаревшей программе, в соответствии с парадигмой национально-регионального компонента. Да и обновлённые программы национально-языкового обучения основаны на изжившей себя концепции приоритетного формирования этнонационального (то есть этнического) самосознания учащихся. Постепенно образовательные программы и педагогические приёмы становятся более адекватными, в них складывается необходимое сочетание целей, например, воспитания чувства любви к малой Родине и гордости за Российское Отечество, формирования гражданско-патриотических качеств личности на основе бережного отношения к культурному наследию. В республиках ПФО у школьников и студентов, изучающих (изучавших) национальные языки, выявлен высокий уровень гражданской идентичности – 82%, хотя этот показатель несколько ниже, чем в среднем по выборке, а этническая и региональная идентичность выражена чуть более заметно.

Результаты исследования позволяют утверждать, что опасения в отношении этнокультурного образования несостоятельны. Большинство экспертов выразили уверенность, что изучение родных языков и этнических культур не оказывает негативного влияния на межнациональные отношения. Наоборот, при сбалансированном подходе оно способствует формированию гражданского самосознания молодёжи, уважительному отношению к культурному наследию, воспитанию социально-ответственных норм поведения. В республиках Поволжья те русские школьники и студенты, которые изучают национальные языки, более терпимы к мигрантам. На вопрос, как они относятся к возможному совместному обучению с мигрантами, высказались положительно 31% опрошенных, отрицательно – 8%, среди неизучавших национальные языки – 25% и 11% соответственно.

Исследование оказалось полезным с практической точки зрения. В регионах ПФО оно выявило как достижения, так и слабые места этнокультурного образования, заметную противоречивость запросов и оценок разных категорий населения в этой сфере – от глубокой заинтересованности в получении знаний о языках и культурах до выявления этих знаний совершенно ненужными. Однако очевидно, что сегодня у части российского общества сформирована выраженная потребность в этнокультурных знаниях, профессионально преподаваемых в школе и вузе. Эксперты предполагают, что с течением времени родители будут ещё более заинтересованы в обучении своих детей родным языкам и предметам этнокультурной направленности, в частности, в школьной системе допрофессиональной и профессиональной подготовки

учащихся. Этому способствуют новые социальные явления: распространение в регионах России рекреационных услуг, этнографического туризма, традиционной кухни. В ближайшие годы будут развиваться традиционные промыслы, народные технологии деревообработки, производства мебели, художественных изделий и т.п., что станет стимулом к появлению новых видов занятости, созданию рабочих мест.

Сегодня сложилась ситуация, когда этнокультурное образование в большей мере поддерживается в школах и слабо реализуется в системе профессионального среднего специального и высшего образования, хотя потребность в нём демонстрируют все категории учащихся. Учителя и преподаватели говорят, что сокращение или отсутствие этнокультурного образования чревато проявлениями социального недовольства. Этим могут воспользоваться политические активисты, заявляющие о “намеренной ассимиляции” этнических групп и “уничтожении” национальных языков. По мнению большинства экспертов, наличие этнокультурного содержания образования не снижает, а повышает уровень гражданской зрелости учащихся и студентов, способствует развитию личности, формирует интерес к другим языкам и культурам. При этом преодолеваются негативные этнические стереотипы и в целом снижается межнациональная напряжённость.

Вместе с тем способы подобного обучения пока в должной мере не выработаны, ощущается нехватка образовательных программ, педагогических кадров, учебников, не организован регулярный мониторинг образовательных потребностей населения. Несмотря на обозначенные проблемы, этнокультурное образование в России обладает значительным потенциалом формирования гражданского согласия, и государство должно этим воспользоваться.

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта № 15-31-11109 “Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности в развитии российского общества”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОС-СПЭН, 2016.
2. *Тишков В.А.* Языки нации // Вестник РАН. 2016. № 4. С. 291–303.
3. *Тишков В.А.* Язык и алфавит как политика // Этнология и политика: научная публицистика. М.: Наука, 2001.
4. Портал “Национальный акцент”, Гильдия межэтнической журналистики (<http://nazaccent.ru/content/16073-putin-problema-v-obuchenii-nacionalnym-yazykam.html>)
5. Портал “Национальный акцент”, Гильдия межэтнической журналистики: Тувинцев возмутило предложение изучать родной язык как иностранный (<http://nazaccent.ru/content/16280-tuvincev-vozmutilo-predlozhenie-izuchat-rodnoj-yazyk.html>); В Казани русские активисты в День русского языка провели пикет (<http://nazaccent.ru/content/16310-v-kazani-aktivisty-v-den-russkogo.htm>); *Серёгина Л.* Иезуитские парадоксы образования в Башкирии (<http://svpressa.ru/society/article/123555>)
6. Сетевое издание “Информационный ресурс Общероссийского народного фронта” (<http://onf.ru/2016/08/29/aktivisty-onf-v-ulyanovskoy-oblasti-proveli-opros-roditeley-uchenikov-shkol>)
7. Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта” от 01.12.2007 № 309-ФЗ.
8. Федеральный закон “Об образовании”. Ст. 6. П. 3.
9. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 “О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года”.
10. Выступление Президента РФ В.В. Путина на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку (<http://www.kremlin.ru/events/councils/49491>)
11. Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. Вып. 1 / Ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2010; Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. академика В.А. Тишкова. М.: ИП А.Г. Яковлева, 2011.
12. *Степанов В.В.* Модернизация российской школы и проблема сохранности этнокультурного образования // Московская модель этнической политики / Ред. О.В. Кульбачевская, В.В. Степанов. М.: Росинформпротех, 2015.
13. *Захаров А., Нестюк Т., Степанов В.В., Тудвасева З.* Язык и образование как объекты этнической политики // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 76 / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: УОП ИЭА РАН, 2008.
14. Портал “Свободная Пресса”, автономная некоммерческая организация “Интернет-Пресса”: “Спасите русский язык и межнациональное согласие в национальных республиках России!” Открытое письмо Владимиру Путину, Дмитрию Медведеву и всем представителям власти (<http://svpressa.ru/blogs/article/121884>)

15. Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка. Министерство образования и науки Российской Федерации (<http://opendata.mon.gov.ru/opendata/7710539135-D7>)
16. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специсследования / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.—Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016.
17. Портал “Национальный акцент”, Гильдия межэтнической журналистики: *Сморчков М.* Родной язык как роскошь. Оптимизация системы образования угрожает национальным школам (<http://nazaccent.ru/content/16181-rodnoj-yazyk-kak-roskosh.html>); Карельский активист пожаловался на русификацию жителей республики (<http://nazaccent.ru/content/17970-karelskij-aktivist-pozhalovalsya-na-rusifikaciyu-zhitelej.html>); Депутаты Госсовета Татарстана испугались уничтожения национального образования в России (<http://nazaccent.ru/content/18757-deputaty-gossoveta-tatars-tana-ispugalis-unichtozheniya-nacionalnogo.html>)
18. Портал “Национальный акцент”, Гильдия межэтнической журналистики: *Артёменко О.* Нужна государственная языковая политика (<http://nazaccent.ru/column/88>)

ДИСКУССИОННАЯ
ТРИБУНА

**ОКТАБРЬ 1917-го: ВООРУЖЁННОЕ ВОССТАНИЕ МАСС,
БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ НЕЧТО ИНОЕ?**

© 2017 г. А.В. Гринёв

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: agrinev1960@mail.ru*

Поступила в редакцию 12.12.2016

Статья посвящена анализу одного из переломных этапов отечественной истории – Октябрю 1917 г., 100-летний юбилей которого отмечается в нынешнем году. Автор доказывает несостоятельность представлений об этом судьбоносном событии как о вооружённом мятеже, большевистском перевороте, стихийном восстании масс или социалистической революции, предлагая совершенно иную трактовку, свободную, как предполагается, от идеологической мифологии.

Ключевые слова: революция, Октябрь 1917 г. в Петрограде, социализм, отечественная история, политаризм.

DOI: 10.7868/S0869587317100036

В послании к Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. Президент РФ В.В. Путин, говоря о грядущем 100-летнем юбилее событий 1917 г., подчеркнул: “Наступающий 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод ещё раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, учёных – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий” [1, с. 2].

Попробуем разобраться в сути проблемы, ведь в её понимании до сих пор нет единства ни среди учёных-историков, ни среди политиков и журналистов, ни среди широкой общественности. При этом с самого начала необходимо отделить Февральскую революцию от событий Октября 1917 г., поскольку

это были качественно различные исторические явления, причём именно Октябрь, а не Февраль предопределил развитие страны на десятилетия вперёд.

Какова же природа октябрьских событий рокового 1917 г., одного из кульминационных моментов отечественной истории? Если в советский период они однозначно трактовались как Великая Октябрьская социалистическая революция (и такая точка зрения популярна до сих пор), то после распада СССР оценки стали более разнообразными, нередко диаметрально противоположными. Октябрь 1917 г. объявляют то просто вооружённым переворотом, то заговором большевиков, устроивших в Петрограде мятеж или путч с целью захвата политической власти. В новейших школьных учебниках Октябрь преподносится как завершение революционного процесса, начавшегося в феврале 1917 г., как вооружённое восстание и “революция рабочих и крестьян” [2, с. 28, 30, 45]. Встречаются и более экзотические варианты, когда октябрьские события трактуются как “самопроизвольная социалистическая революция”, которая знаменовала собой торжество эгалитарного менталитета крестьянской массы [3, с. 74].

Но отвлечёмся от бытующих в историографии и общественном сознании представлений

ГРИНЁВ Андрей Вальтерович – доктор исторических наук, профессор СПбПУ.

и обратимся к научному анализу. Первое, что необходимо выяснить, — это суть такого исторического явления, как Октябрь 1917 г. Был ли это путч, вооружённый переворот, восстание масс, революция или нечто иное?

Исторические реалии никак не соответствуют определению “путч”, поскольку этим термином (производным от немецкого *Putsch* — вооружённый мятеж, государственный переворот) принято обозначать заговор узкой группы лиц, нередко военных (как правило, высших офицеров), с целью свержения существующей власти. Очевидно, что ни Ленин, ни Троцкий, ни другие вожди Октября не относились к генералитету и в армии никогда не служили. А главное — они опирались не на узкий круг заговорщиков, а втянули в своё движение достаточно широкие массы населения Петрограда.

Ещё менее подходящим для характеристики Октября 1917 г. представляется слово “бунт” (от польского *bunt*, произошедшего от немецкого слова *Bund* — “соединение, союз, связка”). Бунт — это массовое стихийное выступление народа против существующей власти, часто принимающее кровавые формы. Но, как мы знаем, события в Петрограде осенью 1917 г. не носили стихийного характера, а были тщательно спланированы большевиками во главе с Лениным, да и сам ход событий не повлёк за собой многочисленных жертв и кровавых расправ (что имело место в феврале того же года, когда в ходе столкновений в Петрограде было убито и ранено несколько сотен человек).

В таком случае, возможно, больше подходит слово “мятеж” (древнеславянского происхождения)? Под “мятежом” обычно понимается вооружённое выступление в армии либо на флоте, возникшее стихийно или в результате заговора, направленного против государственной власти и её представителей. Но, как только что было сказано, захват власти большевиками осенью 1917 г. тщательно готовился, и потому события Октября 1917 г. стихийными никак не были. С другой стороны, часть петроградского гарнизона и моряки Кронштадта участвовали в вооружённом выступлении во главе с большевистской партией, окончившемся захватом Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Однако если понимать “мятеж” как синоним вооружённого выступления армейских частей против легитимной государственной власти, то становится очевидным, что свергнутое большевиками Временное правительство не было полностью легитимным — неслучайно оно называлось “временным”. Кроме того, в захвате Зимнего, помимо солдат и матросов, приняли участие гражданские лица — рабочие петроградских фабрик и заводов. В таком случае, может быть, целесообразно

именовать Октябрь 1917 г. просто “вооружённым переворотом”?

Но и этот термин не годится, поскольку октябрьские события в Петрограде привели не к простой смене правящих элит (подобно киевскому евромайдану в феврале 2014 г.), а к глубоким изменениям всей общественной жизни. Аналогичным образом для определения Октября не слишком подходит и часто используемый термин “восстание”. Дело в том, что восстание — один из видов массовых выступлений против существующей власти, как правило, не приводящих к смене политического строя [4]. Однако октябрьские события не просто изменили политический строй в стране, но изменили его качественно, затронули все сферы жизни общества. А это присуще только такому масштабному социально-политическому явлению, как революция. В таком случае, наверное, правы большевики, именуя свой приход к власти Великой Октябрьской социалистической революцией?

Но не будем торопиться с выводами. Обратимся к характеру октябрьских событий. Очень часто в качестве критерия их оценки избирают движущие силы, втянутые в революционное движение или возглавляющие его. Но революционный порыв может охватить буквально все слои населения, и этот критерий вряд ли следует признать безошибочным. Ведь, как известно, ни В.И. Ульянов-Ленин, ни Л.Д. Троцкий, ни Я.М. Свердлов, ни Н.И. Бухарин, ни другие видные лидеры большевиков по своему происхождению не были рабочими, хотя возглавили, по их же собственному определению, “пролетарскую революцию”. Установленную в результате свержения Временного правительства власть у нас продолжают по доброй марксистской традиции именовать “диктатурой пролетариата” [5, с. 91; 6, с. 27] и внедрять этот миф в сознание подрастающего поколения [2, с. 51]. Если же вдуматься, то с теоретической точки зрения “диктатура пролетариата” вообще невозможна: это такой же нонсенс, как “жареный лёд”. Дело в том, что это понятие противоречит универсальной политической закономерности, в соответствии с которой власть в любом обществе принадлежит основным собственникам средств производства (в феодальном — феодалам, в буржуазном — капиталистам и т.д.). Пролетариат — класс наёмных работников, лишённых собственных средств производства и вынужденных жить продажей своей рабочей силы. Таким образом, если пролетариат завоюет власть и получит в собственность средства производства, он перестанет быть пролетариатом. Диктатура, то есть не ограниченная законом власть, действительно установилась в России после Октября 1917 г., но это была диктатура не пролетариата, а партийно-государственной бюрократии [7].

Здесь мы подходим к более существенному критерию любой революции, а именно: к какому общественному строю (системе) произошёл переход? У большевиков и их последователей уже есть готовый ответ: ну, разумеется, к социализму, отсюда и характер Октябрьской революции как социалистической. Но сложился ли в Советской России, а затем в СССР социализм? И что такое “социализм”? За ответом на этот вопрос обратимся к Советскому энциклопедическому словарю, изданному на закате СССР. В нём даётся такое определение: “СОЦИАЛИЗМ, первая, или низшая фаза коммунизма. Впервые С. победил в СССР в результате Вел. Окт. социалистич. рев-ции, установления диктатуры пролетариата, индустриализации, социалистич. преобразований с. хоз-ва и культурной рев-ции... Это об-во, в к-ром: средства произ-ва — в руках народа, навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком, социальным угнетением, властью привилегированного меньшинства, нищетой и неграмотностью миллионов людей...” [8, с. 1261].

Таким образом, согласно официальному советскому марксизму, социализм представляет собой общество, приходящее на смену капитализму. Экономической основой новой системы выступает общественная собственность, а социальной базой является свободный от эксплуатации рабочий класс, которому принадлежит политическая власть. Используя для анализа привычную марксистскую методологию и терминологию, посмотрим, сложилось ли подобное общество в СССР.

Начнём с того, что характер любого общества определяется господствующим типом собственности, а власть принадлежит основным собственникам средств производства. С теоретической точки зрения, для реализации социализма как общественной системы необходимо выполнить как минимум два условия: сделать работника собственником средств производства и обеспечить ему полную личную свободу. Получил ли работник в свою собственность средства производства в нашей стране после Октября 1917 г.? На этот вопрос приходится дать однозначно отрицательный ответ. Собственность, хотя и пропагандистски именовалась “общенародной”, перешла от частных и корпоративных собственников к государству, о чём мечтали ещё классики марксизма в “Манифесте Коммунистической партии” [9, с. 446, 447] и чьи идеи на практике воплотил В.И. Ленин. Но раз фактически вся собственность сосредоточилась в руках государства, значит, отчуждение работника от средств производства сохранилось. А последнее обстоятельство в любом обществе имеет один закономерный результат — ту или иную форму эксплуатации. И она имела место в советский период, причём, согласно данным современных экономистов,

норма эксплуатации работника при “социализме” была в несколько раз выше, чем на капиталистическом Западе [10, с. 105].

В этом нет ничего удивительного: будучи единственным монопольным собственником, государство (как любой собственник) стремилось свести затраты на рабочую силу к минимуму. В немалой степени этому способствовало отсутствие забастовочного движения в СССР. Более того, в отдельные периоды “социалистического строительства” (особенно в 1930-е годы) происходила даже сверхэксплуатация трудящихся, когда варварское использование рабочей силы на “всенародных стройках”, в колхозах и особенно в системе ГУЛАГа приводило к её невосполнимой утрате. С целью же обеспечения психологической стабильности и единства общества советская пропагандистская машина едва ли не до последних своих дней обличала мещанство, накопительство, любовь к комфорту, стремясь удерживать запросы населения в рамках весьма ограниченных “разумных” (минимальных) потребностей.

Главной формой эксплуатации в СССР было перераспределение прибавочного продукта посредством налогообложения и натуральных сдач, что опять же неудивительно, учитывая специфику главного эксплуататора [11]. Правда, для маскировки самого факта эксплуатации в СССР основной упор делался не на прямые, а на косвенные налоги посредством манипулирования ножницами цен и самими ценами, главным образом путём их завышения на предметы потребления [12, с. 54; 13, с. 41, 42; 14, с. 30, 31]. Эксплуатация и социализм — понятия теоретически несовместимые, а потому напрашивается вывод, что первое непреложное условие социалистического общества в нашей стране никогда не выполнялось.

Рассмотрим теперь второе условие, необходимое для реализации социализма, — личную свободу работника. И в этом случае советское общество вряд ли могло претендовать на статус “социалистического”. Дело в том, что в СССР человек не только не имел полной личной свободы в экономической сфере, но сам выступал в качестве своего рода собственности государства. Отсутствие же свободы работника всегда будет иметь следствием внеэкономическое принуждение к труду. Оно и реализовывалось на практике, получив юридическое оформление в виде известной статьи уголовного кодекса о тунеядстве (здесь можно вспомнить и принятый в 1939 г. закон об уголовной ответственности за пятиминутное опоздание на работу, и другие аналогичные акты правительства). Паспортная система, институт прописки и трудовая книжка позволяли государству контролировать каждый шаг человека. По воспоминаниям современников

[15, с. 26–40, 45–46], в начале 1950-х годов право рабочих на добровольное увольнение с работы на заводе было крайне ограничено: люди фактически находились на положении так называемых приписных крестьян, которых царские власти некогда прикрепляли к казённым мануфактурам и заводам. А колхозное крестьянство, не имея паспортов до середины 1970-х годов, испытывало все тяготы государственного крепостничества [16].

Таким образом, можно со всей определённо-стью утверждать, что оба минимальных условия существования социализма в СССР реализованы не были, а следовательно, наша страна никогда не была социалистической. Отсюда логически вытекает вывод: по своему характеру Октябрь 1917 г. не был социалистической революцией. Но в таком случае возникает вопрос, к какому общественному строю привели октябрьские события.

Многие политологи, историки и экономисты пытались решить эту проблему, называя советское общество “тоталитарным”, то есть используя в качестве критерия характер господствующего политического режима. Ряд отечественных и зарубежных авторов, исходя из более обоснованного экономического критерия, полагают, что в СССР сложился или государственный капитализм, или государственно-монополистический капитализм, или социально-ориентированный государственный капитализм [17, с. 25; 18, с. 149, 276; 19, с. 83]. Однако очевидно, что в обществе, где государство выступает основным собственником средств производства и рабочей силы, капитализм не может ни господствовать, ни нормально развиваться в силу ряда фундаментальных причин. Для развития капитализма необходимо доминирование частно-личной собственности, товарного производства, рыночных отношений, наличие конкуренции, свободного работника и независимой судебной власти. В советском обществе эти условия не соблюдались, более того, они были ему чужды.

Некоторые исследователи, исходя из факта господства государства в экономике, предлагают использовать применительно к советскому обществу такие термины, как “этакратизм” (от франц. *état* – государство) [12, с. 51], другие – “общество с раздаточной экономикой” [13, с. 37–47], третьи предпочитают использовать хорошо знакомый советским специалистам термин “азиатский способ производства” [20, с. 349–353, 363–386; 21, с. 84], суть которого раскрыл ещё К. Маркс [22, с. 222; 23, с. 353, 354]. Наиболее удачное, на мой взгляд, определение принадлежит видному отечественному этнографу Ю.И. Семёнову – “политаризм” (от греч. *πολιτεία* – власть большинства, то есть в широком смысле государство, политическая система). Во-первых, этот термин находится в русле

традиционного греко-латинского категориального научного аппарата. Во-вторых, он наиболее точно отражает суть явления – общество идентифицируется, исходя из характера господствующих в нём типа собственности и производственных отношений (по аналогии с феодализмом и капитализмом). Наконец, именно в обстоятельных работах этого автора убедительно показан механизм возникновения политаризма как первой классово-антагонистической формации у различных народов мира [24–26].

Итак, *политаризм* – это общественный строй, экономической базой которого выступает верховная частная (то есть связанная с эксплуатацией) собственность государства на основные средства производства и личность непосредственного производителя. Конкретные проявления политаризма в истории человечества весьма многообразны. Достаточно сказать, что политарные общества встречаются как в XX в. н.э., так и в XX в. до н.э. Классическим образцом агрополитарного общества было сформировавшееся в Южной Америке на базе предшествовавших местных цивилизаций общество-государство древних инков [27]. В Старом Свете к политарным относились, например, общества Древнего Египта и Китая [28, 29]. Политарным было и общество Киевской Руси (когда вся Русская земля считалась коллективным владением рода Рюриковичей). В частности, известный специалист по истории аграрной России Л.В. Милов называет политарные отношения “раннефеодальными” и пишет о формировании в Древней Руси “государственного феодализма” [30, с. 434, 435, 437, 479, 554–558].

Потенциальная феодализация Руси была грубо прервана татаро-монгольским нашествием (1237–1242), отбросившим страну к политаризму ярко выраженного восточного типа, когда под мощным прессом Орды заимствовались многие элементы материальной и политической культуры Китая, Монголии, Персии, а затем и Турции [31; 32, с. 144–147, 166]. Выросшее сначала в кооперации, а затем в борьбе с Ордой, Московское княжество было типичным восточным обществом. Мало что изменили и проведённые Петром I многочисленные реформы. Известный досоветский историк Н.П. Павлов-Сильванский подчёркивал: “Наивысшее напряжение реформаторской власти государства нового времени у нас в эпоху Петра I не изменило главных оснований социального и государственного строя... Словесный строй государства вышел из эпохи преобразований без существенных перемен, а крепостное право, лежавшее в основании этого строя, только усилилось после Петра... Петровская реформа не перестроила заново новое здание, а дала ему только новый фасад” [33, с. 144, 145, 147; 34].

Поэтому, несмотря на первоначальный импульс, приданный экономике и обществу петровскими реформами, Российская империя с течением времени всё более уступала наиболее развитым и динамичным капиталистическим государствам, в том числе и в критически важной военной сфере, из-за постепенно накапливавшегося экономического, технического и технологического отставания. Это ярко продемонстрировала Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. Именно под влиянием поражения в этом масштабном столкновении с ведущими капиталистическими державами того времени — Англией и Францией — император Александр II начал свои Великие реформы, которые были призваны поставить Россию на рельсы капиталистического развития, правда, при содействии и под контролем государства.

В результате к началу XX в. в стране сформировался весьма специфический вариант государственно-монополистического капитализма, для которого были характерны очень высокая концентрация и централизация капитала, а также господство связанных с казной монополий [35, с. 15, 22, 31]. Следствием стали несамостоятельность и пассивность значительной части российской буржуазии, её ориентация на выколачивание денег из государственной казны и получение различных льгот со стороны правительственной бюрократии — явления, весьма характерные и для современной российской действительности. Сращивание отечественного капитала с государством особенно усилилось в годы Первой мировой войны, когда казённые заказы и государственное регулирование экономики достигли своего апогея.

Что касается обширного аграрного сектора, то здесь попытки после революции 1905 г. посредством Столыпинской реформы поставить сельское хозяйство на рельсы капитализма путём демонтажа крестьянской общины и общинной земельной собственности и развития индивидуального фермерства в целом не увенчались успехом. Большинство крестьян продолжало трудиться в рамках традиционных сельских общин с их регулярным уравнительным перераспределением земли. В то же время бурный демографический рост на селе закономерно привёл к обезземеливанию крестьянства и усилению социальной напряжённости, чему способствовали обострение отношений городского пролетариата и буржуазии, социальная, этническая и религиозная дискриминация, недовольство части господствующей элиты существующими порядками.

Сложившиеся в России в начале XX в. острейшие противоречия не были разрешены ни революцией 1905 г., ни Февральской революцией 1917 г., хотя обе они, каждая по-своему, способствовали

утверждению и развитию капиталистических отношений и буржуазной демократии. Первая привела к аграрным преобразованиям и возникновению российского парламента — Думы, а вторая — к падению династии Романовых, провозглашению республики и буржуазных свобод. Окончательному становлению буржуазного общества в России помешал Октябрь 1917 г., который отбросил её к традиционному политаризму, правда, в псевдосоциалистической идеологической упаковке и с полуиндустриальной технической базой.

Любая революция (в природе, технике, науке, обществе) обычно означает переход на более высокий уровень, к более прогрессивным формам бытия и сознания. Октябрь же 1917 г. вернул страну к исходному строю, по сути, это была *Великая Октябрьская политарная контрреволюция*.

Мне могут возразить: а как же индустриализация страны, достижения в области образования, здравоохранения, науки? Вряд ли это можно назвать движением вспять. Действительно, совершенно бессмысленно отрицать формирование в 1930–1950-х годах в СССР современной для того времени промышленной базы. Но здесь нелишне задаться вопросом: каким способом это было достигнуто и чему служило? Ныне не является секретом то обстоятельство, что советская индустриализация осуществлялась за счёт безудержной эксплуатации народа, в том числе путём ограбления деревни и сверхэксплуатации заключённых системы ГУЛАГ. Технический и технологический прогресс в сталинском СССР, по сути, возвращал нас к Петровской эпохе, когда на крестьянских костях возводилась новая столица и строился флот, а к заводимым государством мануфактурам приписывались сотни и тысячи крестьян окрестных деревень. Нельзя забывать и о том, что советская индустрия обеспечивала в первую очередь потребности армии (у нас одних только танков перед войной наштамповали больше, чем их было во всех армиях мира вместе взятых). Военной сфере прямо или косвенно служила советская наука негуманитарного профиля (Атомный проект, освоение космоса и прочее). При этом повышение уровня государственного образования было необходимо для освоения всё более сложной техники, в том числе военной. Советское государственное здравоохранение предполагало обеспечение здорового кадрового резерва всё той же армии, а заодно и промышленности, её обслуживавшей, и призвано было хотя бы частично компенсировать нарастающее падение рождаемости в послевоенный период. Поэтому успехи и достижения в области здравоохранения, образования и науки в СССР носили, с одной стороны, достаточно специфический характер, а с другой — были необходимым условием выживания политарного государства в острой конкуренции с ведущими

капиталистическими странами. Повышенное внимание к военной, силовой сфере было обусловлено не только этим противостоянием, но и тем обстоятельством, что в основе политарного способа производства лежит внеэкономическое принуждение к труду, поскольку сам человек выступает в качестве собственности государства.

Вместе с тем нельзя не отметить, что политарные общества обычно очень устойчивы и достаточно эффективны при подготовке и в ходе войн, а также при выполнении масштабных задач вроде строительства Великой китайской стены или покорения космоса, требующих концентрации огромных ресурсов и колоссального напряжения сил всего общества. Более того, политарные общества могут иногда демонстрировать уверенный рост и активно конкурировать с обществами, в основе которых лежат иные экономические принципы. Бурное развитие политаризма возможно за счёт трёх главных источников: внешней агрессии, экспансии, ограбления других народов и государств и, желательно, их присоединения, то есть втягивания в свою политарную “империю”; внутренней агрессии — ограбления и сверхэксплуатации, а то и физического уничтожения части собственного населения (чѐ имущество пополняет государственную казну, а страх перед репрессиями у оставшихся в живых сковывает борьбу с режимом); сверхэксплуатации, хищнического разграбления природных богатств, прежде всего минеральных ресурсов. Соотношение названных источников развития в разные периоды существования тех или иных политарных обществ было, как правило, неодинаковым: один из них в конкретной ситуации мог доминировать. Так, в Древней Ассирии, государстве инков, гитлеровской Германии на первый план в качестве источника развития выдвинулась внешняя агрессия, в то время как для сталинской России была присуща, скорее, внутренняя агрессия, направленная против собственного народа, хотя внешняя экспансия и ограбление природных богатств тоже имели место. При этом изъятие у населения и природы ресурсы далеко не всегда трагично, продуктивно, вкладывались в развитие экономики (не говоря уже о социальной сфере), а нередко воплощались в грандиозные бессмысленные проекты, начиная от строительства египетских пирамид и кончая экономически неоправданными “стройками коммунизма”.

Хотя политарные общества обычно очень живучи, поскольку базируются преимущественно на централизованном государственном перераспределении, в целом политарный способ производства как экономическая система неэффективен. Отчуждение работника от средств производства, внеэкономическое принуждение, предписания, кому, что и как производить, изъятие значительной части

произведѐнного продукта, жѐсткий контроль государства над потреблением — всё это сковывает инициативу и заинтересованность в труде, порождает косность, инертность и застой. Поэтому особенно стью политарных обществ является консерватизм, воспроизводство одних и тех же образцов и форм, будь то продукция материального производства или сложившиеся общественные отношения. Упор делается на количественные, а не на качественные параметры и показатели. Эволюция экономики, если она и имеет место, идёт по экстенсивному пути. Рывки в её развитии происходят обычно с целью “догнать и перегнать” кого-либо, прежде всего по военно-стратегическому потенциалу, ведь милитаризм имманентно присущ политаризму, о чѐм было сказано выше. Неслучайно политарные страны вечно догоняют государства, в основу которых положены более прогрессивные типы экономических отношений. Среди таких догоняющих стран и наша Россия, экономическая история которой — это история застоев и рывков.

В завершение следует подчеркнуть, что даже краткий анализ позволяет выявить такую закономерность российской истории: перед лицом суровой природы, стихийных и социальных бедствий, внешнего давления, военных и экономических неудач, грубых просчѐтов глав государства российское общество каждый раз выбирает политарный строй как *единственную пригодную для выживания в экстремальных условиях форму своего бытия*. Российская элита также явно предпочитает политаризм, рассматривая его в качестве наиболее простого и действенного способа управления и изъятия у народа прибавочного продукта [36]. Поэтому, несмотря на любые внешние или внутренние кризисы, политарная система в России воссоздаѐтся вновь и вновь, и государство берѐт в свои руки все сферы жизни общества, навязывая и диктуя ему свою волю. На этом фоне Октябрь 1917 г. был лишь очередным закономерным эпизодом в долгой истории отечественного политаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета. 2016. 2 декабря. № 274. С. 2.
2. История России: начало XX — начало XXI века. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачѐв, П.Н. Романов. М.: Дрофа, 2016.
3. Рашковский Е.Б. Судьбы России: цивилизационный анализ // Международная экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 70–80.
4. Восстание. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5#cite_note-autogenerated1-1 (дата обращения 04.12.2016)

5. *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 7. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. С. 5–110.
6. *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. С. 9–32.
7. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.
8. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 419–459.
10. *Смирнов В.С.* Экономические причины краха социализма в СССР // *Отечественная история.* 2002. № 6. С. 91–110.
11. *Березин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских крестьян в 1930–1960-е годы // *Отечественная история.* 2002. № 2. С. 96–11.
12. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность // *Социологические исследования.* 1991. № 1. С. 50–61.
13. *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность.* 1994. № 3. С. 37–47.
14. *Попов В.П.* Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // *Социологические исследования.* 1998. № 5. С. 24–33.
15. *Пасенюк Л.М.* Попытка жить почти как Хемингуэй. Автобиографическая проза. Краснодар: Советская Кубань, 2002.
16. *Гринёв А.В.* Был ли в России социализм? // *Клио.* 2004. № 4. С. 24–32.
17. *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999.
18. *Островский А.В.* Универсальный справочник по истории России. СПб.: Паритет, 2000.
19. *Кеннан Дж.Ф.* Америка и русское будущее // *Новая и новейшая история.* 2001. № 3. С. 81–94.
20. *Стариков Е.Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
21. *Кан А.С.* Русская революция 1917 года и поражение социализма в Европе // *Мировая экономика и международные отношения.* 1997. № 10. С. 78–84.
22. *Маркс К.* Военный вопрос. – Парламентские дела. – Индия // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 216–223.
23. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Ч. II // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962.
24. *Семёнов Ю.И.* Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты // *Этнографическое обозрение.* 1993. № 1. С. 52–70; № 2. С. 57–74.
25. *Семёнов Ю.И.* Политарный (“азиатский”) способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: Волшебный ключ, 2008.
26. *Семёнов Ю.И.* Происхождение и развитие экономики. От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М.: Красанд, 2014.
27. *Берёзкин Ю.Е.* Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991.
28. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М.: Наука, 1983.
29. *Берлов О.Д.* Наследство Геба. Представления о природе древнеегипетского землепользования // *Подати и повинности на Древнем Востоке.* Сб. статей / Отв. ред. М.А. Дандамаев. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 6–33.
30. *Милов Л.В.* Велikorусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001.
31. *Нефёдов С.А.* Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // *Вопросы истории.* 2006. № 2. С. 113–123.
32. *Нефёдов С.А.* История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времён до Великой Смуты. М.: Изд. дом “Территория будущего”, 2010.
33. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М.: Наука, 1988.
34. *Волкова И.В.* Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // *Вопросы истории.* 2006. № 3. С. 35–51.
35. *Наумова Г.Р.* Российские монополии (источниковедческие проблемы). М.: Изд-во Московского университета, 1984.
36. *Гринёв А.В.* Вековые трансформации российского “Левиафана” // *Клио.* 2015. № 9. С. 207–215.

В ЖАНРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

© 2017 г. А.Л. Андреев

Институт социологии РАН, Москва, Россия

e-mail: sympathy_06@mail.ru

Поступила в редакцию 21.03.2017

Статья посвящена сложившемуся в российской социологической науке жанру “портретных” исследований общества. Излагая полученные в ходе этих исследований данные, автор размышляет над базовыми характеристиками и особенностями российского общества и перспективами его развития. Особое внимание уделяется социальным последствиям экономического кризиса, динамике ценностных ориентаций и формированию на основе российского социально-исторического опыта своеобразной модели традиционалистской модернизации.

Ключевые слова: типы социологического исследования, российское общество, российский менталитет, ценностные ориентации, традиции, модернизация, демократия.

DOI: 10.7868/S0869587317100048

Одна из характерных черт российской социологии — выраженный интерес к проведению исследований, цель которых можно было бы определить как *интегральное описание обществ* (социумов). Понятно, что данное утверждение может показаться недостаточно содержательным. В самом деле, чем же ещё должна заниматься социология, если само это слово буквально означает “наука об обществе”? Тем не менее тезис, с которого мы начали, не является простой тавтологией. Смысл, обычно вкладываемый в понятие “общество”, только на первый взгляд самоочевиден. Прибегнув к философско-исторической рефлексии, нетрудно обнаружить фундаментальную методологическую проблему: на самом деле “общество” — это не синоним эмпирически обнаруживаемой в повседневном опыте социальной реальности, а своего рода теоретический конструкт, имеющий совершенно определённые исторические корни. Скажем, в японской

интеллектуальной традиции этого понятия долгое время не было, и своё терминологическое выражение оно получило лишь в конце XIX в. под влиянием инициированного так называемой революцией Мейдзи освоения европейских общественно-политических концепций, в которых это понятие постоянно использовалось [1]. По сути дела, то, что мы называем “обществом”, может быть рассмотрено в разных аспектах и, соответственно, аналитически представлено под разными углами зрения.

Если оставить в стороне проблемы, связанные с разработкой понятийного аппарата, а также с совершенствованием научной методологии, включая повышение достоверности эмпирических исследований и точности основанных на них прогнозов, то можно сказать, что европейская и американская социология в последнее время сконцентрировала своё внимание на двух основных масштабных диапазонах. Значительное большинство исследований и публикаций имеют, если можно так выразиться, точечную фокусировку. Вследствие этого они чрезвычайно конкретны, но вместе с тем их отличает предельно узкий предметный горизонт: характеристика условий жизни и труда, бедность и социальная эксклюзия (исключённость), эффективность систем охраны персональных данных, употребление наркотиков и наркозависимость (темы опросов, проводившихся в последние годы службой Евробарометра), тенденции межпоколенческой социальной мобильности, роль расовых различий в обществе благосостояния, гражданская активность

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН, профессор НИУ МЭИ и НИЯУ МИФИ.

в условиях политического скептицизма, формирование социального капитала в сетевых структурах, влияние иммиграции на рынок труда, механизм возникновения этнических границ, роль отца и матери в заботе о детях, генезис и воспроизводство бедности в городах, влияние расовых предпочтений на выбор соседей и корреспондентов в социальных сетях (темы, рассматривавшиеся на страницах “American Journal of Sociology”), локальные социальные миры, проблемы семьи и социальной роли женщин, социальное участие людей с ограниченными возможностями, мотивы гражданской активности, университетская бюрократия и её влияние на качество обучения (исследования Института демоскопии в Алленсбахе, Германия) и т.п. Не подлежит сомнению, что подобные детализированные исследования очень полезны, однако социальная реальность в них как бы дробится на фрагменты, и общество как интегральное образование в их проблемно-тематические горизонты принципиально не вписывается.

Эта неизбежная неполнота описания восполняется исследованиями другого типа, в которых горизонт расширен до масштабов общества в целом. Здесь могут стать неразличимыми отдельные детали и подробности, но зато явственно проступает набор граничных условий и контекст всех социальных взаимодействий. Такого рода исследования, требующие большой эрудиции и незаурядной способности продуктивного воображения, составляют своего рода привилегию элиты социологического сообщества. И хотя в совокупности на них приходится сравнительно небольшая доля в общем объёме научной продукции, именно они вызывают наибольший резонанс, причём не только в научных, но часто и в более широких кругах. Вполне понятно, что интерес к ним связан прежде всего с тем, что они, как предполагается, дают ключ к пониманию действительности, которая ставит перед человечеством немало трудных вопросов.

В настоящее время в активе социологической науки имеется несколько теоретических моделей современного общества, предложенных видными европейскими и американскими учёными: постиндустриальное общество (Д. Белл), программируемое общество (А. Турен), сетевое общество (М. Кастельс), общество сетей и потоков (Дж. Урри), общество риска (У. Бек), различные трактовки модерна, “модерности” и модернизации (А. Гидденс, Ю. Хабермас, З. Бауман, Ш. Эйзенштадт), концепции мировых иерархий и аналитика глобальных пространств (школа И. Валлерстайна, С. Сассен) и др. Как видно уже из краткого перечисления, это направление исследований отличается многообразием подходов. Однако имеется и сходство: практически во всех случаях в качестве предметного референта теоретических моделей

мыслится некая усреднённая социетальная система, а проще говоря – современное общество как таковое. Следует обратить внимание на тот факт, что хотя в характеристиках этой системы просматриваются совершенно конкретные черты, подчеркнутые наблюдением за тем, в каком направлении трансформируются социумы западного типа, всё же современная западная социология, по существу, не работает с основанными на систематически собираемых эмпирических данных “портретами” *конкретных обществ*, например, российского, украинского, китайского, французского, и созданием таких “портретов” практически не занимается.

Ближе всего к научным интересам российской социологии, связанным с интегральными исследованиями социума, подходит реализуемый с 1981 г. международный проект “Мировой обзор ценностей” (World Value Survey), задачей которого является сравнительное описание динамики ценностных установок и их влияния на социальную и политическую жизнь в различных странах мира – от самых развитых и богатых до самых неблагополучных и бедных. Однако российские исследования не ограничиваются только ценностями, а тяготеют к всестороннему описанию социума как комплекса очень многообразных, но вместе с тем системно взаимосвязанных характеристик. Среди них, в частности, социальная структура и социальная стратификация, человеческий капитал, трудовые мотивации, вовлечённость в инновационные процессы и виды деятельности, стратегии личностной самореализации, политические представления и предпочтения, гражданское участие, историческое самосознание, потенциал конфликтности и восприятие угроз, экономическое поведение различных групп населения (в особенности в кризисных ситуациях), отношения в семьях, мобильность населения, включённость в социальные сети и использование различных источников информации, эмоциональные реакции на те или иные факторы и объекты человеческой жизнедеятельности, модели самоидентификации, уровень религиозности, удовлетворённость своими достижениями и состоянием социума и др. Естественно, речь идёт прежде всего об описании российского социума, хотя доступные для учёных массивы данных позволяют рассматривать его в сравнительном контексте (проводились, в частности, довольно развёрнутые сопоставления с Германией и Китаем).

Интеллектуальный запрос на разработку комплексной модели российского общества как целостной, внутренне связанной системы был мотивирован обстановкой кризиса советского строя и хаотичных реформ 1990-х годов, когда страна утратила устойчивость и её дальнейшая судьба вызвала огромную тревогу. Необходимо было понять, в какой мере российское общество способно

сопротивляться распаду и при этом генерировать импульсы развития. Из попыток разобраться в этих жгучих на тот момент вопросах выростали, в частности, первые портретные зарисовки постсоветского социума, авторами которых стала группа учёных во главе с академиком М.К. Горшковым [2, 3, 4]. Эмпирической основой для них послужили научные результаты серии всероссийских социологических опросов, методика которых разрабатывалась именно под комплексное описание социума. В настоящей статье мы опираемся в первую очередь на результаты этих опросов, которые в режиме социологического мониторинга продолжают и поныне. В “портретную” социологию больших общностей немалый вклад внесли исследования члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина и его сотрудников, многие из которых выполнены в региональном формате. Была создана целая портретная галерея региональных социумов, которые сопоставлялись с точки зрения уровня и потенциала модернизации. Результатом этой многолетней работы стал вышедший в 2016 г. фундаментальный “Атлас модернизации России и её регионов” [5].

Уже первые портретные зарисовки российского социума показали его весьма значительное своеобразие, которое проявляется как в менталитете, так и в социальном поведении россиян. Конечно, каждое общество чем-то отличается от любого другого. Например, поляки в целом более религиозны, чем голландцы, а, допустим, многодетность более характерна для вьетнамцев, чем для японцев. Важно, однако, что своеобразие российского социума проявляется не только на уровне отдельных его черт, но и в их композиции; иными словами, это своеобразие носит *системный характер* (что, кстати, отражается и в представлениях россиян о самих себе, и в их восприятии представителями других культур). При этом многолетние наблюдения обнаруживают, что российский социум не остаётся неизменным. Сравнивая его описания в разные годы, можно увидеть и ситуативные флуктуации, и относительно устойчивые тенденции. Но наряду с ними выявляются и инварианты, характеризующие общество на длительных промежутках времени, измеряемых, по крайней мере, несколькими десятилетиями (а если привлечь в дополнение к социологическим данным различные исторические свидетельства, то и бóльшим временем). Таково, к примеру, представление о справедливости как основе социального порядка, равно как и само понимание справедливости. Вопреки довольно распространённой в публицистике трактовке, справедливость “по-русски” вовсе не равнозначна уравнительности, но она всегда соотносится с личным вкладом в общее благосостояние – именно *личным*, не связанным напрямую с вложениями капитала. Так, по мнению не менее 70% россиян,

права на природные богатства страны не подлежат продаже, а должны принадлежать народу или государству. Причём такую точку зрения поддерживают не только респонденты с низким и средним достатком (что легко объяснить их социальным положением и весьма ограниченными материальными возможностями), но и люди вполне обеспеченные (данный вопрос задавался в ходе опросов неоднократно, последний раз – в 2010 г.).

В середине 1990-х годов российское общество пережило своеобразную *революцию ценностей*, в результате которой сложившаяся в массовом сознании картина мира была коренным образом пересмотрена. Россияне среднего и старшего возраста хорошо помнят, что в последний период существования СССР идеалом для большинства его населения, по крайней мере, городского, стало западное общество потребления. Перестройка советской системы, а затем и её демонтаж в начале 1990-х годов воспринимались тогда в свете перспективы общения к Западу. Эмоционально россияне были к этому готовы, многие политические деятели и интеллектуалы Европы тоже ожидали, что Россия без особых проблем будет встраиваться в западную либерально-демократическую модель и, как выразился в этой связи известный немецкий эксперт по странам Восточной Европы Х. Тиммерман, “станет такой, как мы” [6, с. 106].

Однако реальный опыт сближения с Западом по целому ряду причин оказался разочаровывающим, а связанные с ним надежды преувеличенными. И российское общество ответило на это разочарование неоконсервативной волной, лейтмотивом которой стал отход от западных увлечений периода становления демократии. В этом новом контексте культурно-историческая самобытность России подверглась радикальной реинтерпретации: теперь она воспринималась уже не как “проклятие”, а как непреходящая *базовая ценность*. К середине 1990-х годов в массовом сознании постепенно утвердилось мнение, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, для России не подходит. К концу 1990-х ответы россиян на вопрос, должна ли Россия развиваться по западной (европейской) модели или она представляет собой особую евразийскую цивилизацию с собственной логикой развития, распределились в соотношении 1:2, и с тех пор вот уже примерно два десятилетия данная пропорция остаётся практически неизменной. В стране с конца 1990-х годов начался поиск самостоятельной модели развития, соответствующей запросам и ценностям россиян и в наибольшей степени учитывающей особенности их поведения и менталитета.

Как же выглядит социологический портрет российского социума сегодня? Тому, кто хотел бы

получить исчерпывающий ответ на этот вопрос, мы бы рекомендовали обратиться к серии книг “Российское общество и вызовы времени”, подготовленных сотрудниками Института социологии РАН на основе “портретных” исследований 2015–2017 гг. [8]. Время проведения этих исследований совпало с очередным экономическим кризисом, чувствительно задевшим благосостояние многих россиян и внёсшим в их повседневную жизнь сильные элементы неопределённости и тревоги. Как эта ситуация повлияла на социальный климат и социальное самочувствие населения?

Исследователи, осуществлявшие замеры общественных настроений с периодичностью раз в полгода, обнаружили колебания уровня психологического дискомфорта, которые в целом следовали объективной динамике кризиса. Судя по полученным данным, более половины россиян придерживаются мнения, что в стране складывается весьма напряжённая обстановка. Вместе с тем доля характеризующих ситуацию как катастрофическую сравнительно невелика и, что самое интересное, во всех опросах она держалась примерно на одном и том же уровне — около 8%. Таким образом, несмотря на очевидные трудности, население отнюдь не поддаётся панике. В этом, по-видимому, сказывается опыт, приобретённый во время предшествующих кризисов (1998 и 2008 гг.): с одной стороны, люди выработали какие-то способы, позволяющие справляться с подобными ситуациями, с другой, по-видимому, ожидали худшего. В целом, оценивая своё личное положение, почти половина опрошенных заявила, что оно за последнее время ухудшилось, и почти столько же ответили, что оно осталось прежним. И всё же примерно у одного из каждых 12 наших сограждан оно улучшилось.

Если судить по самооценкам респондентов, участвовавших во всероссийском опросе осенью 2016 г., только 17% россиян хорошо обеспечены материально, 60% считают своё материальное положение удовлетворительным, а 22% — плохим. Однако, как это ни парадоксально, по ответам на вопросы, конкретизирующие то, в чём люди испытывают недостаток, эта цифра должна быть меньше: ведь, согласно тем же самоотчётам, плохо питаются только 5%, плохо одеваются — около 10%, не удовлетворены жилищными условиями 9%, и только по поводу отдыха — достаточно затратной части бюджета, которой обычно жертвуют в первую очередь, — своё недовольство высказала четверть опрошенных. В этой связи интересно отметить, что при 22% назвавших себя плохо обеспеченными всего лишь менее 5% сочли, что их жизнь в целом складывается неудачно.

Как показали проводившиеся в последние годы исследования, среди социальных проблем, которые

в наибольшей степени волнуют россиян, на первые места в настоящее время вышли повышение цен на товары и услуги, а также кризис системы ЖКХ и увеличение соответствующих тарифов. Осенью 2016 г. рост цен беспокоил, по крайней мере, 75% ответивших на данный вопрос респондентов. Постепенно повышается уровень тревоги, связанной с безработицей (весной 2015 г. — 29%, весной 2017 г. — 44%). К болевым точкам российского общества, которые особенно дают о себе знать в условиях кризиса, согласно опросам, россияне относят также маленькие пенсии, низкое качество медицинского обслуживания, сокращение доступа к бесплатной медицине и образованию, алкоголизм и наркоманию, коррупцию. А вот межнациональные противоречия, низкая гражданская активность, состояние окружающей среды, конфликт на Украине и даже терроризм оказались в конце списка — их назвали среди наиболее острых проблем менее пятой части опрошенных.

Какие же стратегии адаптации используются в условиях кризиса? Проведённые социологами исследования проливают свет и на этот вопрос. Ответ, который они чаще всего получают от своих респондентов, — экономия. К этому испытанному средству сейчас вынуждены прибегать даже те россияне, уровень доходов которых значительно (не менее чем в 2 раза) превышает средний. Вторая по значимости позиция — это поиск дополнительных источников заработка. Так называемые активные стратегии (смена профессии, переезд на другое место жительства) опрошенные сейчас использовать избегают, хотя в 1990-е годы это было очень распространённое явление (тогда оно часто сопрягалось со снижением социального статуса). О желании открыть собственное дело заявляют не более 2–3% респондентов, однако о том, как поправить ситуацию в стране в целом, рассуждают едва ли не каждый. Интересно, что особенно часто высказывается мнение о том, что надо повысить бюджетное финансирование сферы, в которой воспроизводится так называемый человеческий капитал, — образования и здравоохранения. Эту позицию назвала среди самых важных почти половина участвовавших в опросе граждан. Значительной поддержкой пользуется и введение прогрессивного налога на сверхдоходы (почти 38% ответов). Примерно 20–25% голосов собирают в свою поддержку такие меры экономического характера, как ограничения на въезд в Россию рабочей силы из Средней Азии, восстановление технологического и экономического сотрудничества с Западом, освобождение бизнеса от излишних обременений, отказ от восстановления старой промышленности, упор на развитие новых технологий и создание новых современных предприятий, несколько меньшую — развитие экономических отношений со странами Азии и заселение опустевших территорий. Что касается политических факторов, то, за

исключением возможного переизбрания В.В. Путина на пост Президента РФ и омоложения власти в центре и на местах, россияне не придают им большого значения. Например, на необходимость повышения роли Государственной думы и Совета Федерации, а также политических партий в жизни страны указали только 6% опрошенных.

Для описания социальной структуры российского общества в последнее время используется стандартная постмарксистская схема классовой дифференциации (низший — средний — высший классы). Правомерность такого подхода вызывает некоторые сомнения, поскольку в данной схеме в значительной мере нивелирован социально-исторический контекст. На наш взгляд, природа социальных слоёв и классов определяется не только их статусной позицией, функциями и местом в системе распределительных отношений как таковой, но и историей их формирования, которое в постсоветской России отличалось значительным своеобразием. Мы в своё время выдвигали гипотезу о том, что в российском обществе сложился не один средний класс, а два — со значительными особенностями социального поведения и ментальности [9]. Однако и та модель социальной стратификации, которая используется ныне в “портретных” исследованиях, позволяет описать многие важные тенденции, характеризующие состояние российского общества. Можно согласиться с утверждением, что происходившая после 2000 г. стабилизация политической системы России сопровождалась ощутимым увеличением доходов населения (при этом, правда, возрастала и мера неравенства в распределении материальных благ, причём разрыв между “верхами” и “низами” особенно велик в мегаполисах). Однако, несмотря на это, большинство семей всё же не имеют того запаса прочности, который необходим для успешного противостояния кризису. По данным социологических опросов, в 2015 г. лишь около 45% россиян имели душевой доход на члена семьи, в 2 раза превышающий прожиточный минимум. Исходя из этого в результате проведённых исследований был сделан вывод, что к возможному ухудшению ситуации в экономике российские домохозяйства в большинстве своём не подготовлены.

Как установлено в ходе многолетних социологических мониторингов, россияне — безусловные сторонники демократии. Однако у них есть собственные представления о содержании этого понятия и сравнительной важности его смысловых компонентов. Эти представления заметно отличаются от нормативной западной модели демократии и отражают, с одной стороны, особенности национального менталитета и исторические традиции, а с другой — российские социальные практики и реально складывающуюся ныне в стране и мире политическую ситуацию. На первое место с большим отрывом от всех остальных признаков демократии россияне выдвигают равенство всех

граждан перед законом (это мнение почти 75% опрошенных). Следом с почти одинаковыми результатами (34–35%) идут независимость суда и отсутствие слишком больших различий в доходах граждан. Серьёзное значение россияне придают свободным выборам (31% ответов на вопрос о критериях демократии) и возможности выбирать Президента РФ непосредственно всенародным голосованием (28%). Несколько ниже, но также довольно высоко (в пределах 20–21% полученных ответов) котируются наличие частной собственности, свобода печати и участие граждан в референдумах. Свободу выезда за рубеж включили в число своих приоритетов 16% опрошенных. А вот право на забастовку, право выбирать между несколькими партиями и свободное членство в них, участие рабочих в управлении предприятиями отметили в своих ответах очень немногие (не более 10%)¹.

Вообще говоря, россияне не считают, что они живут в условиях идеальной демократии, и к политикам у них накопилось достаточно много претензий. Особенно удручает уровень доверия граждан к политическим партиям (не выше 15%), что, безусловно, негативно сказывается на отношении к представительным органам власти (которые в европейских странах, напротив, особенно авторитетны). Среди государственных и общественных институтов в настоящее время безусловной поддержкой пользуются только Президент страны (доверяют 67%, не доверяют 16%), армия (66% и 17,5% соответственно), церковь (46% и 23%) и Российская академия наук (43% и 19%). При этом названные показатели сильно дифференцированы: среди малообеспеченных граждан они почти в 2 раза ниже, чем среди материально благополучных.

Не приходится сомневаться в том, что претензии населения к властям разного уровня имеют вполне реальные основания. Но справедливости ради надо отметить, что полоса отчуждения между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, создавалась и расширялась с двух сторон. Российский социум, который на рубеже 1980-х и 1990-х годов был охвачен небывалой гражданской активностью и напоминал настоящий политический вулкан, ныне ведёт себя достаточно пассивно, лишь изредка “просыпаясь” по очень конкретным поводам (вроде монетизации льгот или противостояния системе “Платон”). Когда просматриваешь разделы книг из серии “Российское общество и вызовы времени”, которые посвящены социологическому измерению политической жизни страны, трудно отделаться от впечатления, что так называемая “демократия участия” в России работает довольно вяло. В цифрах это выглядит следующим образом. В последние полтора-два года принимали какое-либо участие в деятельности политических партий 1,8%

¹ Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос, поэтому сумма приводимых нами цифр превышает 100%.

респондентов, правозащитных организаций – 0,6%, органах местного самоуправления – 2,7%. Систематические связи с единомышленниками в социальных сетях поддерживают 1,3%. Наиболее массовая форма проявления активности – участие в голосовании. Его подтвердила примерно треть опрошенных, среди которых самые “сознательные” – люди старшего и среднего возраста (среди молодёжи в возрасте до 30 лет значение этого индикатора – 22%).

В публикациях, которые дали толчок нашим размышлениям, всё это зафиксировано в основном как фактографическая констатация. Однако на тех же страницах можно найти некоторые данные, позволяющие дать этим фактам достаточно убедительное объяснение. Нелёгкий, а порой и трагический опыт убеждает россиян в том, что политический активизм сам по себе далеко не всегда приносит адекватные мотивам результаты. Политическая машина содержит слишком много сложным образом сочленённых “колёсиков” и передаточных звеньев, так что все пропускаемые через неё импульсы движения неминуемо трансформируются, и на выходе почти неизбежно получаются совсем не те результаты, на которые первоначально рассчитывали. Согласно данным всероссийского опроса, проведённого весной 2016 г., только 15–16% россиян полагают, что могут влиять на политику властей. В случае самой приближенной непосредственно к населению властной инстанции – муниципальной – эта цифра увеличивается до четверти опрошенных. Но 75% считают, что и в этом случае их попытки на что-либо повлиять приводят лишь к бесполезной трате сил! Молодёжь, правда, в этом вопросе более оптимистична, но разница в значениях данного показателя по возрастным когортам весьма невелика и составляет лишь несколько процентных пунктов. Так стоит ли тратить усилия на преодоление внутреннего трения политической машины, если страна, даже пробуксовывая и совершая ошибки, ныне, как считают свыше 60% населения, движется по верному пути, который в перспективе даст нужные результаты?

Другой причиной, по которой наши сограждане не торопятся вписаться в нормативную модель “демократии участия”, является специфическая конструкция постсоветского социума, в котором отчётливо возобладала ориентация на личный жизненный успех. Этот социум как бы распадается на множество малых миров, состоящих из близких родственников и друзей, и обстановка в доме, по признанию большинства опрашиваемых, для них намного важнее того, что происходит за его пределами. Сопоставляя данные по России с результатами социологических исследований, проводившихся в других странах, учёные делают вывод, что россияне отличаются от европейцев тем, что в большей степени сфокусированы на самих себе и личном благополучии и меньше – на выстраивании отношений с другими людьми и учёте

их интересов. Сегодня главными критериями жизненного успеха для большинства наших сограждан (от 50% респондентов и более) выступают создание семьи, финансовое благополучие и работа (но необязательно карьера). Довольно большое значение придаётся также самореализации и образованию. А вот пользу, которую мы можем принести людям, в показатели жизненного успеха включил только один человек из каждых пяти.

Так, может быть, всё-таки правы те, кто считает, что в России не сложилось гражданское общество? Думается, в рассматриваемых нами коллективных трудах содержатся достаточные основания для альтернативной этому точки зрения. Надо, в частности, обратить внимание на то, что приоритеты россиян по-разному выглядят в тех случаях, когда мы переходим от нормативных критериев жизненного успеха к конкретной постановке реальных жизненных целей, к тому, что респонденты считают в настоящее время для себя важным. В этом последнем случае наряду с финансовым благополучием и семьёй россияне отмечают и такие позиции, как “жить в справедливом, разумно устроенном обществе” и “быть полезным людям”. В действительности отличие российской модели от общеевропейской определяется не наличием или отсутствием гражданского общества как такового, а устойчивым воспроизводством совершенно особого режима *нульсирующей гражданственности*. Это означает, что структура гражданского общества в России не стационарна. В определённых условиях, когда коллективное политическое действие становится невозможным или непродуктивным, она может свёртываться, переходить в своего рода латентное состояние и, когда для этого возникают социально-исторические условия, вновь быстро развёртываться, обеспечивая в критические моменты истории необходимый уровень гражданской мобилизации.

Исходя из данных проводившихся на протяжении ряда лет социологических опросов, можно сделать определённые выводы относительно *национальных целей*, способных объединить (да и реально объединяющих) большинство россиян. Несомненно, многие из них (в особенности люди старшего возраста) хотели бы вернуть России статус сверхдержавы – 25–26% опрошенных. Однако большинство населения в данном вопросе намного сдержаннее и предпочитает ограничиться более реалистическими задачами. Приблизительно половина опрошенных хотела бы, чтобы Россия просто входила в число самых развитых стран мира, 8% видят её в роли лидера на постсоветском пространстве. В то же время совсем отказываться от глобальных целей наши сограждане не готовы (на это согласны лишь 6% респондентов).

Если поставить вопрос о целях и ориентирах развития в сугубо внутреннем плане, то в нём надо различать два аспекта, которые соотносятся с двумя

основными ракурсами изучения общества — синхронным и диахронным. В первом случае имеется в виду прежде всего некая регулятивная идея (или идеи), призванная нормировать текущие состояния общества. В этом плане особое значение для россиян издавна и вплоть до настоящего времени имеет *принцип справедливости*, идея справедливо устроенного общества, которую не надо путать с уравнильностью, о чём уже было сказано выше. Во втором случае мы должны говорить о целеуказании и о векторе, определяющем общую динамику социально-исторического развития. Сегодня это *модернизация на основе перехода страны к инновационному развитию*. Другое дело, как должен осуществляться такой переход.

Подобно всем людям на Земле, граждане России стремятся к благосостоянию, современному комфорту, повышению уровня жизни и процветанию. Однако для них важна не только цель, но и средства, не только чисто финансовый эквивалент процветания, но и его содержательная сторона. В этом плане социальное мышление россиян нельзя назвать чисто экономическим, оно включает в себя и представление о самоуважении, основанное на ценностях достижения, просветительских по своему генезису. Поэтому россияне волнует вопрос о специализации России в системе международного разделения труда, и отнюдь не только по соображениям материальной выгоды. Он затрагивает их представления о самих себе и в силу этого тесно связан с очень деликатной и тонкой проблематикой идентичности, а в конечном счёте — с присущей национальному менталитету картиной мира. Успешная модернизация, в соответствии с представлениями россиян, — это когда Россия сможет зарабатывать не на природных богатствах, инфраструктуре или выгодном геополитическом положении, а на *производстве интеллектуального продукта*. На этом наши респонденты неизменно настаивали в ходе всех опросов по поводу возможных стратегий развития России.

Вместе с тем в подходах к этому кругу проблем отчётливо проявляется одна из самых характерных черт российского менталитета — переплетение модернизационных устремлений с традиционализмом. С целью зондирования смысловых структур массового сознания в ходе “портретных” исследований респондентам предлагалось ответить на вопросы, которые позволяют судить об их эмоциональном отношении к некоторым ключевым понятиям, составляющим язык описания социальной реальности. Весьма показательно, что эмоциональные реакции на понятия “традиция” и “прогресс” распределились практически одинаково: примерно 66% положительных и менее 2% отрицательных. Если добавить к этим цифрам содержательный анализ российского общественно-политического дискурса, то можно с уверенностью сказать, что Россия склоняется к той модели развития, которую следовало бы назвать

традиционалистской модернизацией. Эта модель не уникальна: нечто подобное демонстрирует миру КНР, в идеологии которой предложенная Дэн Сяопином концепция “четырёх модернизаций” совмещается с традиционными конфуцианскими представлениями о “хорошем обществе”. Оригинальность российского варианта состоит в композиции актуализируемых и привлекаемых на службу современности традиций, когда собственно народные обычаи сочетаются, с одной стороны, с реминисценциями времён Российской империи, а с другой — с некоторыми элементами советского прошлого.

Российская модель традиционалистской модернизации в сочетании с концепцией многополярного мира выступает в настоящее время как одна из возможных исторических альтернатив доминирующей неолиберальной модели. Именно это во многом объясняет непонятный для зарубежных политологов феномен чрезвычайно быстрого превращения весьма проблемной в экономическом плане и не дотягивающей до принятых на Западе стандартов демократии региональной державы в один из главных центров глобального влияния.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17–23–01007а (м).

ЛИТЕРАТУРА

1. Akahori S. The Self-Description of Society in East Asia // XVII-th ISA World Congress of Sociology. Book of Abstracts. Gothenburg, 2010. 2010S00038.
2. Россия на рубеже веков. М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 2000.
3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). В 2-х томах. М.: Новый хронограф, 2011.
4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.: Новый хронограф, 2016.
5. Атлас модернизации России и её регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир, 2016.
6. Тиммерман Х. Европа и её восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 10. С. 105–115.
7. Российское общество в контексте новых реалий. Тезисы о главном. М.: Институт социологии РАН, 2015.
8. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1–4. М.: Весь мир, 2015, 2016.
9. Андреев А.Л. Социальное ядро нации // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 76–86.

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТОКА ПУБЛИКАЦИЙ НГУ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С СИБИРСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ РАН

© 2017 г. Н.А. Мазов^{a, b}, В.Н. Гуреев^{a, b}

^a *Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, Новосибирск, Россия*

^b *Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия*

e-mail: MazovNA@ipgg.sbras.ru; GureyevVN@ipgg.sbras.ru

Поступила в редакцию 11.05.2017

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет – одно из наиболее интенсивно развивающихся высших учебных заведений России, в течение последних лет он демонстрирует наиболее высокие показатели роста публикационной активности. Во многом это связано с участием университета в Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских вузов (Проект 5–100) и объясняется тесным научным взаимодействием с организациями Сибирского отделения РАН. С помощью широкого набора библиометрических показателей авторы провели анализ публикаций сотрудников НГУ с 2000 по 2015 г. (около 80% всех публикаций НГУ со времени его основания в 1960 г.). Показаны лидирующие научные направления, выявлена интенсивность сотрудничества с научными учреждениями Новосибирского научного центра и с зарубежными организациями, проведён анализ журналов с наибольшим числом публикаций сотрудников НГУ. Выявлены самые цитируемые научные области, проведено сравнение с общемировым распределением цитирований по дисциплинам. Определена доля высокоцитируемых публикаций и их влияние на среднюю цитируемость публикаций университета.

Ключевые слова: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, публикационная активность, база данных, Сибирское отделение РАН, Проект 5–100.

DOI: 10.7868/S086958731710005X

Деятельность Новосибирского государственного университета (НГУ) в последние годы отмечена двумя значимыми событиями. В 2009 г. вузу был присвоен

статус национального исследовательского, а с 2013 г. он участвует в Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских вузов (Проект 5–100). В результате существенно увеличилось финансирование научных проектов, что согласуется с государственной политикой усиления научно-исследовательской деятельности российских университетов [1–3]. В НГУ было открыто 70 новых лабораторий, более половины из которых созданы совместно с организациями Сибирского отделения РАН, а в отдельных случаях – в рамках сотрудничества с зарубежными организациями. Увеличено число иностранных преподавателей, реализуется финансовая поддержка зарубежных командировок, привлекаются иностранные студенты [4]. С этими преобразованиями связана значительно возросшая публикационная активность вуза, к анализу которой прежде уже обращались специалисты по научной информации, рассматривая НГУ в рейтинге научных организаций Новосибирской области [5, 6], а также обращая внимание на отдельные научные направления вуза. В частности, наша предыдущая работа [7] была посвящена геолого-гео-

МАЗОВ Николай Алексеевич – кандидат технических наук, заведующий Информационно-аналитическим центром ИНГГ им. А.А. Трофимука СО РАН. ГУРЕЕВ Вадим Николаевич – кандидат педагогических наук, научный сотрудник Информационно-аналитического центра ИНГГ им. А.А. Трофимука СО РАН.

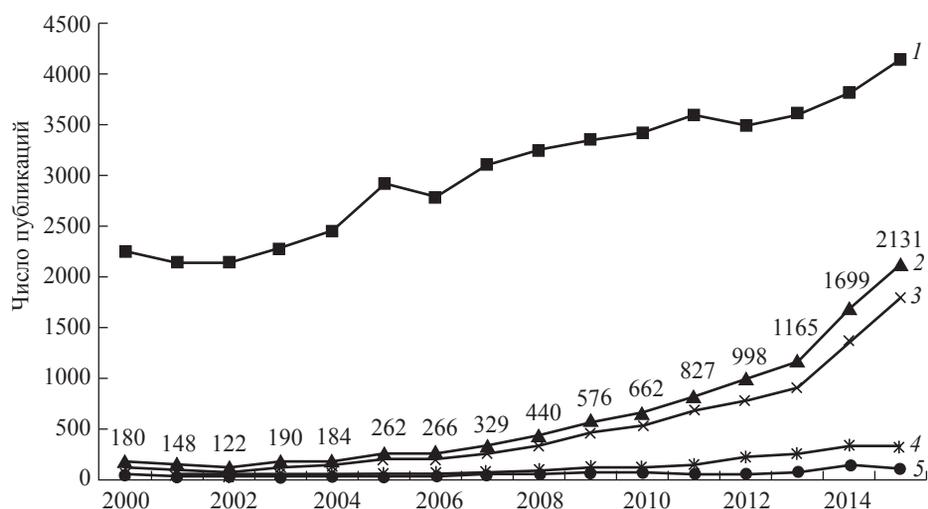

Рис. 1. Динамика публикационной активности

1 – ННЦ; 2 – НГУ в целом; 3 – НГУ в сотрудничестве с ННЦ; 4 – НГУ в сотрудничестве с другими организациями, кроме ННЦ; 5 – НГУ без сотрудничества с другими организациями. Приводится абсолютное число публикаций по годам

физическому факультету. Рост числа публикаций НГУ отмечался уже с конца 2000-х годов, то есть ещё до участия университета в Проекте 5–100.

В настоящем исследовании предпринята попытка провести развёрнутый анализ публикационной активности НГУ, начиная с 2000 г., а также учесть влияние Проекта 5–100 на научную продуктивность сотрудников вуза. Использовалась политематическая база данных Scopus издательства “Elsevier”. Выбор этой базы обусловлен более широким перечнем российских изданий в сравнении с базой данных Web of Science (WoS) Core Collection: 391 журнал по состоянию на июль 2016 г. в Scopus [8] и 149 журналов с импакт-фактором по базе Journal Citation Reports (JCR) в WoS. При работе с профилями НГУ и организаций Новосибирского научного центра СО РАН (ННЦ) использовались запросы по названиям в поле Affiliation Search. Список организаций ННЦ для составления сводного запроса основан на данных сайта Сибирского отделения РАН [9]. Анализ публикационной активности охватывал 16-летний период (2000–2015), учёт цитирований проводился по состоянию на август 2016 г. Отдельно были рассчитаны показатели за три пятилетних периода, что позволило отразить ход изменений публикационной активности.

Всего было рассмотрено 10 179 публикаций со ссылкой на НГУ (общее число публикаций с 1960 г. составляет 12 415). Таким образом, выборка включает около 80% всех публикаций НГУ. Для демонстрации ряда показателей в динамике использовалось стандартное трёхлетнее окно цитирования, при анализе тематического распределения публикаций по научным дисциплинам – предметный рубрикатор Scopus. В ряде случаев рубрики были

объединены в более крупные группы. Так, в случае наук о жизни совокупно рассматривались рубрики “Биохимия, генетика и молекулярная биология”, “Сельскохозяйственные и биологические науки”, “Иммунология и микробиология”, “Нейронауки” и “Ветеринария”. К наукам о Земле добавлена рубрика “Защита окружающей среды”. Технические науки рассматривались совместно с рубриками “Материаловедение” и “Энергетика”. К рубрике “Математика” добавлен раздел “Информатика”. Остальные рубрики с числом публикаций менее 120 (3,5% общего числа публикаций) не учитывались.

Научная продуктивность (число публикаций) НГУ и сотрудничество с другими организациями. График повышения публикационной активности Новосибирского государственного университета приведён на рисунке 1. Наблюдаются плавный рост публикаций Новосибирского научного центра СО РАН начиная с середины 2000-х годов и резкий рост числа публикаций НГУ в последние годы. Научная продуктивность организаций ННЦ в рассматриваемый период увеличилась в 1,8 раза – с 2256 публикаций в 2000 г. до 4147 в 2015 г. Число публикаций НГУ выросло в 11,8 раза – со 180 в 2000 г. до 2131 в 2015 г. Примечательно, что сейчас число публикаций организаций ННЦ двукратно превышает число публикаций НГУ – единственного классического университета Новосибирской области, тогда как на общероссийском уровне научная продуктивность преподавателей вузов ещё в 2014 г. впервые превысила научную продуктивность учреждений РАН [10].

На рисунке 2 показан прирост числа публикаций НГУ за последние пять лет в сравнении с общероссийскими значениями. Интенсивное его увеличение уже в течение ряда лет позволяет НГУ лидировать по темпам роста научной продуктивности

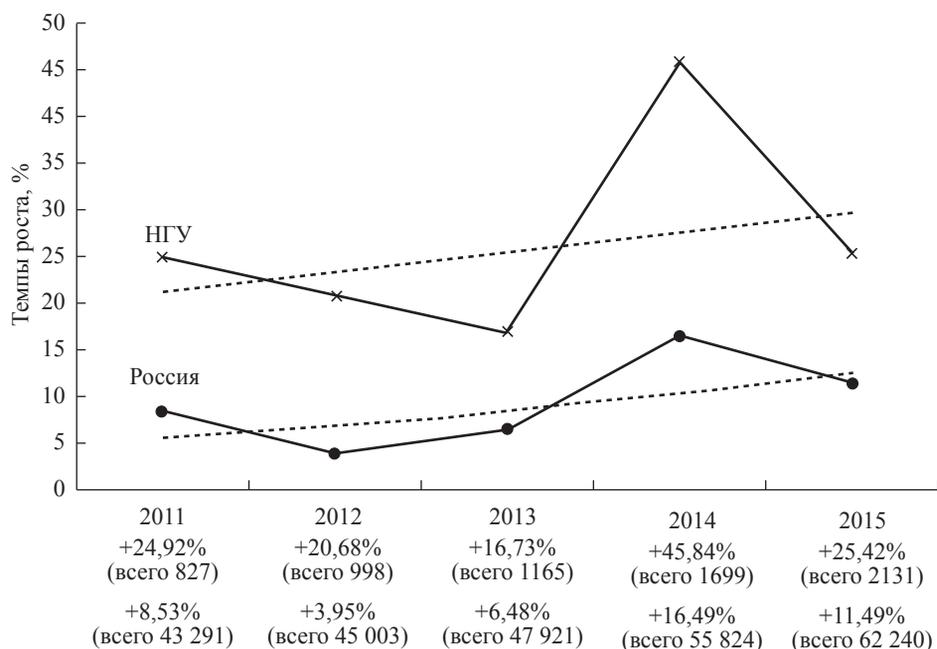

Рис. 2. Сравнение темпов роста публикационной активности НГУ с общероссийскими темпами по базе данных Scopus

среди национальных исследовательских университетов. Схожие темпы роста в последние годы демонстрирует только Санкт-Петербургский государственный университет [3, 7]. Во многом повышение публикационной активности связано с Проектом 5–100 и, соответственно, возросшим финансированием вузов, входящих в программу, на что уже обращали внимание исследователи [10]. Примечательно, что в обоих случаях достижение высоких показателей оказалось возможным исключительно благодаря сотрудничеству с научными организациями РАН, в которых исторически, в отличие от вузов, доминировали фундаментальные исследования и публиковалось большое число работ [10]. Как следует из рисунка 1, кривые роста общего числа публикаций НГУ и публикаций, написанных в сотрудничестве с ННЦ СО РАН, очень близки. Доля совместных исследований НГУ и ННЦ и прежде была высокой, но продолжала последовательно увеличиваться в течение всего рассматриваемого периода, достигнув в 2015 г. 84% против 62% в 2000 г. При этом даже в 2000 г. данное значение в НГУ существенно превышало современные общероссийские показатели: в 2014 г. – 39,6%, а для всех вузов Проекта 5–100 – 53,6% [10]. Сотрудничество НГУ и Российской академии наук – самое интенсивное среди национальных исследовательских университетов [1]. Начиная с 2008 г. НГУ неизменно занимает первое место среди научных и образовательных учреждений Новосибирской области по числу публикаций, оставив позади две организации с наибольшим их числом – Институт

ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН и Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН.

В своей предыдущей работе [7] мы уже обращали внимание на отчасти формальный подход к достижению высоких показателей публикационной активности в НГУ, которые в значительной мере – результат совмещения должностей в НГУ и ННЦ (до 90% на отдельных факультетах). Ежегодно в НГУ увеличивается не столько число собственных публикаций, сколько число случаев, когда сотрудники ННЦ указывают в своих публикациях университет в качестве дополнительной аффилиации. Детальный анализ публикаций геолого-геофизического факультета показал, что если в 2000 г. сотрудниками факультета, которые также работали в Объединённом институте геологии, геофизики и минералогии СО РАН, университет был указан лишь в 6 из 120 публикаций (то есть только в 5% случаев), то в 2015 г. соотношение было уже 165 к 236 (в 70% случаев). Можно предположить, что в ближайшие годы в НГУ либо снизится рост публикационной активности, так как ресурс в виде публикаций преподавателей – сотрудников ННЦ – скоро будет полностью исчерпан, либо возникнет необходимость привлекать тех сотрудников ННЦ, которые формально не связаны с университетом и не указывают его в своих публикациях. Это возможно осуществить в рамках совместных с ННЦ 40 лабораторий.

При анализе сотрудничества НГУ с другими организациями наблюдается и обратная тенденция: доля публикаций, в которых в качестве аффилиации заявлен только университет (то есть коллаборация с другими

Таблица 1. Распределение публикаций по странам с наибольшим числом проектов, проводимых совместно с НГУ в 2011–2015 гг.

Страна	Число совместных публикаций		Доля совместных публикаций, %		Соотношение доли публикаций НГУ к доле России
	НГУ	Россия	НГУ	Россия	
Германия	1105	17 543	16,16	6,87	2,35
США	1048	18 192	15,33	7,13	2,15
Италия	826	6889	12,08	2,70	4,48
Великобритания	821	9154	12,01	3,59	3,35
Франция	803	10 373	11,75	4,06	2,89
Китай	800	5386	11,70	2,11	5,54
Испания	768	5556	11,23	2,18	5,16
Швейцария	724	4600	10,59	1,80	5,88
Нидерланды	713	3921	10,43	1,54	6,79
Польша	712	4975	10,42	1,95	5,34

Таблица 2. Распределение публикаций НГУ по областям знаний по всем годам и по трём периодам

Научная область	Распределение публикаций по годам			
	Все годы	2000–2004	2005–2009	2010–2015
Физика ↑	4237* (29,39%)	320 (29,91%)	685 (26,55%)	3232 (30,01%)
Химия ↓	2857 (19,82%)	303 (28,32%)	606 (23,49%)	1948 (18,09%)
Технические науки ↑	2600 (18,03%)	143 (13,3%)	478 (18,53%)	1979 (18,38%)
Математика, информатика ↑	1808 (12,54%)	81 (7,57%)	319 (12,36%)	1408 (13,08%)
Науки о жизни ↓	1321 (9,16%)	156 (14,58%)	285 (11,05%)	880 (8,17%)
Науки о Земле ↑	765 (5,31%)	30 (2,80%)	103 (3,99%)	632 (5,87%)
Медицина ↑	518 (3,59%)	22 (2,06%)	60 (2,33%)	436 (4,05%)
Прочее ↑	312 (2,16%)	15 (1,40%)	44 (1,71%)	253 (2,35%)

* В Scopus одна публикация может быть отнесена к двум и более научным областям, поэтому возможны пересечения.

Примечание. В скобках указана доля публикаций в общем числе публикаций в заданный период.

организациями отсутствует), сократилась с 24% в 2000 г. до 5% в 2015 г. Сотрудничество с организациями вне ННЦ в анализируемый период колебалось незначительно и остаётся в пределах 10%. Активно развиваются совместные исследования с другими странами. Если в 2000 г. НГУ имел совместные публикации с 16 странами, то в 2015 г. их было уже 79, а наибольшее число совместных исследований пришлось на первую половину 2010-х годов. Распределение совместных публикаций НГУ и других стран за последние пять лет приводится в таблице 1. Данные таблицы иллюстрируют намного более интенсивное сотрудничество НГУ с другими странами в сравнении с общероссийским уровнем.

В последней колонке можно увидеть, во сколько раз чаще публикуются результаты совместных исследований в НГУ по сравнению со среднероссийскими показателями. С учётом того, что ситуация в НГУ во многом отражает ситуацию в организациях ННЦ, сопоставим полученные нами данные с результатами В.А. Маркусовой по второй половине 2000-х годов и отследим прошедшие с того времени изменения [5]. Так, в 2010-е годы первое место стали занимать не США, а Германия, из первой десятки стран исчезли Япония и Канада, место которых заняли Швейцария и Польша.

В таблице 2 представлено распределение научных публикаций НГУ по областям знаний. Оно ярко

Таблица 3. Доля публикаций НГУ в массиве публикаций ННЦ СО РАН и доля публикаций ННЦ СО РАН в массиве публикаций НГУ

Научная область	Доля публикаций НГУ в массиве публикаций ННЦ, %			Доля публикаций ННЦ в массиве публикаций НГУ, %		
	2000–2004	2005–2009	2010–2015	2000–2004	2005–2009	2010–2015
Физика	5,26	9,16	30,34	61,25	76,06	80,48
Химия	7,19	13,88	32,59	80,86	93,73	95,94
Технические науки	3,04	8,11	24,86	65,03	75,94	90,25
Математика, информатика	3,05	8,57	30,38	45,68	58,31	71,59
Науки о жизни	6,62	12,96	25,85	78,21	86,67	86,82
Науки о Земле	1,64	4,54	17,27	66,67	80,58	87,66
Медицина	4,56	14,00	31,71	54,55	81,67	78,90
Прочее	1,90	2,17	17,31	20,00	20,45	46,86

Примечание. Полужирным шрифтом выделены данные, демонстрирующие остановку или снижение интенсивности сотрудничества НГУ с организациями ННЦ.

демонстрирует доминирование в университете естественных и точных наук. На долю гуманитарных и общественных наук, составляющих основную часть выделенной нами категории “Прочие”, приходится в целом чуть более 3%. По всем научным направлениям наблюдается интенсивный рост числа изданных работ, особенно в последний период. Между тем снижение удельного веса в общем числе публикаций университета показывают химические науки и науки о жизни.

На протяжении трёх анализируемых периодов по всем дисциплинам в НГУ прослеживается увеличение

числа совместных публикаций с организациями ННЦ. Однако при сравнении относительных показателей в некоторых областях в НГУ наблюдается тенденция к снижению зависимости от организаций ННЦ. В таблице 3 представлены относительные доли публикаций ННЦ в массиве публикаций НГУ, а также публикации НГУ в массиве публикаций ННЦ. По всем дисциплинам в учреждениях ННЦ неуклонно растёт доля совместных публикаций с НГУ. Особенно ярко это проявляется в последние два-три года, начиная с участия НГУ в Проекте 5–100. Однако, несмотря

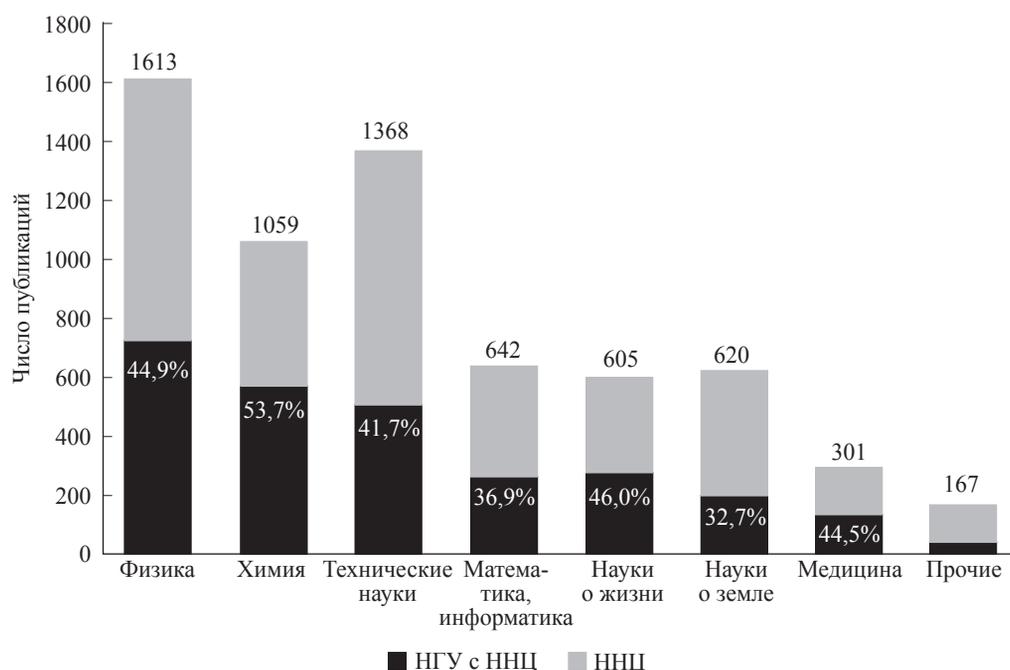

Рис. 3. Доля публикаций НГУ в массиве публикаций ННЦ СО РАН

Таблица 4. Журналы с импакт-фактором выше 10 по базе данных JCR-2015, в которых были опубликованы статьи сотрудников НГУ в 2000–2015 гг. (ранжирование по импакт-фактору)

Журнал	Импакт-фактор JCR-2015	Число статей
Nature	38,138	1
Science	34,661	6
Chemical Society Reviews	34,090	1
Reviews of Modern Physics	33,177	1
Nature Photonics	31,167	2
Accounts of Chemical Research	22,003	1
Nature Physics	18,791	2
Nano Letters	13,779	4
Molecular Biology and Evolution	13,649	1
ACS Nano	13,334	1
Molecular Psychiatry	13,314	1
Journal of the American Chemical Society	13,038	14
Coordination Chemistry Reviews	12,994	6
Advances in Optics and Photonics	12,368	1
Journal of Photochemistry and Photobiology C-Photochemistry Reviews	12,162	1
Angewandte Chemie-International Edition	11,709	14
Genome Research	11,351	1
Nature Communications	11,329	6
Genome Biology	11,313	2
Astrophysical Journal Supplement Series	11,257	1
Trends in Plant Science	10,899	1

на значительно бóльшую зависимость НГУ от ННЦ, в ряде областей в последний период обозначилось снижение этой зависимости, что позволяет предположить рост в университете числа самостоятельно выполненных исследований. В частности, это касается медицины и наук о жизни.

Если в ряде областей доля зависимости НГУ от организаций ННЦ снижается, то доля совместных с НГУ публикаций в массиве публикаций ННЦ во всех случаях увеличивается. Мы отдельно вычислили долю публикаций НГУ среди публикаций ННЦ за 2015 г., когда показатели существенно превышали усреднённые значения последнего периода (рис. 3). Так, если в начале 2000-х годов доля

Таблица 5. Журналы с наибольшим числом (от 60) публикаций сотрудников НГУ в 2000–2015 гг. (ранжирование по числу статей)

Журнал	Импакт-фактор JCR-2015	Число статей
<i>Журнал структурной химии</i>	0,536	259
Physical Review D	4,506	249
<i>Сибирский математический журнал</i>	0,362	179
Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики	1,172	176
<i>Геология и геофизика</i>	1,288	170
Physical Review Letters	7,645	154
Известия Российской академии наук. Серия химическая	0,579	150
<i>Сибирский журнал индустриальной математики</i>	—	123
<i>Алгебра и логика</i>	0,524	122
Physics Letters B	4,787	117
<i>Прикладная механика и техническая физика</i>	0,274	97
Кинетика и катализ	0,632	93
Journal of High Energy Physics	6,023	87
Журнал экспериментальной и теоретической физики	0,953	83
<i>Теплофизика и аэромеханика</i>	0,365	77
Координационная химия	0,516	74
Доклады Академии наук (серия Doklady Earth Sciences)	0,460	69
Journal of Physical Chemistry B	3,187	63
Journal of Mathematical Sciences (переводы из девяти русскоязычных журналов)	—	61
Генетика	0,448	60
<i>Вавиловский журнал генетики и селекции</i>	—	60

Примечание. Курсивом выделены журналы, издаваемые организациями ННЦ СО РАН.

публикаций ННЦ, написанных в сотрудничестве с НГУ, по всем областям была ниже 10%, а после 2010 г. в среднем составляла от четверти до трети, то в 2015 г. она приблизилась (а в одном случае превысила) половину всех публикаций Новосибирского научного центра.

Распределение публикаций НГУ по научным журналам. Мы полностью проанализировали массив индексируемых в Scopus публикаций с 2000 по 2015 г. За этот период сотрудниками НГУ было опубликовано более 8800 статей (включая обзоры) в 1252 научных журналах из перечня Scopus, из которых 986 также индексируются в наиболее авторитетной базе данных Web of Science Core Collection и имеют импакт-факторы. В таблице 4 приводятся журналы с наиболее высокими импакт-факторами (выше 10) по базе JCR за 2015 г. Средневзвешенный импакт-фактор журналов с публикациями НГУ за весь рассматриваемый период составил 2,531 (при расчёте данного показателя каждый журнал учитывался только один раз).

В таблице 5 перечислены журналы с наибольшим числом (от 60) публикаций сотрудников НГУ, в сумме опубликовавших 30% всех статей. Значительная часть статей представлена в переводных российских журналах. Четверть журналов с наибольшим числом публикаций НГУ – это авторитетные зарубежные издания. Восемь журналов верхнего списка издаются в ННЦ, что побуждает сотрудников НГУ направлять в них свои статьи. Примечательно, что данный список существенно коррелирует со списком журналов, в котором опубликованы статьи сотрудников ННЦ, составленным В.А. Маркусовой и соавторами [6]. Это ещё раз обращает внимание на интенсивное взаимодействие между НГУ и ННЦ СО РАН.

Нам показалось интересным составить список журналов, которые приносят НГУ известность и вносят наибольший вклад в высокие показатели публикационной активности университета. Для формирования такого списка мы использовали показатель, представляющий собой произведение числа публикаций в журнале на его импакт-фактор. Данный индикатор демонстрирует значимость каждого журнала для формирования публикационного рейтинга университета. В таблице 6 приводятся первые 20 журналов по степени их значимости для публикационного рейтинга НГУ. Журналы из списка в ряде случаев входят в число изданий с наибольшим числом статей сотрудников НГУ (см. табл. 5), а также в список наиболее авторитетных международных изданий (см. табл. 4). Последнее обстоятельство говорит в пользу того, что отдельная статья в высокорейтинговом журнале может быть более значимой для публикационного

Таблица 6. Наиболее значимые журналы для формирования публикационного рейтинга НГУ

Журнал	Импакт-фактор JCR-2015	Число статей	Импакт-фактор, помноженный на число статей
<i>Physical Review Letters</i>	7,645	154	1177,330
<i>Physical Review D</i>	4,506	249	1121,994
<i>Physics Letters B</i>	4,787	117	560,079
<i>Journal of High Energy Physics</i>	6,023	87	524,001
European Physical Journal C	4,912	50	245,600
Journal of Physical Chemistry C	4,509	53	238,977
<i>Геология и геофизика</i>	1,288	170	218,960
Science	34,661	6	207,966
<i>Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики</i>	1,172	176	206,272
<i>Journal of Physical Chemistry B</i>	3,187	63	200,781
Physical Chemistry – Chemical Physics	4,449	42	186,858
Journal of the American Chemical Society	13,038	14	182,532
Inorganic Chemistry	4,820	36	173,520
Optics Express	3,148	54	169,992
Angewandte Chemie-International Edition	11,709	14	163,926
Physical Review B	3,718	44	163,592
Journal of Chemical Physics	2,894	54	156,276
Applied Catalysis B-Environmental	8,328	18	149,904
Chemical Reviews	37,369	4	149,476
Chemical Engineering Journal	5,310	28	148,680

Примечание. Курсивом выделены журналы, также входящие в список изданий с наибольшим числом публикаций НГУ (см. табл. 5); полужирным шрифтом отмечены журналы с наиболее высокими импакт-факторами (см. табл. 4).

Таблица 7. Распределение цитирований публикаций НГУ по годам

Год	Цитирование	Цитирование в расчёте на статью
2000	357	1,98
2001	202	1,36
2002	363	2,98
2003	484	2,55
2004	687	3,73
2005	589	2,25
2006	604	2,27
2007	706	2,15
2008	906	2,06
2009	1445	2,51
2010	1998	3,02
2011	2613	3,16
2012	12 512	12,54
2013	2941	2,52
2014*	7126	4,19
2000–2004	2093	2,54
2005–2009	4250	2,27
2010–2014	27 190	5,08
2000–2014	33 533	4,17

* Данные за 2014 г. неполные (поскольку исследование проводилось в середине 2016 г.) и будут пополняться.

Примечание. С целью объективного сравнения числа цитирований по годам использовалось трёхлетнее окно цитирования. Полуужирным шрифтом выделены данные за три периода и за весь анализируемый срок.

рейтинга университета в сравнении с несколькими статьями в менее авторитетном журнале. Примечательно, что список высокорейтинговых журналов включает несколько изданий, которые не вошли в первые два списка, но тем не менее оказывают большое влияние на представленность публикаций НГУ в международном научном информационном пространстве. Многие журналы данного списка входят в первый квартиль изданий по своему научному направлению по базе данных Journal Citation Reports и, таким образом, указывают на высокие публикационные стандарты НГУ.

Распределение цитирований публикаций НГУ. В таблице 7 показаны тенденция роста цитирований публикаций НГУ по годам, а также среднее число ссылок на одну статью. При сравнении данных заметно существенное увеличение числа цитирований в последний период, что в первую очередь связано с несколькими очень высокоцитируемыми обзорами по ядерной физике, основная часть

которых написана в сотрудничестве с зарубежными организациями. Особенно это касается двух публикаций 2012 г., набравших уже более 7 тыс. цитирований. Отметим, что именно за счёт таких публикаций среднее число цитирований в НГУ достаточно высоко. В частности, на эти публикации приходится более четверти среднего числа ссылок на статью за весь период.

Ниже приводятся данные о распределении цитирований по областям знаний, на основании чего можно выявить дисциплины, публикации по которым вызывают наибольший интерес и спрос. Из данных таблицы 8 прежде всего виден абсолютный рост числа цитирований публикаций НГУ по всем направлениям научной деятельности. Он может быть связан с увеличением числа публикаций, поэтому для выявления тенденции к росту или уменьшению востребованности публикаций НГУ, выраженной цитированиями, мы также приводим среднее число цитирований одной публикации. При анализе этих данных во многих областях виден спад цитирований во второй период. С учётом общего спада публикационной активности в этот период (см. рис. 1) можно сделать вывод о некотором снижении качества научных публикаций. В третий период в большинстве научных областей наблюдается стабильный, а в ряде случаев резкий рост цитирований. В целом полученное по НГУ распределение цитирований по дисциплинам не совпадает с общемировым распределением [11], где лидирующие позиции занимают медицина и науки о жизни. В НГУ по числу ссылок на первом месте находятся публикации по физике, что подчёркивает значимость исследований в этой области в университете. На мировом уровне публикации по химии обычно набирают больше цитирований, тогда как в последние пять лет в НГУ у них четвёртая позиция. Существенный рост качества публикаций заметен в науках о Земле, которые на мировом уровне занимают средние позиции по цитированию.

Отдельно нами была рассмотрена группа высокоцитируемых статей, к которым мы причислили, согласно методике В.А. Маркусовой с соавторами [1], статьи и обзоры с числом цитирований не менее 30. Из 8843 статей и обзоров за весь анализируемый период 30 и более раз были процитированы 417 публикаций, то есть 4,72%, что значительно выше среднероссийского показателя (1,1%) [1]. Общее число цитирований этих 417 публикаций по состоянию на август 2016 г. составило 32 880, а среднее число ссылок на одну высокоцитируемую статью – 78,85. Отдельно в массиве высокоцитируемых статей мы вычислили долю совместных публикаций с ННЦ – 302 работы, то есть 72,42%, что соответствует общему распределению совместных работ с организациями ННЦ. При этом работы, созданные в коллаборации с ННЦ, в целом набирали больше цитирований: на

Таблица 8. Распределение цитирований к публикациям НГУ по областям знаний

Научная область	Число цитирований			Число цитирований в расчёте на одну публикацию			Доля нецитируемых статей за все годы, %
	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2000–2004	2005–2009	2010–2014	
Физика ↑	1145	1890	23 386	3,58	2,76	9,79	24
Медицина ↑	74	156	1200	3,36	2,60	4,29	23
Науки о Земле ↑	45	223	1444	1,50	2,17	3,59	24
Химия ↑	785	1652	4600	2,59	2,73	3,40	15
Технические науки ↑	330	762	4408	2,31	1,59	3,12	33
Науки о жизни ↑	339	730	1748	2,17	2,56	3,07	21
Математика, информатика ↓	190	366	1322	2,35	1,15	1,27	40
Прочее ↓	19	24	127	1,90	0,63	1,00	54

Примечание. Приведены средние значения ссылок в расчёте на одну публикацию, а также доля нецитируемых публикаций. Использовано трёхлетнее окно цитирования. Ранжирование по числу цитирований в расчёте на публикацию за последние 5 лет.

каждую из 302 совместных статей в среднем пришлось по 83,33 ссылки (всего 25 249 цитирований), тогда как на каждую из 115 статей НГУ, написанных без сотрудничества с ННЦ, приходится по 66,93 ссылки (всего 7631 цитирование).

Важно отметить, что 131 публикация с высокими показателями цитирований была написана без сотрудничества с зарубежными организациями, что составляет 31% от общего числа высокоцитируемых публикаций НГУ. Этот показатель трёхкратно превышает среднероссийское значение (11%) [1], указывая на внушительную долю оригинальных исследований, вызывающих интерес международного научного сообщества.

* * *

Настоящее исследование позволяет говорить о значительно более высокой публикационной активности Новосибирского государственного университета в сравнении как с большинством российских вузов, так и со средними общероссийскими показателями по всем научным организациям. Наиболее быстрый рост отмечен с началом участия НГУ в Проекте 5–100. Во многом интенсивность темпов роста числа публикаций и улучшения их качества, выраженного числом цитирований, объясняется сотрудничеством с расположенными в непосредственной близости от НГУ учреждениями Новосибирского научного центра СО РАН. Однако нынешняя ситуация такова, что организации ННЦ, похоже, в большей мере заинтересованы в сотрудничестве с университетом, чем наоборот. На это

указывает постоянное увеличение доли совместных с НГУ публикаций в организациях СО РАН, которая по некоторым дисциплинам уже превышает половину всех работ. Напротив, в НГУ в последние годы по ряду областей наметилось снижение доли совместных с ННЦ публикаций, хотя она и остаётся очень высокой. Отмечено ежегодное устойчивое расширение списка стран, с которыми сотрудничает НГУ.

Значительная часть работ НГУ издаётся в отечественных журналах, более половины из которых выпускается в ННЦ, однако четверть публикаций приходится на авторитетные зарубежные издания. Анализ цитирования позволил выявить спад интереса к публикациям НГУ во второй половине 2000-х годов и двукратный рост в последние пять лет, что объясняется более тесным сотрудничеством университета как с зарубежными организациями, так и с учреждениями ННЦ СО РАН.

Полученные нами результаты согласуются с рядом других упомянутых в статье исследований по университету и позволяют сделать вывод о продолжении в ближайшие годы роста библиометрических индикаторов НГУ. Результаты исследования обсуждались на XVII Семинаре-конференции Проекта 5–100 (20–22 сентября 2016 г., Новосибирск).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ivanov V.V., Libkind A.N., Markusova V.A.* Publication activity and research cooperation between higher education institutions and the Russian Academy of Sciences // Herald of the Russian Academy of Sciences.

2014. № 1. P. 28–34; *Иванов В.В., Либкинд А.Н., Маркусова В.А.* Публикационная активность и научное сотрудничество вузов и РАН // Вестник РАН. 2014. № 1. С. 32–38.
2. *Маркусова В.А., Соколова М.С.* Инновационное развитие системы высшего образования // Научная и инновационная политика. Россия и мир. 2002–2010. М.: Наука, 2011.
 3. *Диденко Н.И., Петровский А.Б., Ерёмичева Г.В., Москалёва О.В.* Интеграция академической и университетской науки на примере Санкт-Петербурга: социальные технологии // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5 (3). С. 17–37.
 4. *Лыкосов М.* “5–100” в НГУ. 2016. <http://www.nsu.ru/3f6d3739b8f0505e433d6c88476ad97a> (дата обращения 23.09.2016)
 5. *Markusova V.A., Libkind A.N., Varshavsky A.E., Jansz C.N.M.* Research performance and collaboration in the Novosibirsk region // *Scientometrics*. 2012. V. 91 (2). P. 513–526.
 6. *Markusova V.A., Libkind A.N., Krylova T.A. et al.* Basic research in the Novosibirsk oblast': Bibliometrical analysis for 2004–2009 // *Scientific and Technical Information Processing*. 2011. V. 38 (3). P. 224–236; *Маркусова В.А., Либкинд А.Н., Крылова Т.А. и др.* Фундаментальные исследования в Новосибирском регионе: библиометрический анализ за 2004–2009 гг. // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2011. № 9. С. 30–42.
 7. *Мазов Н.А., Гуреев В.Н.* Библиометрическая оценка научной продуктивности университета (на примере геолого-геофизического факультета НГУ) // Высшее образование в России. 2015. № 11. С. 18–27.
 8. Перечень российских журналов, индексируемых в Scopus. 2016. http://elsevierscience.ru/files/Scopus_Rus_journal_list_July2016.xls (дата обращения 23.09.2016)
 9. Новосибирский научный центр Сибирского отделения РАН. 2008. <http://www.sbras.ru/sbras/db/dep.phtml?3+127+rus> (дата обращения 23.09.2016).
 10. *Ivanov V.V., Markusova V.A., Mindeli L.E.* Government investments and the publishing activity of higher educational institutions: Bibliometric analysis // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2016. № 4. P. 314–321; *Иванов В.В., Маркусова В.А., Миндели Л.Е.* Государственные инвестиции и публикационная активность вузов: библиометрический анализ // Вестник РАН. 2016. № 7. С. 611–619.
 11. *Colledge L., Verlinde R.* *SciVal Metrics Guidebook*. Netherlands: Elsevier, 2014.

ИНТЕРКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

© 2017 г. И.П. Цапенко

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
e-mail: tsapenko@imemo.ru

Поступила в редакцию 01.04.2017

Массовая инокультурная иммиграция резко усиливает неоднородность населения развитых регионов мира, порождая как серьёзные риски, так и новые возможности их развития. Чтобы противостоять вызовам и задействовать преимущества разнообразия, принимающие государства ищут более адекватные модели управления многосоставными социумами. В качестве альтернативы существующим подходам к интеграции приезжих и их потомков выступает интеркультурализм, предполагающий налаживание позитивного межкультурного взаимодействия людей на основе общности их потребностей и интересов. Эта концепция воплощается в межкультурных практиках целого ряда городов, есть позитивные результаты. Однако такие наработки пока не адаптированы к применению на более высоком территориальном уровне.

Ключевые слова: инокультурная иммиграция, этнические меньшинства, этнокультурное разнообразие, идентичность, конфликт, ресурсы развития, интеграционная политика, межкультурные города, сплочение, интеркультурализм.

DOI: 10.7868/S0869587317100061

Предоставляя метекам¹ возможность участвовать во всём, в чём их участие было бы полезно... мы смогли бы внушить им большую благожелательность и вместе с тем сделали бы город более сильным и великим...

Ксенофонт

Массовая миграция представителей незападных этносов в государства глобального Севера и происходящие там под её влиянием обострение этнокультурных дисбалансов и антагонизмов, усиление угроз социально-политической стабильности и эффективному функционированию экономики превратили вопрос интеграции приезжих и их

потомков в один из острейших в принимающих, в первую очередь европейских, обществах. Эту проблему ещё более актуализировал современный миграционный кризис. Неадекватность существующих моделей управления культурным многообразием этих социумов побуждает вести поиск иных подходов к организации социального общежития представителей разных культур. Среди таких новых идей и практик набирает популярность *интеркультурализм* (interculturalism), в котором делается акцент на общность людских интересов и необходимость налаживания позитивного межкультурного взаимодействия. В статье предпринимается попытка разобраться в концептуальных основаниях и практических механизмах реализации этой модели и оценить её жизнеспособность.

ЦАПЕНКО Ирина Павловна – доктор экономических наук, заведующая сектором ИМЭМО РАН.

¹ Метеки – чужеземцы в Афинах, которые располагали на много меньшими правами, чем граждане города.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ: ОГРАНИЧИТЕЛЬ ИЛИ РЕСУРС РАЗВИТИЯ?

Глобальная миграция влечёт за собой стремительное укрупнение контингентов приезжего населения, социализировавшегося в иной социокультурной среде. В 2013 г. в ЕС-26 доля иммигрантов, а также их потомков в первом поколении достигла 16%, в том числе в Великобритании – 19%, Германии и Нидерландах – 20%, а в Швейцарии уже превысила 40% [1, р. 17]. Ещё выше этот показатель в крупнейших городах, притягивающих значительные потоки мигрантов. В 2010–2012 гг. доля лиц с иностранными корнями оценивалась в 38% в Лондоне и Мюнхене, 48% – в Роттердаме, 50% – в Гааге и Цюрихе [2; 3, р. 16]. В результате усиливается пестрота жителей принимающих территорий по странам происхождения, лингвистической, этнической и конфессиональной принадлежности [4], в эпоху постмодерна культурная сложность наций становится нормой [5, с. 17]. Немецкий культуролог С. Вертовек квалифицирует происходящие этнокультурные сдвиги в развитых регионах мира как “трансформирующую диверсификацию разнообразия” (transformative diversification of diversity), ведущую к появлению “сверхразнообразия” (super-diversity) [6, р. 1025]. Нарастание этнокультурной неоднородности принимающих социумов становится всё более значимым фактором их социальной динамики.

Согласно опросам жителей ЕС, иммиграция – самая важная современная проблема Союза, которая представляет серьёзный вызов для его будущего. Закономерно, что и порожаемое иммиграцией разнообразие традиционно рассматривается с точки зрения ограничений и вызовов. Р. Патнэм показывает, что разнообразие негативно влияет на социальный капитал, причём не только на “наводящий мосты” между группами (bridging capital), но и на “связывающий изнутри” эти группы (bonding capital), снижая в целом доверие между людьми [7, р. 137]. Анализ данных Европейского социального исследования за 2014 г. (European social survey 2014, ESS 2014) также свидетельствует, что чем больше инокультурных жителей видит в своей стране представитель титульной нации, тем ниже уровень его доверия к людям [8].

Демографическая и социокультурная экспансия представителей иных этносов угрожает сохранности западных цивилизаций и их идентичности. По разным оценкам, в нулевые годы в большинстве столиц и во многих крупнейших городах Западной Европы доля мусульман превышала 10% [3, р. 19], а в Марселе, например, достигала 35%. Риски исламизации региона резко усиливаются массовыми стихийными людскими потоками,

направляющимися туда с мусульманского Востока: только за 2015–2016 гг. в ЕС было подано свыше 2,5 млн. прошений об убежище. С современной миграционной волной связаны рост терроризма и преступности, усиление ксенофобии и расизма, радикализация политических ориентаций, дестабилизация управления и др., что влечёт за собой ухудшение межэтнических и межконфессиональных отношений [9, р. 55]. Данные ESS 2014 свидетельствуют о высокой степени негативизма местного населения в отношении приёма инокультурных иммигрантов, прежде всего мусульман [8]. Возникают угрозы перерастания межгруппового противостояния своих–других, нас–их в острый конфликт идентичностей.

Прослеживается и этнизация таких острых социальных проблем принимающих обществ, как безработица, бедность, депривация, социальное неравенство и геттоизация городского пространства, которым в большей степени, в том числе в силу дискриминации, подвержены именно инокультурные меньшинства. В 2010–2012 гг. уровень безработицы среди мигрантов и представителей этнических меньшинств достигал 34% в Барселоне и 19% в Копенгагене, более чем в 1,5 раза превышая соответствующий показатель коренного белого населения; в Лондоне и Осло за чертой бедности оказались соответственно 41 и 29% жителей с небелым цветом кожи [2].

Поскольку социальное неблагополучие способствует культурному обособлению мигрантских общин в замкнутые “параллельные миры”, видимый негативный эффект этнокультурной разнообразности общества на сплочение и доверие в нём нередко является лишь проекцией связи культурных различий с депривацией, экономическим неравенством и пространственной сегрегацией, которые разобщают людей [10]. Р. Патнэм подчёркивает, что само по себе “разнообразие не порождает плохих межрасовых отношений или этнически обусловленной групповой враждебности” [7, р. 150, 151]. Более того, этнокультурная гетерогенность способна генерировать позитивные эффекты. Она может выступать в роли ресурса развития, “источника здоровья, богатства и могущества нации” [11]. Американская писательница Дж. Джакобс, выпустившая в 1961 г. книгу “Смерть и жизнь великих американских городов”, возможно, была первой, кто увидел в разнообразии фактор долгосрочного благосостояния урбанизаций, фактор, который делает их, подобно биоразнообразию в экосистемах, устойчивыми к негативным воздействиям.

На использовании народно-хозяйственного потенциала гетерогенности общества основана так называемая *экономика культурного разнообразия*. Такая экономика имеет два главных слагаемых.

Во-первых, это *этнический бизнес*, занятые в котором принадлежат к одной и той же этнокультурной группе. Он подпитывается, с одной стороны, культурной предрасположенностью к предпринимательской деятельности представителей определённых диаспор, в особенности арабов, евреев, армян, корейцев, индийцев и китайцев, а с другой — групповыми этнокультурными ресурсами, то есть преимуществами принадлежности экономических агентов к одной и той же культуре. Отношения, построенные на доверии и групповой солидарности, содействуют снижению непроизводительных затрат и повышают конкурентоспособность и жизнестойкость этнического бизнеса. Последний составляет неотъемлемую часть экономики этнических анклавов и бедных кварталов со смешанным населением, способствуя обновлению старых городских районов и созданию там рабочих мест².

Во-вторых, это *совместная народно-хозяйственная деятельность* выходцев из разных стран и цивилизационных ареалов. Смешанные команды, создаваемые из уроженцев разных стран на предприятиях “большой экономики”, нередко эффективнее в решении широкого круга задач, генерировании новых идей, выработке альтернативных подходов и т.п., чем гомогенные по составу группы. Это особенно заметно проявляется в деятельности представителей беловоротничковых профессий в богатых странах благодаря *противопоставлению и комплементарности компетенций*, разных стилей мышления и видения проблем, которыми обладают носители разных культурных традиций и менталитета. В результате происходит рост патентования, инноваций и как следствие — повышение производительности труда и конкурентоспособности знаниеёмких отраслей. Согласно оценке датского Агентства исследований и инноваций, разнообразие персонала организаций повышает шансы их инновационности до 30% [13, р. 4]. Таким образом, экономика культурного разнообразия способствует более сбалансированному, устойчивому и динамичному развитию национальных хозяйственных комплексов.

Однако подмечено, что благодатен для общества лишь некий определённый уровень социальной дисгармонии. Этнически разнородные по составу коллективы первоначально, в силу их разобщённости, менее эффективны, чем гомогенные, и лишь по мере консолидации постепенно выходят на лидирующие позиции. При этом позитивное влияние “количества” разнообразия — доли инокультурных групп в социуме — имеет вид перевёрнутой буквы U:

² За период 1998–2008 гг. в европейских странах ОЭСР каждый иммигрант, самостоятельно занятый в сфере малого бизнеса (до 50 человек персонала), создал в среднем 1,4–2,1 новых рабочих места [12, р. 158].

выигрыш от гетерогенности увеличивается до определённого порога, а затем ослабляется, сопровождаясь ростом его издержек [4]. С учётом “качества” различий, а именно при большей культурной дистанции, разделяющей людей, этот порог может быть существенно ниже. Отсюда вытекает необходимость такого управления неоднородностью, которое способствовало бы сокращению наиболее острых конфликтогенных разрывов (и предупреждению новых, в том числе за счёт ограничения инокультурной иммиграции), смешению, гибридизации идентичностей и появлению новых, более коллаборативных форм разнообразия. Как отмечается в документе Совета Европы, “преимущества разнообразия могут быть реализованы только при условии адекватной политики, направленной на противодействие конфликту и на обеспечение равных возможностей и социального сплочения” [14]. Такая политика должна содействовать взаимной, встречной, причём не просто двусторонней, а *многосторонней интеграции* в поликультурный социум как представителей разных мигрантских общин, так и коренных жителей, причём на разных территориальных уровнях.

КОНЦЕПТ ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМА

Негативные эффекты культурного разнообразия в развитых регионах в немалой мере обусловлены неадекватностью адресуемых ему теоретических подходов и соответствующих практических мер. С одной стороны, по большому счёту разнообразие игнорируется или фактически отрицается. *Ассимиляционный подход*, который позиционируется как не различающий цвета кожи (colour-blind), беспристрастный в отношении разных рас и этносов и формально принимающий их равными, предполагает полную утрату представителями меньшинств своей этнокультурной самобытности. Однако такой подход пробуксовывает в условиях постоянного массового притока представителей незападных цивилизаций. Более того, принудительная гражданская интеграция этнических меньшинств и ограничение культурно-религиозных прав, направленные на насильственную гомогенизацию общества, оборачиваются возрастающей территориальной сегрегацией инокультурного населения в этнических анклавах и маргинализацией мигрантов второго-третьего поколений.

В противовес ассимиляционному подходу в *мультикультурализме* делается чрезмерный упор на различия, поощряется сохранение унаследованных элементов культурной идентичности, что не благоприятствует развитию чувства принадлежности новой культуре, лояльности стране проживания. Применение подобной политики, исходящей из верховенства групповых прав над индивидуальным

выбором, культурных запросов над социальными, привело к нарастанию этнического и конфессионального коммунитаризма, усилению социального иждивенчества.

Кризис европейской интеграционной политики, в частности несостоятельность действующих моделей в отношении мусульман, побуждает к поискам иных парадигм, ориентированных на сближение и единение представителей разных культур [8]. Среди таких новых подходов быстро набирает популярность *интеркультурализм*. Его основные положения были сформулированы Л. Сандеркок и развиты П. Вудом, Ч. Тейлором, Ж. Бушаром, Т. Кэнтлом, А. Раттанси, Д. Пинелли, Р. Запата Барреро и целым рядом других исследователей.

Интеркультурализм признаёт “неизбежность укоренённости культур”, существование права на отличие, на специфические потребности культурных меньшинств [15, р. 64]. Однако его сторонники выступают против морального релятивизма, за универсальные ценности. В противовес акценту мультикультурализма на защиту культурных различий, которые разобщают социум, если в нём не создаются условия для взаимодействия представителей разных этнических, конфессиональных и иных групп, интеркультурализм, опираясь на теорию контакта (Г. Оллпорт и другие), предполагает ослабление мотивов к формированию замкнутых культурных сообществ. Он отходит от прежнего понимания диалога культур с акцентом на их различия. Межкультурный диалог как “неотъемлемый элемент поликультурного общества” [15, р. 64], основывающийся на наличии общих человеческих потребностей и интересов, предполагающий взаимную ответственность и равенство людей, должен вестись поверх культурных и этнических границ. Точнее было бы даже говорить о “культурном полилоге, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, полного культурного перевода, где культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя своё право на непрозрачность” [16, с. 153]. Осуществляющееся в ходе такого взаимодействия социальное смешивание призвано способствовать формированию общей публичной культуры и нового социального целого, которые функционируют по принципу “*E Pluribus Unum*” – во многом единое, единство во множестве. Достичь этого предполагается благодаря инициативному добровольному гражданскому участию, не прибегая к массивной финансовой поддержке.

Принципиально отличает интеркультурализм от мультикультурализма и лежащий в основе первого подход к разнообразию – не только и не столько как к фактору общественных антагонизмов, сколько как к преимуществу (*diversity advantage*),

общественному благу и источнику развития креативных и инновационных возможностей социума. Более того, если следовать логике Р. Флориды, создание толерантной среды в городах способно привлекать туда кадры и инвестиции, содействуя продвижению экономики знаний. Расценивая культурную принадлежность члена социума как своего рода “индивидуальную собственность и экономический актив, по отношению к которым человек занимает предпринимательскую позицию” [17, р. 6], сторонники интеркультурализма видят в мобилизации этого ресурса в сфере занятости возможность преодолеть исключение в социально-экономической сфере и тем самым облегчить в некоторой степени бремя государства благосостояния [17, р. 4, 5].

Помимо этого, интеркультурализм отходит от понимания идентичностей как инвариантных, неизменных и принудительного отнесения людей к группам, коллективная идентичность которых основывается на этнической, расовой и т.п. общности, что присуще мультикультурализму. В новой модели люди и группы представляются добровольными носителями динамичных многомерных и гибридных идентичностей [15, р. 64, 65].

Во-первых, интеркультурализм выступает против предписанных индивиду сообществами от рождения идентичностей и выстраиваемых на их основе стереотипов, которые используются для достижения политических целей и способствуют воспроизведению этнокультурных размежеваний. В интеркультурализме право на культурную идентичность и практику – это не навязываемая защита свободы культурных сообществ от большинства, а свобода выбора индивидом своей культурной, в том числе множественной, принадлежности, своего образа жизни. Эта идея была сформулирована в рамках возможностного подхода лауреатом Нобелевской премии по экономике А. Сеном [18].

Во-вторых, интеркультурализм, тяготея к конструктивизму, исходит из пластичности и изменчивости этнокультурных, равно как и многих иных, типов самоотнесения, претерпевающих дальнейшие метаморфозы у потомков мигрантов и их последующих поколений.

В-третьих, интеркультурализм делает ставку на кросскультурное взаимообогащение и гибридизацию идентичностей. В процессе трансграничных передвижений люди знакомятся с новыми культурами, усваивают и интернализируют их, а также относящиеся к ним смыслы, представления, нормы, ценности, практики и образцы поведения. Поскольку зачастую мигранты не утрачивают своих исторических корней, прежней культуры, связей с родиной, происходит смешение и объединение элементов взаимодействующих культур. В кросскультурных пространствах, в которых люди живут

одновременно в разных культурных измерениях, происходит диффузия исходных культурных идентичностей [19], генерируются новые – межкультурные – виды самокатегоризации, а их носители обладают более толерантным мышлением, способностью фокусироваться на общем, сближающем, а не на различиях, при этом уважая последние. Такие индивиды становятся “идеальными медиаторами межкультурных конфликтов и разобщённости в сообществах, нациях и в мире в целом” [20, р. 639].

В-четвёртых, учитывая многосоставной характер идентичности, возможность позитивной развёртки межкультурных идентичностей, их позитивного совмещения с гражданской идентичностью, межкультурное взаимодействие в условиях демократии должно способствовать преодолению на микроуровне антагонизмов типа “мы–чужие” и поддержанию в неоднородных социумах гражданского согласия. В этом заключается консолидационный потенциал интеркультурализма. Поскольку проблемы социокультурной интеграции во многом проистекают из социально-экономической неустроенности мигрантов и их потомков, ограниченности их прав и политического участия, враждебности окружающей их социальной среды, решение этих вопросов предполагает комплексный подход. Предусматривается содействие гражданской и социально-экономической интеграции представителей этнических меньшинств, формирование их приверженности ценностям, истории и традициям страны проживания при обеспечении условий для сохранения этничности и религиозной принадлежности как компонентов идентичности, не препятствующих культурной идентификации с принимающим сообществом. Реализация данного курса должна разрушить предрассудки и стереотипы в отношении “других”, устранить социокультурные барьеры и сегрегацию, возродить и наладить доверие и взаимопонимание между людьми, сплотить их и обеспечить политическую стабильность [21, р. 103].

Однако взгляды архитекторов и сторонников этой концепции пока не отличаются последовательностью, они ещё не оформились в чёткую теорию, скорее, представляют собой совокупность принципов и особый стиль мышления. Основные используемые понятия, в том числе и термин “интеркультурализм”, не устоялись и неоднозначно позиционируются в координатах интеграционных моделей. Симптоматично, что в русскоязычной литературе даже нет общепринятого определения этого подхода, называемого также межкультурализмом.

Одна группа исследователей видит (или первоначально видела) в новом течении не радикальный отход от мультикультурализма, а лишь его

разновидность. Например, формирующаяся модель трактуется не как альтернатива либеральному мультикультурализму, а как “альтернативный неолиберальный мультикультурализм” с присутствующими неолиберализму социальными ограничениями [17, р. 1, 6]. Или же наоборот, зарождающееся направление интерпретируется как новый – хороший, интеркультурный, интеграционный – мультикультурализм в противовес прежнему плохому, дезинтеграционному [22]. Учитывая утвердившееся в широких массах негативное отношение к мультикультурализму, попытки его ребрендинга под названием интеркультурализма могут сослужить плохую службу продвижению последнего.

Другая группа экспертов сводит интеркультурализм преимущественно к политике в области межкультурных отношений, которая “поддерживает взаимодействие, понимание и уважение разных культур и национально-этнических групп” [23, р. 11] и, соответственно, рассматривает его “не как новую парадигму управления разнообразием или интеграции мигрантов, а только как часть целостной интеграционной политики” [3, р. 8], то есть как всего лишь один из элементов такой политики.

Кроме того, некоторые учёные считают, что между двумя моделями больше сходства, чем различий, и что они комплементарны [24, р. 192]. Интеркультурализм также позиционируется и как компромиссный вариант между мультикультурализмом и ассимиляцией, который призван преодолеть недостатки обоих подходов [25, р. 2].

Наконец, существует и четвёртая позиция, соответствующая вступлению общества в новый исторический период, – “межкультурный век” [26, р. 7], который сулит превратить страны из территорий в “социально и культурно мотивированные кооперации” [27, с. 87]. Согласно этому, как представляется, наиболее адекватному подходу, “интеркультурализм – не просто новая риторика или модная политика, а действительно новая парадигма” [26, р. 7] развития современных социумов и их интеграционной политики, третий путь [21], реальная альтернатива мультикультурализму и ассимиляции [17].

В то же время данный концепт имеет ограничения, которые признают и некоторые его сторонники. Во-первых, в понятие “разнообразие” привносится “имплицитное классовое измерение”, поскольку применительно к высококвалифицированным мигрантам, в которых нуждается экономика знаний, оно трактуется как ресурс, тогда как по отношению к малообразованным представителям этнических меньшинств – как проблема и угроза [17, р. 8]. Подобная двойственность может вылиться в противоположность мер в отношении разных категорий инокультурного населения. Например, реконструкция (джентрификация) старых

городских районов в целях привлечения креативных профессионалов может обернуться вытеснением оттуда низов. Кроме того, интеркультурализм следует в русле общественного мейнстрима от *welfare state* (государство благосостояния для всех) к *workfare state* (государство благосостояния для работающих). Упоывая на производительное использование ресурса культурных особенностей в сфере занятости во благо развития индивидов и общества в целом, он подразумевает сокращение социального иждивенчества, а не обеспечение равенства возможностей и тем более не достижение большей социальной справедливости в социуме. Поэтому концентрация мигрантов в худших сегментах рынка рабочей силы на фоне снижения уровня социальной защиты и роста неустойчивости трудовых отношений чревато обострением социального неравенства [17, p. 6].

Во-вторых, обещание одновременно решить все городские проблемы, не вкладывая больших средств, выглядит, по меньшей мере, утопией. Интеграция мигрантов, особенно в социально-экономической сфере, неосуществима лишь за счёт роста их гражданского участия – это весьма ресурсоёмкий процесс. В условиях современных финансовых трудностей, которые делают проблематичной реализацию масштабных интеграционных программ, цели сплочения общества нередко меркнут, приоритетным оказывается повышение конкурентоспособности экономики [17, p. 11].

В-третьих, немалый скепсис относительно создания условий, мотивирующих людей к устойчивому взаимодействию, вселяет низкая коммуникабельность, атомизированность жителей крупных городов. Если контакты в общественных местах не обусловлены необходимостью совместного решения общих вопросов (на работе, в школе и т.п.) и не предполагают взаимопонимания, они могут не только не способствовать улучшению межкультурных отношений, но и привести к их ухудшению. Например, неодобрение местных жителей, посещающих городские парки, встречают пикники, устраиваемые на их газонах мусульманскими семьями. Процесс сближения людей сам по себе непрост и может протекать с конфликтами [15, p. 216].

В-четвёртых, нынешняя волна беженцев, приведшая к массовой инфильтрации чужеродных и депривированных слоёв в европейские общества, ввергнувшая жителей принимающих стран в культурный шок и вызывавшая в них резкий рост этнополитической конфликтности, не только застопорит интеграционный процесс в регионе, но и может повернуть его вспять. Иначе говоря, современные условия, диктующие острую потребность в подходе, основанном на принципах интеркультурализма,

одновременно препятствуют внедрению этих принципов.

Несмотря на указанные недостатки, концепт интеркультурализма в целом отвечает общественному запросу на реформирование управления разнообразием. Креативный подход, разумность основных положений и замах на достижение значимых социальных целей придают привлекательность новой интеграционной модели.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Интеркультурализм вырос из “теоретизации озабоченности текущей политики тем, как справиться с негативными последствиями усиливающегося разнообразия”, поэтому он имеет чёткую прагматическую направленность на решение конкретных практических вопросов [26, p. 10]. Поскольку разнообразие является преимущественно городским феноменом, оно и должно быть в первую очередь объектом городского управления. “Именно в городах будут приниматься ключевые решения, определяющие, станет ли Европа в следующие десятилетия удобной для проживания в своём культурном разнообразии или же будет пребывать в состоянии внутренней войны. Более того, ключевым фактором, определяющим, какие города будут процветать в ближайшие годы, а какие придут в упадок, явится то, насколько они позволят разнообразию стать либо их активом, либо обузой” [23, p. 23]. Учитывая, что интеграционные меры, как правило, приносят наибольший эффект на местном уровне, практики интеркультурализма имеют локальный фокус и ближний радиус действия [26, p. 31]. По сути, современный интеркультурализм представляет собой модель управления разнообразием в городских условиях, призванную *развивать снизу* (а не навязывать сверху) *межкультурные коммуникации*.

Правовые основы межкультурной политики закреплены в целом ряде международных документов, в первую очередь ЮНЕСКО и органов Совета Европы³. Положения интеркультурализма уже получили воплощение в некоторых европейских инициативах.

В 2006 г. Европейским фондом улучшения условий жизни и труда (Еврофонд) совместно с Конгрессом местных и региональных властей Совета

³ Наиболее значимы такие документы Комитета министров Совета Европы, как “Белая книга по межкультурному диалогу” (2008), Рекомендация странам-участницам по межкультурной интеграции (2015), Директива о защите и содействии правам человека в культурно разнообразных обществах (2016), а также Рекомендация Конгресса местных и региональных властей Совета Европы “Межкультурные города” (2009).

Европы была создана сеть городов, в которых проводится местная политика интеграции мигрантов (Cities for Local Integration Policies for Migrants – CLIP), включавшая 31 участника. В немалой мере благодаря городам этой сети получили известность практики по созданию публичных совместных пространств для представителей разных культур и стимулирования неформальных межкультурных контактов. Например, центральная библиотека Мальмё (Швеция) организует “живые библиотеки” – еженедельные встречи представителей разных этнокультурных групп, на которых один из них представляет 45-минутный рассказ о своём жизненном опыте. В Арнсберге (Германия) проводятся вечера международной кухни, где за трапезой из блюд, приготовленных в соответствии с разными религиозными традициями, обсуждаются насущные вопросы. В Керклизе (Великобритания) проект “Чай для двоих” предусматривает взаимное приглашение семей разной этнической принадлежности на чаепития. В Дублине (Ирландия) на футбольных фестивалях состязаются смешанные команды представителей разных этнических групп.

Вместе с тем межкультурная политика не сводится лишь к таким мягким практикам, которые нередко выставляются в качестве витрины межкультурной политики, однако имеют второстепенное значение по сравнению с жёсткими мерами структурной интеграции в институты рынка труда, образования, гражданства, политического участия. Как показывает обследование Еврофонда, проведённое в 2009 г., во всех городах сети действовали языковые курсы для приезжих и представителей этнических меньшинств, в двух третях из них проводились межкультурные мероприятия, осуществлялось противодействие расизму и дискриминации. В то же время лишь в половине городов реализовывались меры по формированию межкультурных компетенций, управлению публичными пространствами и был институционализирован межрелигиозный диалог, затрагивавший в том числе вопросы атрибутики и ритуалов ислама. И только в трети городов осуществлялись мероприятия по гуманизации образа “другого” и продвижению инклюзивной городской идентичности, как, например, движение “Мы – амстердамцы”. В конце 2000-х годов насчитывалось всего несколько городов, в законодательных органах которых заметную долю депутатов составляли представители этнических меньшинств: Таллин (30%), Мальмё (25%), Амстердам (20%), Керклиз (17%), Антверпен (16%) [3, p. 50, 51, 97, 98].

Наиболее резонансной является совместная инициатива Европейской Комиссии и Совета Европы “Межкультурные города”. Данный проект первоначально был запущен в 2008 г. как пилотный

в 11 европейских городах⁴. Постепенно число его участников расширялось. Сейчас создана обширная международная сеть таких городов, в которую входят национальные сети Италии, Норвегии, Португалии, Испании и Украины. В начале 2017 г. насчитывалось 117 участников проекта, включая российский Ижевск. Помимо европейской сеть объединяет города Израиля, Марокко, Австралии, Канады, Мексики и Турции. Этот подход изучается в Японии, Корее и США.

Яркими новациями этого проекта являются “межкультурные линзы” видения города, индикаторы открытости и межкультурности, по которым оценивается происходящее в нём, и “Десять шагов (элементов) стратегии межкультурного города”. Эти десять шагов, в частности, предполагают:

- формирование позитивного отношения в обществе к разнообразию;
- пересмотр и перестройку сквозь “межкультурные линзы” основных функций города в ключевых областях (образование, обустройство публичных пространств совместности, городское планирование и решение жилищных вопросов, деятельность городских служб, функционирование бизнеса и рынка труда, развитие культуры и спорта, работа полиции);
- посредничество и разрешение конфликтов;
- обучение языкам титульной нации и этнических меньшинств;
- сотрудничество городских органов власти с местными СМИ;
- развитие связей с другими городами и регионами мира;
- поддержание информированности о реальном состоянии дел в городе;
- развитие межкультурных навыков и компетенций;
- гостеприимство по отношению к новопривышшим;
- межкультурное управление городом.

Однако в этой стратегии не делается особого акцента на межрелигиозный диалог. Между тем мусульманский вопрос – один из наиболее болезненных в европейских обществах. Именно он в первую очередь требует решения, которого не достичь без специальных комплексных мер.

⁴ Берлин-Нойкёльн (Германия), Ижевск (Российская Федерация), Люблин (Польша), Лион (Франция), Мелитополь (Украина), Невшатель (Швейцария), Осло (Норвегия), Патры (Греция), Реджио Эмилия (Италия), Суботица (Сербия), Тилбург (Нидерланды).

Отсутствие же их может поставить под удар всю программу.

В целях реализации проекта разработано практическое руководство для применения городской модели межкультурной интеграции “Межкультурный город: шаг за шагом”. Оно не даёт готовых схем и рецептов, а побуждает инноваторов и обычных граждан к воображению и творчеству, “многие города экспериментируют с новой политикой... являются естественными лабораториями, в которых может тестироваться такой подход” [13, р. 1]. Менее чем за десятилетие существования программы “Межкультурные города” уже накоплен немалый арсенал позитивных практик, чувствительных к разнообразию. Приведём лишь несколько примеров.

В Университете Тилбурга (Голландия) создана школа выходного дня, где предлагаются дополнительные уроки для детей иммигрантов. В ратуше этого города проводятся специальные церемонии для иностранцев, которые сдали экзамены на получение гражданства, организуются автобусные экскурсии для новых жителей города. В некоторых районах вновь прибывших мигрантов встречают специальные гиды гостеприимства той же этнической и языковой принадлежности, они рассказывают приезжим о правилах жизни в городе, общественных услугах и т.п.

В Ижевске (Россия) действует проект “Телевизионный клуб межкультурных семей”, в рамках которого на телевидении смешанные супружеские пары обсуждают вопросы межкультурных отношений.

В Реджо Эмилия (Италия) специально обученные, владеющие несколькими языками посредники разного этнического происхождения занимаются предупреждением и разрешением этнокультурных конфликтов. Городские власти сотрудничают с местным университетом по вопросам мониторинга интеграции и благосостояния иммигрантов, общественного мнения и результатам городской политики.

В Невшателе (Швейцария) действует консультативный комитет по вопросам интеграции иностранцев, в его состав входят представители иммигрантских сообществ. Власти этого кантона оплачивают работу журналистов-фрилансеров, которые берут интервью у иностранцев, проживающих в городе, и готовят материалы для местных СМИ.

В Копенгагене (Дания) действует программа инновационного роста через разнообразие (Innogrowth via Diversity), она призвана популяризировать успешный опыт предприятий со смешанными командами и побуждать руководство компаний использовать позитивный потенциал разнообразия занятых.

Для оценки эффективности межкультурных инициатив ежегодно по выборке (не более 25 городов) рассчитываются индексы межкультурных городов. Эти показатели строятся на основе агрегирования данных анкетного опроса представителей местных органов власти (демографические, экономические и институциональные характеристики территории, например, число иммигрантов, площадь социального жилья, действие и выполнение того или иного закона), а также результатов социологического обследования населения города (настроения, удовлетворённость, доверие, ценности, социальные связи и т.д.) За период 2009–2016 гг. наиболее высокие показатели межкультурности по шкале от 0 до 100 баллов имели Невшатель (92–93), Цюрих (79–85), Копенгаген (78–84) и Осло (80–83). Напротив, менее других преуспели в построении межкультурных обществ Бухарест (23), Лимасол (29) и Страсбург (30). Оставляют желать много лучшего достижения российского Ижевска, получившего в 2009 г. всего 49 баллов [28].

В 2014 г. был проведён экспертный опрос координаторов межкультурных городов о результатах межкультурной политики в области образования, культуры, спорта, политического участия на местном уровне и сплочённости сообществ (сфера бизнеса и рынка труда не оценивалась). Данный опрос выявил позитивные изменения по всем перечисленным направлениям. В частности, в сфере образования отмечается безусловное повышение “культурной сензитивности” преподавателей и директоров школ (так считают 38,9% респондентов), расширение общения между детьми разной культурной принадлежности (33,3%) и их взаимопомощи в обучении (31,5%). Однако по ряду аспектов пока отсутствует явный прогресс, в частности в повышении успеваемости и снижении конфликтности в школах (рис. 1).

Респонденты фиксируют несомненное расширение формальных и неформальных контактов между разными группами в сфере культуры и спорта (38,9%), повышение активности участия мигрантов и представителей меньшинств в культурных (38,9%) и спортивных (33%) мероприятиях, а также расширение контактов между людьми разной культуры (35,2%) (рис. 2). Однако эффекты межкультурных практик в политической жизни местных сообществ гораздо менее значимы, особенно это касается участия мигрантов и представителей меньшинств в принятии затрагивающих их решений. Тем не менее, бесспорно, повысилась “культурная сензитивность” политических руководителей (29,6%), улучшилась способность сообществ находить совместные решения затрагивающих их проблем (25,9%) (рис. 3).

Рис. 1. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в сфере образования, % респондентов [29, р. 46]

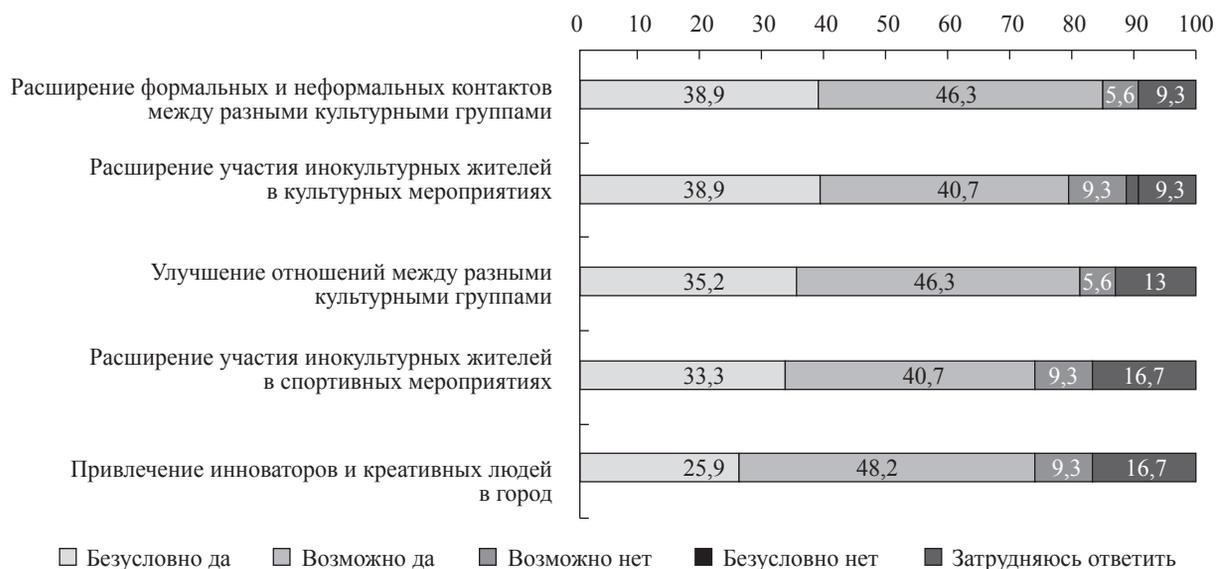

Рис. 2. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в сфере культуры и спорта, % респондентов [29, р. 47]

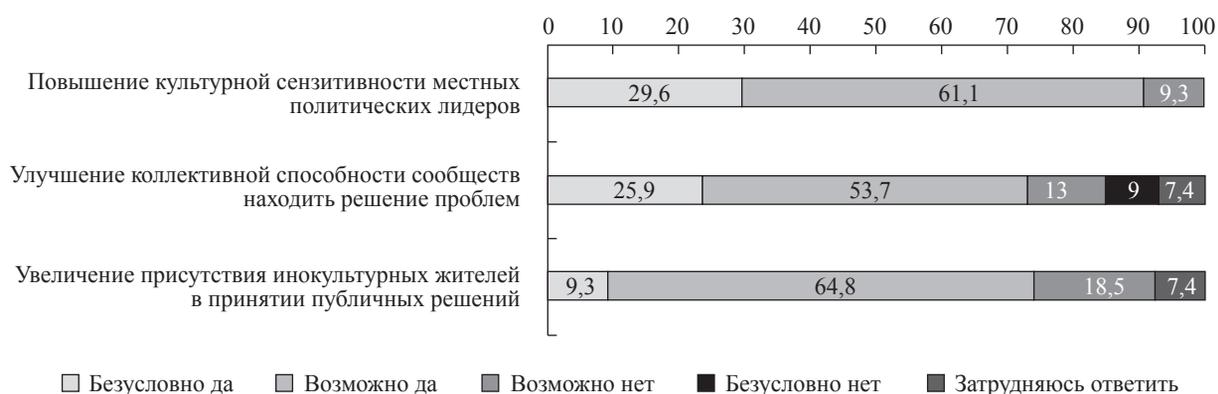

Рис. 3. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в политической жизни местных сообществ, % респондентов, 2014 г. [29, р. 48]

Рис. 4. Наличие позитивных эффектов межкультурных инициатив в сфере социального сплочения, % респондентов [29, р. 48]

При оценке динамики социального сплочения в сообществе обнаружены явный рост доверия между людьми разного культурного происхождения (31,5%), улучшение отношений в местных сообществах (29,6%), а также повышение открытости и толерантности населения города и снижение конфликтности (20,4%). Однако не прослеживается ни существенного повышения безопасности жизни, ни улучшения публичного образа разнообразия (рис. 4).

Приведённые данные свидетельствуют, что результаты реализации межкультурных инициатив пока достаточно скромные и не всегда определённые. Как показывает опыт отдельных городов, временное улучшение межэтнических отношений порой сменяется их ухудшением. Поскольку в подобном эксперименте официально участвует лишь малая доля из общего

массива городов Европы и других регионов мира, межкультурная политика имеет ограниченное, по сути, островное распространение, что делает её уязвимой к внешним воздействиям и потенциально неустойчивой. В то же время число субъектов такой политики в рамках программы увеличивается. Кроме того, подобные практики реализуются и за пределами указанной программы, в частности, в городах – участниках сетей CLIP и Eurocities. В России, помимо Ижевска, имеется опыт налаживания неформальных межкультурных контактов на районном уровне в Москве [30].

Разработана среднесрочная стратегия программы межкультурных городов на 2016–2019 гг., то есть это не краткосрочный проект, а длительный, рассчитанный на перспективу. В данном документе указывается на необходимость использования

межкультурного подхода на региональном, национальном и европейском уровне, а также адаптации к соответствующим условиям наработок, которые были накоплены в рамках городской модели [31, р. 5], что в свою очередь могло бы ретранслировать такую стратегию и практику в политику гораздо большего числа городов.

В качестве канала трансфера межкультурных технологий с местного на более высокий уровень и их последующей ретрансляции могли бы служить консультации органов власти соответствующих уровней и разные дискуссионные платформы, например Европейская сеть межкультурных центров (European Network of Intercultural Centres). В рамках программы планируется создать лабораторию инклюзивной интеграционной политики “Квадратура круга”, в которой будет разрабатываться концепция межкультурной политики национального и регионального масштаба.

Разумеется, частные локальные меры типа семейных чаепитий не воплотить на макроуровне. К тому же конкретные практики, эффективные в одних условиях, необязательно будут работать в другом контексте. Однако некоторые общие приёмы реализации межкультурных инициатив всё же можно использовать в более широких масштабах, в том числе:

- *составление дорожной карты* — формирование плана по улучшению социально-экономического положения этнических меньшинств, созданию условий для личностного развития всех членов социума и использования их талантов и знаний во благо общества;

- *снос стен между этническими группами* — организация позитивного публичного дискурса, борьба с предрассудками, расизмом и дискриминацией;

- *наведение мостов* — усиление разнообразия персонала в организациях и стимулирование межкультурного взаимодействия внутри них; развитие межкультурных компетенций и навыков государственных служащих и более широкого круга заинтересованных лиц;

- *создание совместно используемых пространств* для уважительного обмена мнениями, идеями и опытом (например, в СМИ и Интернете).

* * *

Настоящее и особенно будущее стран глобального Севера во всё большей мере связывается с растущей этнокультурной неоднородностью их населения. Интеркультурализм содержит здравые идеи о том, как преодолеть противоречия, обусловленные разнообразием, и преуспеть в построении более сплочённого, политически стабильного и экономически динамичного общества на основе налаживания снизу позитивного межкультурного

взаимодействия. Эта концепция представляет собой попытку совместить универсальные ценности и культурные особенности и тем самым достичь большей социальной гармонии и солидарности в принимающем социуме.

Принципы интеркультурализма находят воплощение в практиках межкультурных городов и получают всё большее географическое распространение. Достигнут целый ряд позитивных результатов. Однако такие инициативы пока немногочисленны, носят анклавный характер, а результаты зачастую скромны и бывают непрочными. Поэтому сейчас преждевременно говорить об интеркультурном повороте в интеграционной политике, это, скорее, политический эксперимент, но он имеет немалые шансы увенчаться успехом. Политика, основанная на принципах интеркультурализма, должна пройти проверку на национальном уровне.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-07-00008 “Интеграция инкультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling in. Paris: OECD, 2015.
2. Integrating Cities Report – Annexes. Brussels: Eurocities 2013. <http://www.eurocities.eu/eurocities/allcontent/Integrating-Cities-Report-Annexes-WSPO-962E57>
3. Intercultural policies in European cities. Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2010.
4. *Цапенко И.П.* Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 11(60). С. 35–46.
5. Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
6. *Vertovec S.* Super-diversity and its implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. № 30(6). P. 1024–1054.
7. *Putnam R.* E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century // Scandinavian Political Studies. 2007. № 30(2). P. 137–174.
8. *Цапенко И.П., Монусова Г.А.* Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // Полис. Политические исследования. 2017 (в печати).
9. Special Eurobarometer. 2014. № 418.
10. *Demireva N.* Immigration, Diversity and Social Cohesion. Migration Observatory briefing. 2015. 21 July.
11. *Zachary G.* The Diversity Advantage: Multicultural Identity in the New World Economy. Boulder, CO: Westview Press, 2003.

12. International Migration Outlook: SOPEMI 2011. Paris: OECD, 2011.
13. *Guidikova I.* Cultural diversity and cities – the intercultural integration approach // RSCAS Policy Paper. 2014. № 02. <http://cadmus.eui.eu/handle/1814/29358> (дата обращения 07.08.2017)
14. Recommendation CM/Rec(2015)1 of the Committee of Ministers to member States on intercultural integration. [https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx? ObjectId=09000016805c471f](https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805c471f)
15. *Wood P., Landry C.* The Intercultural City: planning for diversity advantage. L.: Routledge, 2007.
16. *Глостанова М.В.* От философии мультикультурализма к философии транскulturации. Учебное пособие. М.: РУДН, 2008.
17. *Bodirsky K.* The Intercultural Alternative to Multiculturalism and its Limits. Paper presented at the Workshop “Uncertainties in the Crisis of Multiculturalism” at the EASA 2012 conference, Paris. http://scholarworks.umass.edu/chess_easa?utm_source=scholarworks.umass.edu%2Fchess_easa%2F8&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages
18. *Федюнин С.* Мир после мультикультурализма: научные прорывы и политические тупики // Вестник Института Кеннана в России. 2013. Вып. 23. С. 66–76.
19. *Энштейн М.Н.* Транскulturа и трансценденция // Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование. СПб.: СПбГУКИ, 2007. С. 90–102.
20. *Benet-Martínez V.* Multiculturalism: Cultural, Social, and Personality Processes // Oxford handbook of personality and social psychology / Ed. by K. Deaux, M. Snyder. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 623–648.
21. *Cantle T.* Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity. London: Palgrave, 2012.
22. *Паин Э.А.* Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 78–80.
23. Межкультурные города. К модели межкультурной интеграции / Под ред. Ф. Вуда. Совет Европы, 2009. <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016802ff5f0>
24. *Meer N., Modood T.* How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // Journal of Intercultural Studies. 2011. V. 33. № 2. P. 175–196.
25. Interculturalism: Europe and Its Muslims In Search of Sound Societal Models / Ed. by M. Emerson. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011.
26. *Zapata Barrero R.* The three strands of intercultural policies: a comprehensive view // GRITIM-UPF Working Paper Series. 2013. № 17. http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/28501/RSCAS_PP_2013_18.pdf (дата обращения 07.08.2017)
27. *Неклесса А.И.* Окна в будущее: культура сложности и самоорганизация // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 85–110.
28. Interactive Intercultural Cities Index Charts. <http://www.coe.int/en/web/interculturalcities/interactive-charts>
29. Final Report Evaluation of the Intercultural Cities Programme. Council of Europe, 2015. <http://www.coe.int/en/web/interculturalcities/results-and-impact>
30. *Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С.* Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социол. исследования. 2017. № 5. С. 110–117.
31. Intercultural Cities Programme Medium-term strategy 2016–2019. <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806a5e96>

ЭТЮДЫ
ОБ УЧЁНЫХ

УЧИТЕЛЬ, ИЛИ СУДЬБА СТРАНЫ В СУДЬБЕ УЧЁНОГО

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Н.Н. МОИСЕЕВА

© 2017 г. Составитель Ф.И. Ерешко

Вычислительный центр им. А.А. Дородницына РАН
Федерального исследовательского центра “Информатика и управление” РАН, Москва, Россия
e-mail: fereshko@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.06.2017

23 августа 2017 г. исполнилось 100 лет со дня рождения академика Никиты Николаевича Моисеева – выдающегося учёного, педагога и гражданина. Его научные труды в области механики, теории управления, вычислительной математики, образовательные и популяризаторские сочинения, философская концепция универсального эволюционизма до сих пор остаются актуальными, его идеи продолжают активно развиваться учёными разных поколений в теоретических изысканиях, в решении прикладных проблем в различных областях.

Н.Н. Моисеев рассматривал один из древнейших эволюционных механизмов – коэволюцию природы и общества – как важнейший инструмент развития, которым необходимо овладеть человеческой цивилизации, чтобы найти путь в будущее в единстве с природой Земли. С именем Моисеева тесно связан эффект “ядерной зимы”, осознание которого лидерами передовых стран остановило безудержную гонку ядерных вооружений. Учёный предложил концепцию и вместе с учениками принимал активное участие в разработке программы исследований взаимодействия глобальных биосферных и антропогенных процессов. Он был основателем и первым деканом факультета управления и прикладной математики (ФУМП) Московского физико-технического института (МФТИ), много сделал для становления и расширения того направления образования и научно-прикладных исследований, которое сегодня принято называть “Системой Физтеха”.

Ключевые слова: Н.Н. Моисеев, Вычислительный центр АН СССР, И.Е. Тамм, Д.А. Венцель, мехмат, Ростовский государственный университет, Московский физико-технический институт, механика, оптимизация, системный анализ, ядерная зима, ноосфера.

DOI: 10.7868/S0869587317100073

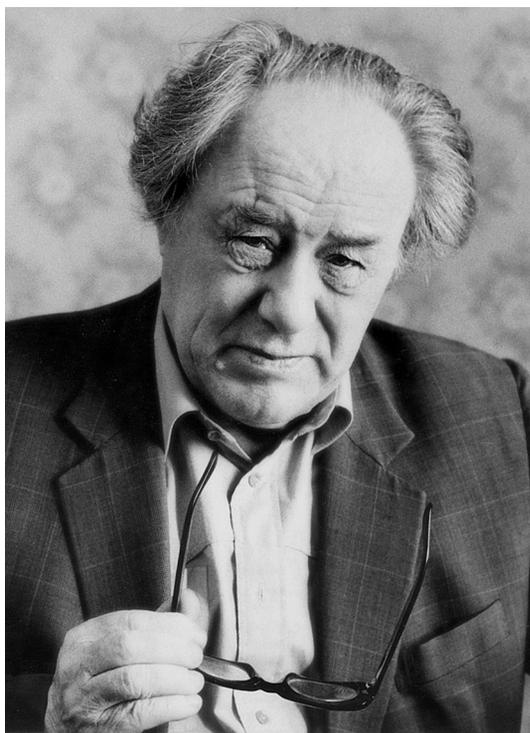
Я постараюсь следовать отечественной традиции и рассматривать мир в его нерасторжимом единстве...

Н.Н. Моисеев

Для меня большая честь писать воспоминания для академических читателей. Когда мне предложили это сделать, я мысленно окинул взглядом те 40 лет, которые я прожил рядом с Н.Н. Моисеевым, и ощутил большой эмоциональный подъём, восхитившись грандиозностью его деяний. Я участвовал во многих работах Никиты Николаевича

в Вычислительном центре АН СССР: повороты орбит спутников двигателями малой тяги, численные методы в задачах оптимального управления, теория иерархических игр, водный и аграрный проекты. Моисеев редко был неулыбчивым и озабоченным, его лицо, походка, жесты всегда отражали непрерывное стремление вперёд, полёт. Как говорил А.А. Петров, буря и натиск. Я ученик Никиты Николаевича, наверное, в большей степени, чем иные. Мне так видится, я скопировал его подход к жизни и науке, насколько позволили моя природа и время.

ЕРЕШКО Феликс Иванович – доктор технических наук, заведующий отделом ВЦ им. А.А. Дородницына ФИЦ ИУ РАН.

Никита Николаевич Моисеев.
23.08.1917–29.02.2000

Школа Н.Н. Моисеева велика, в неё входят не только ближайшие ученики. Все соприкасавшиеся с ним, работавшие вместе с ним, читатели его книг так или иначе зажигались огнём Моисеева и невольно становились его последователями, учениками. Но нет никого, кто мог бы взять на себя ответственность за полное жизнеописание Никиты Николаевича Моисеева. К настоящему времени, по мнению ближайших учеников, воспоминания А.А. Петрова, написанные им к 90-летию со дня рождения Н.Н. Моисеева, настолько адекватно и душевно отразили эпоху и личность учёного, что не использовать его изложение было бы непростительно¹. К тому же Александр Александрович создавал свою книгу, можно сказать, коллективно, он участвовал не во всех проектах, поэтому отдельные разделы писал со слов ближайших соратников Моисеева.

Я выступаю здесь как составитель, как представитель школы Никиты Николаевича Моисеева, следуя фактическим вехам его жизни, держа в руке нить изложения А.А. Петрова. Я выделил из воспоминаний отдельные разделы, которые наиболее ярко демонстрируют жизнь Н.Н. Моисеева. Два раздела мне особенно близки – это водный и аграрный проекты. Первый был незаслуженно

раскритикован, второй жив и активно развивается. Внедрение персональных ЭВМ в аграрную сферу страны продолжается, имея в своей основе мои разработки и разработки моих коллег и друзей.

Учитель. В 1956 г. в Московском физико-техническом институте появился профессор Никита Николаевич Моисеев, а когда открылся аэромеханический факультет, он стал его первым деканом. Осенью 1957 г. Моисеев набирал себе аспирантов, одним из первых был А.А. Петров. Никита Николаевич – наш учитель. Он вообще Учитель по призванию и лидер по натуре. По всему бывшему Советскому Союзу множество людей вспоминают его с благодарностью.

У Никиты Николаевича был живой интерес к ученикам, он делился с ними своими научными пристрастиями. Студенты попадали под обаяние его личности, и не было отбоя от желающих стать его дипломником и аспирантом. В научном общении он был открыт, значителен и всегда очень привлекателен. Как говорили многие, “у Никиты Николаевича замечательное свойство – он заполняет весь объём, в котором находится”. Он был прекрасным научным руководителем, не опекал по мелочам, ценил самостоятельность и прививал вкус к науке. У него всегда была масса идей. Собственных рук, времени, да и желания не хватало, чтобы их реализовывать, и он дарил их ученикам. В технической работе не помогал, но следил за общим ходом и регулярно обсуждал принципиальные вещи. Искренне радовался успехам своих учеников и способствовал их продвижению. Было у Моисеева замечательное качество: он не обижался, если ученик не принимал его идею и начинал разрабатывать собственную или чью-то чужую, не боялся показать, что что-то не знает или не понимает, учился у своих учеников, относился к ним как к коллегам. Он был нам и Учителем, и другом. Среди его учеников четыре академика, два члена-корреспондента РАН, с десяток докторов и с полсотни кандидатов наук.

Биография, семья. Н.Н. Моисеев был ровесником Октябрьской революции и пережил крушение великого государства. Повороты его судьбы рисуют эпоху не менее выразительно, чем научные или художественные повествования.

Родился Никита Николаевич 23 августа 1917 г. в Москве, в мансарде дома № 7 по Афанасьевскому переулку. Дед, Сергей Васильевич Моисеев, происходил из служилого дворянства. Был он инженером-путейцем, дослужился до генеральского чина – начальника Дальневосточного железнодорожного округа. Около 40 лет женился на Ольге Ивановне Шперлинг, дочери профессора математики Университета Святого Владимира в Киеве. Отец, Николай Сергеевич, окончил юридический

¹ Петров А.А. Никита Николаевич Моисеев – судьба страны в судьбе учёного. М.: АНО «Журнал “Экология и жизнь”», 2011.

факультет Московского университета по специальности “статистика и экономика”, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Война прервала его научные занятия, в университет он вернулся только в 1917 г., получив место приват-доцента, однако после революции, в 1918 г., был уволен как социально чуждый. С будущей женой, Еленой Александровной, познакомился в 1915 г. — они служили вместе в санитарном поезде. Она была приёмной дочерью Николая Карловича фон Мекка, сына Надежды Филаретовны фон Мекк, известной по дружбе с П.И. Чайковским. В 1926 г. мать Никиты скончалась от родовой горячки. В 1922 г. семья Моисеевых поселилась на Сходне. Туда вернулся с Дальнего Востока дед Сергей Васильевич. Он был приглашён в Наркомат путей сообщения на высокий пост члена коллегии наркомата и начальника финансово-контрольного комитета. В Наркомат путей сообщения поступил и Николай Сергеевич. Служебные дела деда и отца складывались хорошо, и, по словам Никиты Николаевича, в семье был достаток, которого он не имел, даже став действительным членом АН СССР. Бабушка, Ольга Ивановна, была незаурядным, образованным человеком, строго следила за учёбой внука, развивала его умственно и нравственно, приучала трудиться. Это она обучила Никиту французскому языку, который потом так пригодился в жизни и карьере.

Детство кончилось в конце 1928 г. Был арестован и вскоре расстрелян дедушка Николай Карлович фон Мекк, занимавший немалый пост в ВСНХ. Через год по “делу Промпартии” был арестован профессор П.С. Осадчий, а потом и отец Моисеева. Сообщили, что Николай Сергеевич умер в тюремной больнице в конце 1930 г., а спустя несколько месяцев умер и дед Сергей Васильевич. Семья погрузилась в нужду, 11-летний Никита остался в ней главным мужчиной. Вместе с нуждой пришло и положение изгоя, оно не оставляло сына репрессированного “буржуя” почти 30 лет.

МГУ, И.М. Гельфанд и И.Е. Тамм. Хотя Никита не чувствовал себя сильным в математике, по настоянию учительницы он стал заниматься в математическом кружке при Математическом институте им. В.А. Стеклова. Руководил им доцент мехмата МГУ И.М. Гельфанд. Десятиклассник Никита стал лауреатом математической олимпиады и получил право не сдавать экзамен по математике при поступлении на математическое отделение мехмата МГУ. Но принят он не был, отчаянно переживал несправедливость и от безысходности поступил в Педагогический институт, где в основном занимался... лыжными гонками. Дело шло к тому, чтобы перейти в Институт физкультуры.

Тут в его судьбу вмешался случай, который потом ещё не раз выручал в жизни. Как-то Н.Н. Моисеев зашёл на мехмат и наткнулся на И.М. Гельфанда. Израиль Моисеевич спросил, почему это он не ходит на его семинар, и узнал, что на мехмат Никиту не приняли. Гельфанд повёл Моисеева к декану Л.А. Тумаркину и попросил дать возможность “этому человеку” сдать зачёты и экзамены за весь год: “Он занимался у меня в кружке, если справится, то будет студентом не ниже среднего”. Тумаркин разрешил. Вопреки инструкциям, но благодаря великодушию двух порядочных людей Моисеев стал студентом мехмата. (Спустя годы И.М. Гельфанд и Н.Н. Моисеев были одновременно избраны академиками. Поздравляя Моисеева, Гельфанд напомнил: “Я же знал, что вы будете студентом не ниже среднего!”)

На мехмате Моисеев взахлёб посещал лекции и семинары И.Е. Тамма, они приобщили его к основам современной физики, диалектике детерминизма и случайности. Само знакомство с Таммом произошло при забавных обстоятельствах. Моисеев активно занимался альпинизмом и летом взял в альплагерь учебник Тамма, поскольку в сессию завалил экзамен. В лагере, читая книгу, услышал за спиной: “Мой инструктор меня же читает”. Осенью Моисеев попал к Тамму на переэкзаменовку, с тех пор установились их близкие отношения и в науке.

Одновременно с математическими и физическими семинарами Моисеев посещал семинар в Литературном институте, как он говорил, Б.Л. Пастернака. Никита Николаевич хорошо чувствовал поэзию, сам писал стихи, но признался в этом только в конце жизни в опубликованных воспоминаниях, вставив в них несколько своих стихотворений.

Война. Едва Н.Н. Моисеев окончил университет, началась война. Его отправили доучиваться в Военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского (ВВА) на факультет авиационного вооружения. И здесь повезло: он слушал лекции выдающихся специалистов по баллистике Д.А. Вентцеля и по реактивным снарядам Ю.А. Победоносцева. Выпускную работу написал у Ю.А. Победоносцева. А так как был слушателем “не ниже среднего”, к тому же знал французский и занимался спортом, то был включён в команду, которая летела в США, чтобы обеспечивать поставку техники по ленд-лизу. Но он хотел на фронт и от полёта категорически отказался. В мае 1942 г. лейтенант Моисеев уехал старшим техником по вооружению самолётов в 14-ю воздушную армию на Волховский фронт и уже в июне 1942 г. через болота выбирался из окружения, не зная ещё, что генерал А.А. Власов сдался немцам. Вышел к своим, не найдя линии фронта и не встретив ни одного немца. Осенью воевал под Шлиссельбургом в полку штурмовой

Н.Н. Моисеев – инженер по вооружению авиационной дивизии

авиации. На штурмовике ИЛ-2 жизнь стрелка была короткой, поэтому часто на место стрелков сажали оружейников. Моисеев летал стрелком, дважды был сбит, опять выбирался к своим. Во время бомбёжки мёрзлый ком земли ударил по позвоночнику, и Моисеев оказался в госпитале под Волховом. Потом всю жизнь он страдал радикулитом. А из оставшихся оружейников больше никого не видел – скорее всего, все погибли. Война уже закончилась, когда Моисеева последний раз ранило. Около полевого аэродрома “лесной брат” стрелял в него из автомата. Пуля на излёте попала не в глаз, а в бровь. Провоевав четыре года, Моисеев остался жив, а “американская” команда, проработав четыре года на западном побережье Америки, на обратном пути во время посадки в Хабаровске была арестована и пропала. Вот так продолжал с ним играть случай!

После войны. Академия им. Н.Е. Жуковского. Д.А. Вентцель. Обстановка в армии после войны менялась, летать стали меньше. Н.Н. Моисеев тяготился бездельем, пытался заниматься и обнаружил, что математику изрядно забыл. В руки случайно попала работа К.Ю. Кранца по внешней баллистике ракетных снарядов. Моисеев разобрался в методе расчёта для ракет “земля–земля” и нашёл его излишне трудным, построил простое решение, позволявшее использовать стандартные баллистические таблицы. Десять страничек своего сочинения послал Ю.А. Победоносцеву, и в июле 1946 г. в дивизию пришёл приказ главкома ВВС откомандировать капитана Н.Н. Моисеева в Москву.

Проработав полтора года на кафедре реактивно-вооружения самолётов ВВА им. Н.Е. Жуковского,

Моисеев нашёл свою научную судьбу. Лидером факультета авиационного вооружения “Жуковки” был генерал, профессор Д.А. Вентцель. Он привил Моисееву вкус к прикладным задачам: они не менее важны и сложны, чем чистая теория, потому что возникают на пути к познанию природы и жизни, это один из путей к истине. Под влиянием Вентцеля Моисеев усвоил, что наука едина, а делится только на глубокую науку и спекуляции на науке. Однако главной задачей ВВА им. Н.Е. Жуковского была подготовка инженерных кадров ВВС. В то время авиационные училища стали преобразовывать в высшие и укреплять кадрами из “Жуковки”. Осенью 1947 г. капитан Н.Н. Моисеев получил назначение на должность начальника учебного отдела Харьковского высшего авиационного технического училища. В Харькове он сразу же включился в разработку учебных планов вновь созданного высшего военного заведения, однако часто ездил в Москву, используя командировки, чтобы продолжать общаться с бывшими коллегами по “Жуковке”, стараясь не пропускать семинары Д.А. Вентцеля и начальника кафедры воздушной стрельбы профессора В.С. Пугачёва. На одном из семинаров Пугачёв делал доклад о задачах рассеяния авиационных реактивных снарядов. Закончил он, выписав сложное уравнение и объяснив, что метода решения пока нет. Возвращаясь в Харьков в переполненном общем вагоне, Моисеев размышлял о задаче. В ту ночь у него возникла новая, простая постановка задачи обработки стендовых испытаний двигателя и расчёта рассеяния снарядов. Вернувшись в Харьков, он довольно быстро справился с техническими трудностями, получил решение и усомнился – оно оказалось очень простым (теории случайных процессов Моисеев не знал). Показал решение А.М. Обухову, ученику А.Н. Колмогорова, тот ошибок не нашёл, более того, поделился свежей статьёй американца Дж.Л. Дуба, в которой использовался похожий метод. Работу Н.Н. Моисеев представлял на семинаре Д.А. Вентцеля в присутствии В.С. Пугачёва. Пугачёв её оценил и представил как диссертацию, согласившись стать оппонентом. Диссертация была успешно защищена. Моисеев получил приглашение работать в Москве, в ракетном НИИ-2. Новый 1949 г. он встретил гражданским человеком. Основным местом работы Моисеева стал теоретический отдел в НИИ-2, где он занимался динамикой управляемых ракетных снарядов, а по совместительству исполнял обязанности доцента на кафедре реактивной техники Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана (МВТУ), где также совместителями работали С.П. Королёв, В.Н. Челомей, В.П. Бармин, В.И. Феодосьев. Никите Николаевичу был поручен курс динамики управляемых ракет и снарядов. Подобные курсы ещё никто не читал. Моисеев стал

активным участником создания ракетно-ядерного щита страны. Его работа была интересной и открывала сияющие перспективы.

Катастрофа. Мачеха, Маргарита Васильевна, учительница младших классов сходненской школы с почти 30-летним стажем, была арестована по обвинению в подготовке вооружённого восстания, её осудили по 58-й статье на 10 лет и отправили в лагерь близ Тайшета. Очень скоро Н.Н. Моисеева лишили допуска к секретным работам и, соответственно, уволили по сокращению штатов из НИИ-2, а потом из МВТУ. Он оказался на улице без права и возможности работать по специальности: все материалы и рукопись докторской диссертации остались в секретном сейфе. На работу никуда не брали, знакомые стали сторониться. Вопрос стоял уже не о работе, а о выживании.

Снова выручил случай – встреча с бывшим замдекана мехмата МГУ Г.И. Двухшерстовым, предложение ехать в Ростов читать механику и гидродинамику в университете. Моисеев оказался в Ростове, как выяснилось, вовремя – через некоторое время им стали интересоваться на Сходне районные органы безопасности. Они добрались до Моисеева в конце 1952 г., начали составлять дело, вызывали на допросы знакомых, сослуживцев, но ничего от них не добились. А в марте 1953 г. умер И.В. Сталин. Осенью 1953 г. из лагеря вернулась мачеха.

Ростов. Гидродинамика. В Ростов одновременно с Никитой Николаевичем приехал его близкий друг по университету Иосиф Израилевич Ворович. Оба они исполняли обязанности доцентов на кафедре теоретической механики Ростовского университета, зарплату получали ассистентскую. По жребию распределили, кому читать гидродинамику, кому – теорию упругости. Моисееву досталась гидродинамика. Оба приехали кандидатами наук, обоим пришлось заниматься незнакомым делом. Помогали друг другу, выручали, чаще Ворович Моисеева, Никита Николаевич вспоминал об этом с благодарностью. Потом защитили докторские диссертации, первым Моисеев по гидродинамике, следом – Ворович по упругости, оба стали академиками, первым Моисеев по информатике, потом Ворович по механике. В 1950 г. Моисеев ещё понятия не имел о гидродинамике, а на подготовку курса оставалось не больше трёх месяцев. Кроме того, надо было читать ещё четыре курса, готовить курсовые задания студентам по гидродинамике, вместе с Воровичем вести студенческий семинар по математическим методам механики сплошных сред. Всё это было не в тягость и не пугало – были силы и отвага молодости. Для Никиты Николаевича годы в Ростове стали счастливыми: напряжённая интересная работа, новые друзья, дружная семья и налаженный быт.

Однако надо было определяться с собственной научной деятельностью.

Движение тела с жидкостью. Составляя задания для курсовых проектов студентам, Н.Н. Моисеев обратил внимание на задачи о колебаниях свободной поверхности жидкости в сосудах. К ним можно было приложить спектральную теорию операторов. Моисеев стал разбираться, вскоре получил первый результат и подготовил к печати заметку. Приехав в Москву, он показал её профессору Я.И. Сежерж-Зеньковичу, добрейшему человеку и известному специалисту в теории волн. Тот её одобрил и представил для доклада на семинаре М.В. Келдыша в Математическом институте им. В.А. Стеклова. Выслушав доклад, Келдыш направил заметку в журнал “Доклады Академии наук”. На семинаре по гидромеханике студенты должны были реферировать оригинальные работы. От Моисеева требовалось подбирать темы рефератов, а он сам не разбирался в гидромеханике, поэтому решил начать с изучения работ классиков. Осенью 1950 г. стали реферировать замечательный трактат Н.Е. Жуковского о движении твёрдого тела с полостью, заполненной жидкостью. Знаменитая теорема Жуковского гласит, что такое тело эквивалентно твёрдому телу с изменёнными динамическими характеристиками – массой и моментами инерции. Видимо, талант дан людям для исполнения предназначения. На Моисееве сошлись задача о колебании жидкости в сосуде и задача Жуковского о динамике тела, заполненного жидкостью. А если жидкость не целиком заполняет полость? Движение тела возбуждает колебания свободной поверхности, а колебания жидкости возмущают движение тела. Ведь ракета с жидкостным реактивным двигателем – в первом приближении твёрдое тело, в полостях которого колеблются большие массы жидкости! Моисеев возвращается к задачам динамики ракет на жидком топливе. Но Ростовский университет – не секретный НИИ, поэтому задача была сформулирована в общем операторном виде. Исследование свойств операторов показало, как разделить задачи гидродинамики и динамики, как обобщить классическую теорему Жуковского.

Моисеев поехал в Воронеж к известному специалисту по функциональному анализу С.Г. Крейну и показал свою работу. Крейн ошибок не нашёл, работу одобрил и посоветовал обратиться к академиком С.А. Соболеву. Тот поставил доклад Моисеева у себя на семинаре, а после сказал, что есть прочная основа для докторской диссертации. Никита Николаевич был принят в докторантуру Математического института им. В.А. Стеклова, получил два года отпуска для написания диссертации. Заменить его на кафедре было некому, поэтому каждый месяц он на неделю приезжал в Ростов, чтобы выполнять педагогическую нагрузку. Ему хватило года,

Н.Н. Моисеев — декан факультета управления и прикладной математики МФТИ

чтобы опубликовать результаты и напечатать текст диссертации. В 1955 г. Моисеев защитил её. Итогом исследований движения тел с жидкостью стала монография “Динамика тела с полостями, содержащими жидкость”, написанная вместе с В.В. Румянцевым и опубликованная в 1965 г. А через 15 лет за цикл работ “Динамика тел с полостями, содержащими жидкость” Н.Н. Моисеев получил Государственную премию СССР. Всё-таки удивительная судьба! За неполные восемь лет, с 1947 по 1955 г., полковой инженер-вооруженец стал доктором физико-математических наук, профессором, которого ценили академики И.М. Виноградов, М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев, Л.И. Седов, А.Ю. Ишлинский, А.А. Дородницын — цвет отечественной математики и механики.

Физтех. Вычислительный центр. Итак, в 1956 г. профессор Н.Н. Моисеев снова появился в Москве, на Физтехе. В его жизни начался долгий, плодотворный период. А.А. Дородницын пригласил его работать по совместительству в Вычислительный центр АН СССР (ВЦ АН СССР). Сначала у Никиты Николаевича было три сотрудника, через год четвёртым стал А.А. Петров — его аспирант, он проработал вместе с Никитой Николаевичем 30 лет, принял в наследство его отдел. В 1987 г. Моисеев ушёл в отставку с поста заместителя директора ВЦ АН СССР по науке, но осталось около двух десятков разноплановых отделов, которые были в те годы

созданы по его инициативе, его стараниями. В науке Моисеев жил очень активно, участвовал и выступал в научных семинарах, не пропускал конференции, с множеством людей обсуждал интересующие его задачи. Много лет регулярно действовал его собственный семинар. Тематика менялась в соответствии с новыми интересами руководителя, выступали люди часто из смежных областей. Потребность в научном общении сохранилась у Никиты Николаевича на всю жизнь, он впитывал новую информацию, усваивал новые идеи. В круг его общения входили не только коллеги по работе, но и математики, конструкторы новой техники, системщики, экономисты, социологи, биологи, почвоведы, демографы, географы, управленцы, политики и т.д. Общение возбуждало собственные мысли, подсказывало подходы к новым задачам. А работал он почти всегда в одиночку — у него был сильный научный, творческий иммунитет, и ему нравилось быть на виду. Чем дальше, тем ярче проявлялась ещё одна особенность личности Н.Н. Моисеева. В ней проступали и природный характер, и жизненный опыт, и вкусы, привитые Д.А. Венцелем, и идеи, воспринятые от И.Е. Тамма. Он не мог долго заниматься одними и теми же задачами. Десять лет он работал в гидродинамике и механике (эти работы сделали его учёным), восполнил образование, отточил технику и изобретательность, расширил кругозор, сформировал собственный подход к задачам. Здесь Моисеев достиг не только основополагающих, но и самых сильных, законченных, исчерпывающих результатов. Ещё продолжая заниматься гидродинамикой, в 1960 г. он обратился к теории оптимального управления, а потом к методам оптимизации. Он работал с численными методами оптимизации, но развивали их его ученики. В Советском Союзе Моисеев создал большую школу теории оптимизации. Школу Моисеева отличала прикладная направленность и в подходах к задачам, и в методах их решения. Продолжая заниматься задачами оптимизации, в 1966 г. Моисеев развернул исследования в области экономики, теории исследования операций, иерархических структур, боевых действий, анализа и проектирования сложных систем.

Команда учеников. В 1966 г. Н.Н. Моисеев был избран членом-корреспондентом АН СССР. Он стремился использовать новые возможности, чтобы превратить накопленный научный потенциал в энергию модернизации страны на базе вычислительной техники. Надо было создавать новые модели и методы, алгоритмы и программы — математическое обеспечение новых технологий применения вычислительной техники. Они требуются для выполнения проектов модернизации управления государством и экономикой. Как и прежде, он круто поворачивал свою жизнь, но

теперь за ним стояли ученики. А их было много — талантливых, способных, толковых, готовых решить любые проблемы. За семь лет П.С. Краснощёков с командой создали теорию декомпозиции и агрегирования задач проектирования сложных технических объектов, разработали компьютерную систему автоматизации проектирования облика современного истребителя (её использовали при проектировании СУ-27). В.Р. Хачатуров с командой создали компьютерную систему рационального проектирования развития и обустройства нефтегазовых месторождений. Варианты проектов, распечатанные на БЭСМ-6, лежали прямо на стол коллегии министерства для обсуждения. Пятнадцать лет потребовалось А.А. Петрову с командой, чтобы разработать системный анализ развивающейся экономики, научиться с помощью моделей анализировать последствия макроэкономических решений на государственном уровне. Ещё в мае 1990 г. были предсказаны последствия либерализации экономики по сценарию 1992 г., а в мае 1998 г. — банковский кризис августа 1998 г. Это только некоторые примеры. Поначалу Моисеев терял интерес к задаче, как только удавалось понять принципиальные трудности и придумать метод решения, как только она превращалась в рутинную инженерию. Он всегда “работал со вкусом” — его любимое выражение. В самых неожиданных местах он отыскивал интересные задачи и завязывал связи. Много таких начинаний бесследно уходило в песок, но иные начинали вызревать. Тут Моисеев ограничивался обсуждением общего замысла работы, принципиальной постановки задачи, подхода к решению. Дальше в дело вступали ученики. Он сначала наблюдал, помогал наладить дело и... скрывался за следующим начинанием, но на произвол судьбы учеников не бросал. Так возникли экономическое, военное, игровое направления, водные и аграрные проекты, автоматизация проектирования. Следующий поворот: круг его общения сместился в сторону биологов, почвоведов, географов. Под влиянием Н.В. Тимофеева-Ресовского Н.Н. Моисеев начал интересоваться глобальными проблемами планетарных процессов и воздействия на них человеческой деятельности. Разработал концепцию модели взаимодействия океана и атмосферы, его ученик В.В. Александров провёл с моделью вычислительные эксперименты. На ней были рассчитаны последствия обмена ядерными ударами США и СССР по сценарию К. Сагана, мировая общественность узнала о явлении “ядерной зимы”.

Коллеги на Западе. В 1960 г. состоялся I Всесоюзный съезд по теоретической и прикладной механике, в его работе принимали участие иностранцы. Моисеев активно общался с ними, в этом помогали

Основатель и директор Вычислительного центра АН СССР А.А. Дородницын и заместитель директора Н.Н. Моисеев

и французский язык, и природная раскованность, общительность, обаяние. В итоге состоялись полезные контакты с ведущими французскими учёными-гидродинамиками. После съезда Никита Николаевич вступил с французами в научную переписку, обменивался оттисками.

В СССР он уже был своим в академических, университетских кругах, был известен главным конструкторам ракетной и космической техники, был вхож к партийным аппаратчикам довольно высокого уровня. И за границей мало-помалу становился известным не только в научной среде, но и в обществе интеллектуалов. Моисеев регулярно участвовал в международных конгрессах по астронавтике, выступал с докладами о методах расчёта космических траекторий, о методах расчёта входа космического аппарата в атмосферу, о динамике жидкости в невесомости. За ним стояла мощная школа, его сообщения привлекали внимание. Круг общения расширился, Моисеев подружился с американцами Л. Заде, Р. Беллманом, французом Ж. Лионсом — известными специалистами в оптимальном управлении.

Моисеева часто приглашали за границу, он и сам такие предложения готовил. П.И. Медов, экономист, исповедовавший общие подходы системного анализа и язык DYNAMO Дж. Форрестера, приехал в ВЦ АН СССР в 1980-е годы. Медов познакомил Моисеева с концепциями Римского клуба, приобрёл к форрестеровскому моделированию планетарных процессов на языке DYNAMO, ввёл в круг своих канадских единомышленников, познакомил

На советско-американском симпозиуме в Сан-Ремо. 1968

Слева направо: Г.С. Поспелов, Н.Н. Моисеев, Фани Заде, Р.В. Гамкрелидзе, А. Таккер, А.А. Петров, П. Ньюстед, Б.Н. Пшеничный

с тогда популярным, почти как “Битлз”, Д. Медоузом. Обсуждения с Медовым подготовили Моисеева к участию в Международном симпозиуме Римского клуба и RAND conrotation, где обсуждались проблемы глобальной динамики и пределов роста. На симпозиуме в дискуссии с Медоузом Моисеев в первый раз обозначил свою программу исследования глобальных проблем.

В 1973 г. был учреждён Международный институт прикладного системного анализа (IIASA), расположенный в пригороде Вены. Институт был призван сблизить учёных разных стран с целью решения региональных, глобальных проблем методами системного анализа. В институте было несколько крупных проектов, направленных на повышение эффективности использования ресурсов и на разработку методологии системного анализа такого рода проектов. Главными попечителями IIASA были США и СССР. Первым директором IIASA стал известный американский специалист в исследовании операций Х. Райфа, а его заместителем — известный отечественный специалист в автоматическом регулировании А.М. Лётов. Цель была благая — знакомиться друг с другом и затевать международные проекты с хорошим политическим резонансом. Первым был объявлен “Водный проект” с целью моделирования природных стоков воды и загрязнений (уже тогда чистая вода становилась дефицитом). Гидравлика природных вод была близка к прежней деятельности, поэтому Моисеев сразу же активно включился в проект, став со временем его неформальным лидером. Потом был

методологический проект, направленный на обеспечение проектов IIASA прикладными методами оптимизации. Моисеев участвовал и в нём. Около 10 лет он регулярно проводил в IIASA две-четыре недели в году, обрстал новыми связями. Благодаря им инициировал новые проекты в Болгарии, Монголии, Ираке.

К началу 1980-х годов Н.Н. Моисеев был известен во всём мире как специалист по методологии анализа сложных систем и решений, основанной на математических моделях и применении вычислительной техники. За общими положениями стояли опыт и достижения школы Моисеева в решении сложных прикладных задач. В них была убедительность. Модель “ядерной зимы”, взбудоражившая мировую общественность, увенчала мировую известность Н.Н. Моисеева. В 1984 г. Никита Николаевич был избран действительным членом АН СССР.

“Аграрный проект”. Этот проект “вырос” из “Водного проекта”. В IIASA был проявлен интерес в основном к экологическим проблемам, кислотным дождям в Европе, загрязнению Дуная. Н.Н. Моисеев подошёл к водной проблематике в стране с системной позиции. Когда в проектных организациях начались технико-экономические обоснования переброски части стока северных и сибирских рек, он поддержал инициативу Ф.И. Ерешко по развитию комплексных разработок по использованию водных ресурсов. В ВЦ АН СССР был создан сектор системного анализа водных проблем

под руководством Ф.И. Ерешко, решались задачи рационального использования водных ресурсов в народном хозяйстве, проектирования водохозяйственных систем и управления ими. Водохозяйственная система – это не чисто техническая, а технико-экономическая система, и здесь принципиальны человеческий фактор и природные неопределённости. Для выявления последствий переброски части стока северных рек была создана уникальная для того времени система математических моделей, описывающая взаимосвязь окружающей среды, основных водопользователей и потребителей водных ресурсов в Волжско-Камском бассейне (гидроэнергетики, промышленности, коммунального, сельского, рыбного и лесного хозяйства).

Н.Н. Моисеев активно интересовался ходом работ, участвовал в планировании компьютерных исследований и в анализе сотен сложных имитационных экспериментов с системой моделей. Их результатом стали выводы о гораздо меньшей эффективности и высокой неопределённости в экологических рисках переброски северных рек европейской части страны в Волгу (речь в обоих случаях шла о нескольких процентах объёма переброски от среднегодового стока) по сравнению с высокой эффективностью и достаточной экологической безопасностью переброски части стока сибирских рек. Последнее подтверждалось группами исследователей из академических и проектных институтов водной специализации.

Накопленный в ходе этих работ методологический инструментарий, опыт построения моделей и организации автоматизированных компьютерных экспериментов с меняющейся в широких пределах системой моделей сельскохозяйственного производства позволили в короткие сроки смоделировать развитие водного и сельского хозяйства в нескольких крупных регионах СССР, междуречье Тигра и Евфрата (Ирак) и дельте реки Меконг (Лаос, Камбоджа, Вьетнам).

Сельскохозяйственный проект стал результатом тесных контактов Н.Н. Моисеева с М.С. Горбачёвым, встреч и бесед по широкому кругу проблем системного анализа, о принципах принятия рациональных решений, о той культурной среде, которая должна породить необходимый стандарт мышления управляющего. По инициативе Н.Н. Моисеева и А.А. Никонова, ставшего в 1984 г. президентом ВАСХНИЛ, в секторе Ф.И. Ерешко был реализован “Ставропольский проект”: разрабатывались модели роста растений, динамики поголовья и продуктивности стада, жизненного цикла машинного парка. На их основе строились модели рационального управления сельским хозяйством Ставропольского края: общая модель размещения

ресурсов, теоретико-игровая модель рационального поведения центрального управляющего органа в агрохолдингах, многоуровневая модель регулирования агропроизводства в децентрализованных экономических системах. Опыт оперативного принятия решений руководством края с использованием персонального компьютера привлёк внимание президента АН СССР А.П. Александрова. Ф.И. Ерешко и Н.Н. Моисеев продемонстрировали ему работу на “персоналке” в его кабинете. В докладе А.П. Александрова на заседании Политбюро ЦК КПСС работа ВЦ по сельскому хозяйству была отмечена как одна из двух лучших работ академии, было упомянуто имя руководителя работ Н.Н. Моисеева. Ф.И. Ерешко был назначен директором Института кибернетики ВАСХНИЛ, руководителем Программы электронизации агропромышленных комплексов стран-членов СЭВ. Коллектив института формировался из выпускников Физтеха, Н.Н. Моисеев как научный руководитель был избран академиком ВАСХНИЛ.

Вычислительная техника. До конца 1960-х годов ЭВМ были большими, энергоёмкими и дорогими, поэтому использовались только на стратегических направлениях. К таковым относились фундаментальная физика, механика и военные приложения, так как шла холодная война США с СССР за достижение ракетно-ядерного превосходства. В конце 1960-х годов ЭВМ стали дешевле и доступнее, и тогда американцы сделали принципиальной важности шаг: стали использовать их в экономической практике для обработки больших массивов данных, в первую очередь в финансах. Это дало реальный экономический эффект. В конце 1960-х годов рухнула стена между военными и гражданскими применениями вычислительной техники в США. Идеи и специалисты в США свободно переходили из одной области в другую, возникли новые науки, объектом изучения которых были компьютеры и методы производительной обработки информации – программирование и Computer Science. Производство и бизнес США модернизировались на базе вычислительной техники.

Поначалу и мы не отставали. В 1960-е годы была признана экономико-математическая школа Л.В. Канторовича. Методы оптимального программирования внедрялись в практику народно-хозяйственного планирования. В середине 1970-х годов академик А.Г. Аганбегян писал, что 80% отраслевых планов составляются экономико-математическими методами. В начале 1970-х годов по инициативе академика В.М. Глушкова развернулась широкая программа автоматизации управления технологическими процессами и оперативного планирования деятельности предприятий на базе ЭВМ. По крайней мере, идейно наши разработки не отставали от американских. Беда в том, что нерушимой

осталась стена между военными и гражданскими специалистами в применении ЭВМ.

Что получилось? Отраслевые планы составлялись по нормативам затрат. Будут ли “обеспечены” принятые нормативы — такие вопросы не ставились, экономисты следовали традициям политической экономии социализма. Принятая модель не была адекватна советской экономической действительности.

Концепции систем оперативного планирования и управления предприятиями разрабатывались кибернетиками. Они тоже больше интересовались информационными, материальными потоками и запасами, их согласованием, но считали заданными планы поставок ресурсов и выпуска продукции. Найдёт ли продукция потребителя, придут ли нужные поставки — это считалось заданным от Госплана.

Лучшие специалисты-управленцы занимались военными приложениями. Вот и не сошлись передовые экономисты с лучшими управленцами на решении гигантской по государственной важности задачи — модернизации системы управления страной и экономикой, адекватной отношениям общественной собственности с сильной административной составляющей. Соединение подходов и методов тех и других при государственной поддержке, сопоставимой с поддержкой военных проектов, дало бы нам большой социально-экономический эффект. Не получилось. А вот у американцев получилось, они сумели модернизировать систему управления, адекватную частной собственности с гибкой административной составляющей.

Теперь компьютеры используются практически везде. Суперкомпьютеры решают сложнейшие задачи динамики атмосферы, проектирования самолётов, обработки космической информации. Персональные компьютеры берут на себя рутину обмена информацией и передачи заданий. Создаются корпоративные системы, возникают новая электронная экономика, электронное правительство, цифровая экономика, старыми остаются только проблемы.

Более 15 лет после 1966 г. вся научная и общественная деятельность Никиты Николаевича Моисеева в конечном счёте была посвящена одной проблеме: как использовать вычислительную технику для решения задач, от которых зависит модернизация нашего общественно-экономического строя. Нам, ученикам, он постоянно повторял: “Мы должны быть готовы использовать все возможности ЭВМ нового поколения! Надо искать новые задачи!”.

Только вперёд. Период бури и натиска. Моисеев был учёным-искателем, он искал и открывал новые

области применения компьютеров, за ним шли ученики, разрабатывали, описывали, применяли. Я бы не сказал, что он обгонял время, он жил в своём времени со всеми его достоинствами и недостатками, в нём они отражались, кто без греха? Главное — он служил интересам дела, исканиями добра своей стране, до самых последних своих дней работал.

В жизни Моисееву была уготована роль возмутителя спокойствия. Он много путешествовал, общался с разными людьми, завязывал и поддерживал массу дружеских связей, контактов, многим интересовался, из общения извлекал новое, претворял в собственные идеи, тут же обнародовал их, своим энтузиазмом привлекал и увлекал последователей, умел быть на виду и нуждался, чтобы его слушали. Удавалось это далеко не всегда.

Политологи словом “проект” обозначают смысл и способ существования социума. Долго Н.Н. Моисеев строил проект социализма, гуманистические идеалы которого крепились бы на каркасе научно выработанного компромисса интересов людей. Границы гомеостаза, которые отыскиваются методами системного анализа с применением электронных вычислительных машин, составляют в этом проекте границы самодеятельности людей.

Он понимал главное: надо бережно относиться к традициям и истории, осторожно перестраивать сложившиеся социально-экономические отношения, не сковывать самодеятельность, но ограничивать рамками целостности стратегии развития, опираться на науку и использовать новейшие достижения вычислительной техники. Много сил Моисеев потратил, чтобы привлечь к проекту внимание руководства страны, выступал, писал научно-популярные книги, статьи. “Всё было тщетно, — потом напишет он, — ...по-иному и быть не могло... Наша государственная, политическая и экономическая система была уникальным созданием Природы. Именно Природы! Её никто не создавал по какому-то задуманному плану. Она возникла в результате внутренних причин развития организации, тех изначальных стимулов, которые в неё были заложены ещё в процессе революции”. Понял, что точки приложения новых идей надо искать подальше от сердцевины партийной бюрократии, а больше всего шансов найти их — в военно-технических приложениях. Когда Генеральный конструктор авиационной техники П.О. Сухой предложил А.А. Дородницыну принять участие в разработке системы автоматизации проектирования истребителей, Н.Н. Моисеев ухватился за эту возможность, проект был выполнен. А потом были “Водный проект”, климатический проект “океан—атмосфера” и “ядерная зима”. Двадцатилетие 1966—1986 гг. так и просится назвать его “периодом бури и натиска”.

Последний поворот. Началась горбачёвская перестройка, а за ней угар демократизации. Представляется, что науке демократизация вообще противопоказана. Существует жёсткая иерархия способностей к работе, на ней строится иерархия научных авторитетов. Другое дело, что иерархию способностей строит научное общественное мнение – вот и вся демократия науки. Иерархия авторитетов в науке обуздывает научные и околонучные склоки, ограничивает свободу пороть наукообразную чушь. Конечно, эта идеальная схема работает, если возглавляет её крупный научный авторитет, обладающий к тому же моральным весом.

В ВЦ АН СССР давно сложились традиции научной демократии, поддерживались они авторитетом А.А. Дородницына и Н.Н. Моисеева. Приход горбачёвской демократии взорвал обстановку спокойной свободы, доброжелательности, ответственности в вычислительном центре.

В 1987 г. 70-летний Никита Николаевич тихо-тихо, что называется по-английски, ушёл с поста заместителя директора по науке ВЦ АН СССР, с поста заведующего отделом и стал советником дирекции. Некоторое время он продолжал бывать в Вычислительном центре, по инерции собирал семинары, обсуждал проблемы моделирования планетарных процессов в биосфере, но всё реже, а потом совсем ушёл.

К концу жизни наметился последний поворот: Моисеев пришёл к общим вопросам эволюции Природы и коэволюции Природы и Разума, занимался проблемами синтеза естественно-научного и гуманитарного знания, этическими проблемами в связи с последним великим вопросом “Быть или не быть человечеству?”. Этот последний поворот сам Моисеев комментировал так: “Я понимал, что вступаю в новый период своей жизни, организация которой будет совершенно не похожа ни на что предыдущее... Рассчитывать я мог только на себя”.

Настало время “сбирать камни и уклоняться от объятий”. Вся предыдущая деятельность расширяла кругозор Моисеева и давала ему разносторонний научный опыт. На лекциях и семинарах И.Е. Тамма он усвоил диалектику детерминизма и случайности, занимаясь нелинейным анализом, понял роль бифуркаций в динамике систем, из исследования операций и теории оптимизации уяснил место интересов и значение информированности в целенаправленной деятельности взаимодействующих субъектов, взаимное влияние организации системы и характера её эволюции. Дискуссии Римского клуба обратили его внимание на важность и насущность проблем ограниченных природных ресурсов и неограниченного загрязнения окружающей среды. Общение с Н.В. Тимофеевым-Ресовским

приобщило Никиту Николаевича к идеям В.И. Вернадского, к учению о ноосфере, он открыл для себя русский космизм. Теперь общие концепции и опыт фундаментальных исследований учеников складывались в сознании Моисеева в некоторую систему моделей эволюции природных и общественных систем. Совершалась внутренняя работа по объединению естественно-научного и гуманитарного подходов, описанию единого процесса эволюции и самоорганизации материи.

Последние годы жизни Никита Николаевич напряжённо работал, собирая концепции и модели в единую теорию, которую назвал “*современный рационализм*”.

Общество. Н.Н. Моисеев много размышлял об ответственности интеллигенции. Для себя раз и навсегда он выбрал служение во благо страны при всех условиях. Он не был диссидентом, трезво смотрел на вещи и старался делать всё, что мог, на пользу стране. Поэтому перестройку М.С. Горбачёва поначалу принял с энтузиазмом и активно участвовал в собраниях демократической общности, однако очень быстро понял, что люди, с которыми приходится иметь дело, не относятся к интеллигентам в его понимании.

После развала СССР Н.Н. Моисеев предложил Б.Н. Ельцину организовать Совет по анализу критических ситуаций. Он понимал, что страна катится к разрухе, и предлагал использовать научный анализ ситуации и научные методы выработки рациональных решений. В полном составе совет собрался один раз – первый и последний. “На встречу пришли Бурбулис, Яблоков, Лахова, Станкевич – самодовольные, упоённые суетой переворота. Какие кризисы? Лахова возмутилась, почему в Совете нет женщин, дальше обсуждение проходило на том же уровне. Собрали нас в бывшем кабинете Молотова на Старой площади. Всюду – на лестницах, в коридорах, в кабинете пахло воровством...”. Потом Моисеева ввели в члены Консультативного президентского совета, но очень скоро вывели.

Кончился многолетний роман с властью, но служение стране не кончилось. Никита Николаевич пошёл в публицистику. У него было лёгкое перо и живая, свободная манера изложения. У Моисеева была широкая, заинтересованная аудитория: учителя, преподаватели вузов, инженеры, работники просвещения. Они хотели поговорить с Моисеевым, обсудить вопросы, возникшие при чтении его книг. И это понятно. То, о чём пишет Моисеев, интересно обществу. Ведь эти люди, замотанные бытом, но читающие, думающие об устройстве жизни, и есть наше настоящее *общество*.

Последние годы Никита Николаевич тяжело болел, но не прекращал интенсивно работать, печатал

много статей, давал интервью, выступал по телевидению, умудрялся публиковать книги. В конце концов его снова стали слушать, гуманистическое отношение к общественному устройству было близко людям, над которыми проводили новый социальный эксперимент. В конце жизни сверкнула ещё одна грань таланта Н.Н. Моисеева: он написал книгу “Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993”. Эта книга о его судьбе и работе, которые так тесно переплелись с судьбой страны².

Никита Николаевич Моисеев скончался 29 февраля 2000 г. Похоронен он в Москве на Даниловском кладбище.

Три темы. Три темы связались воедино в последние годы жизни Н.Н. Моисеева: судьба России, ответственность интеллигенции, роль Учителя. Говоря об истории России, о традициях русского народа, Моисеев следовал своему методу универсального эволюционизма, рассматривал крайние проявления фундаментальных свойств цивилизаций, беспредельно эгоистическую энергию индивидуальной предприимчивости и созерцательную подражательность, готовность иметь мало, но гарантированно. Разнообразие стремлений – механизм выживания человечества в разных условиях. Всё это рождает представления о свободе, но представления разнятся. Православие было едва ли не главным оппонентом протестантизму, а Россия – Западу. Самой природой Россия не приспособлена к индивидуализму, в суровых условиях не выжить в одиночку. Русский человек готов удовлетвориться малым и готов для общего дела. Рассматривая Октябрь с разных сторон, Моисеев писал, что он был крайней формой протеста против оголтелого индивидуального обогащения. Русская революция стала экспериментом, из которого вышла социально ориентированная экономика Запада.

Будущее России Никита Николаевич связывал с тем, насколько сильной и ответственной окажется власть. Слабую власть подавляют клики, разграблением национального богатства освобождается стихия личных обогащений. Власть продолжает слабеть, и становится реальным распад страны. Моисеев предупреждал, что этот сценарий опасен для мира, потому что Россия – не из “третьего мира”, а ядерная держава. По другому пути страна может пойти, если к власти придёт сильное правительство. Но в России ему не прийти через путч, потому что этот вариант – кровь и гибельный хаос. Сильное

правительство может прийти, только опираясь на общественные силы.

Н.Н. Моисеев надеялся, что интеллигенция может стать центром консолидации общественных сил, потому и писал об её ответственности. Вопрос он рассматривал исторически. В своё время “Вехи” обвиняли “кружковую” интеллигенцию в подстрекательстве революции 1905–1907 гг. Никита Николаевич усматривал историческую аналогию роли “кружковой интеллигентщины” (термин из “Вех”) в начале века и роли “кухонной интеллигентщины” в СССР конца века. И та, и другая далеки от народа. Не свобода народа её волновала, а свобода самовыражения, удовлетворения амбиций. Ею руководило не желание исправить положение, а неприязнь ко всему – к народу, к стране. Моисеев писал, что диссидентская интеллигенция прикрывала идеологически красивыми словами все мерзости, произошедшие в России после 1992 г.

От “кухонной” Моисеев отделял интеллигенцию, воспринявшую традиции той русской интеллигенции, призванием которой было *служение* стране. Ему была близка русская естественно-научная, инженерная интеллигенция. Советской власти он ставил в большую заслугу, что, подняв на высокий уровень образование в стране и развивая науку, она создала условия, при которых советская интеллигенция могла воспринять традиции передового русского естествознания и инженерного дела. В глухой период застоя не на кухнях, а перед правительством и высшими партийными чиновниками учёные отстаивали своё видение положения в стране, предупреждали о кризисе, предлагали решение насущных вопросов жизни. Моисеев верил в такую интеллигенцию – в миллионы учёных, инженеров, работников культуры, учителей, квалифицированных рабочих, бедствующих по всей России, но не смирившихся с безысходностью. Они были подавлены невыносимыми условиями жизни, растеряны и больше всего, по его словам, нуждались в уважении и благодарности за своё подвижничество, чтобы восстановить чувство собственного достоинства. Тогда могла начаться настоящая работа, могло образоваться ядро того электората, который призвал бы ответственную, сильную власть. Н.Н. Моисеев писал так в самом конце прошлого века. Пока его надежды не оправдываются. Реформы образования и науки как будто специально направлены на то, чтобы похоронить традиции русской интеллигенции, вырастить узкопрагматичных специалистов-ремесленников западного толка.

Кризис России Моисеев связывал с общим кризисом цивилизации, главный стимул которой – безудержная технологическая гонка с целью роста

² В 2002 г. вышло новое издание книги, дополненное воспоминаниями учеников Никиты Николаевича. *Моисеев Н.Н.* Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. (Приложение: Воспоминания о Н.Н. Моисееве). М.: Тайдекс Ко, 2002.

капитала и потребительства. В этой гонке теряются социальные связи, нравственные ориентиры, отношения с природой. Человечество подошло к тому пределу, за которым следует необратимая потеря равновесия биосферы. В разрушенном доме человечество может и не выжить.

Грядёт неизбежный планетарный кризис, но его можно смягчить. Это могут сделать люди, сохраняющие и передающие коллективные знания, нравственность, память будущим поколениям, те, кто одарён способностью чувствовать будущее острее. Им дано осознать то, о чём большинство не догадывается, и передать осознанное большинству, научить его. Эту систему, возникшую во времена палеолитической революции, Моисеев называл системой “Учитель”. На ней построены механизмы

эволюции человечества, она спасала его во времена крутых перемен.

Теперь человечество подошло к пределу, за которым надо круто менять систему нравственности, систему ценностей, образ мыслей и действий. От системы “Учитель” зависит судьба цивилизации, даже сохранение человечества на Земле. Никита Николаевич был уверен, что в надвигающуюся эпоху потрясений “Учитель” (то есть система образования в самом широком смысле) станет сердцем и разумом общества. Публицистика Моисеева – это призыв. Он был патриотом России в самом истинном, высоком смысле, был романтиком и оптимистом. Несмотря ни на что, Никита Николаевич Моисеев верил, что слово, обращённое к людям, найдёт отклик и принесёт плоды.

В МИРЕ
КНИГ

А.И. Жамойда, А.С. Алексеев, А.Ю. Розанов, А.А. Суяркова.
Палеонтологическому обществу России 100 лет. Исторический очерк
Санкт-Петербург: Изд-во ВСЕГЕИ, 2016. 243 с.

© 2017 г. С.В. Рожнов, А.Н. Соловьёв

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия

e-mail: Rozhnov@paleo.ru

Поступила в редакцию 18.01.2017

DOI: 10.7868/S0869587317100085

Развитие палеонтологии в Советском Союзе во многом определялось координирующей и организующей ролью Всесоюзного палеонтологического общества, которое возникло незадолго перед революцией под именем Русского палеонтологического общества, а сейчас называется Палеонтологическим обществом. Это научное объединение сыграло ключевую роль в координации палеонтолого-стратиграфических исследований, без которых немислимо создание геологических карт, а значит, и минерально-сырьевой базы страны.

Торжественное открытие Русского палеонтологического общества состоялось 5 мая (22 апреля по ст. ст.) 1916 г. в Горном институте в Петрограде. Последующая столетняя история общества отражает полную драматизма жизнь нескольких поколений научной интеллигенции в период разрушения Российской империи, создания Советского Союза, во время Великой Отечественной войны, расцвета и разрушения СССР, в постсоветской России. Эта жизнь правдиво, с нюансами представлена в вышедшей к 100-летию общества книге, которая, уверенны, будет интересна не только узкому кругу палеонтологов, геологов и биологов, но и всем, кто интересуется историей России. Важна эта книга и для описания истории Академии наук, так как многие выдающиеся палеонтологи, геологи и биологи были членами общества. Из шести руководителей общества пять – члены Академии наук:

Н.Н. Яковлев (1870–1942), А.Н. Рябинин (1874–1942), А.Н. Криштофович (1885–1953), И.И. Горский (1893–1975), Б.С. Соколов (1914–2013), А.Ю. Розанов.

Очерк отличает особая достоверность, так как он написан на основе обширного архивного материала, тщательно изученного членом-корреспондентом РАН Александром Ивановичем Жамойдой – вице-президентом Палеонтологического общества, который лично был знаком со многими его активистами и руководителями, включая его первого председателя академика Н.Н. Яковлева. Именно А.И. Жамойде принадлежит идея создания книги, он же написал бóльшую её часть. Обладая несомненными литературными способностями, он сделал книгу интересной и легко читаемой. А.И. Жамойда предложил и общий план книги, которая состоит из предисловия, семи глав, заключения и приложений.

Глава 1 “Палеонтология в России до образования Палеонтологического общества. XVIII–XIX века и начало XX века” написана А.С. Алексеевым. Она охватывает длительный период – от описания В.Н. Татишевым первых находок костей мамонта в Сибири до начала XX столетия, когда видные российские палеонтологи пришли к выводу о необходимости создать Русское палеонтологическое общество, которое могло бы отвечать растущим запросам отечественных учёных, заинтересованных не только в публикации своих научных трудов, но и в широком обсуждении их результатов.

Главы 2–6 написаны А.Н. Жамойдой. В них подробнейшим образом рассмотрена история общества по отдельным периодам. Во второй главе

РОЖНОВ Сергей Владимирович – академик РАН, заведующий лабораторией ПИН РАН. СОЛОВЬЁВ Андрей Николаевич – доктор биологических наук, главный научный сотрудник ПИН РАН.

“Образование Русского палеонтологического общества. 1916 год” приведена тщательно выверенная по архивным данным история организации общества. В главе 3 рассказывается о становлении общества в 1917–1933 гг., то есть в крайне сложных и противоречивых условиях Гражданской войны и первых лет советской власти. Глава 4 “Всероссийское – Всесоюзное палеонтологическое общество и начало систематических геологических исследований в стране. 1934–1954 годы” посвящена развитию палеонтологии как фундаментальной науки. К началу XX в. палеонтология становится исключительно важной практической, прикладной наукой, так как на её основе разрабатываются стратиграфия и корреляция геологических слоёв, что является необходимым условием для создания геологических карт и затем системного поиска и разведки полезных ископаемых. Бурное развитие промышленности требовало этого во всё больших масштабах, и к палеонтологическим исследованиям стали привлекаться крупнейшие геологи, на них выделялись значительные средства. Но и отдача была очень заметной. Учёные с широким геологическим и естественно-научным образованием прекрасно понимали, что палеонтология – это прежде всего биологическая наука, и уделяли большое внимание раскрытию именно биологических, эволюционных и экологических закономерностей на основе палеонтологического материала. Такие исследования приносили в том числе и серьёзные практические результаты, в частности, при разработке стратиграфических проблем. В книге это очень хорошо показано.

Война прервала планомерность палеонтологических изысканий и тяжело сказалась на деятельности Палеонтологического общества, так как его центральные органы были территориально связаны с Ленинградом, подвергнувшимся жесточайшей блокаде. Но вскоре после войны началось возрождение общества как координирующего и организующего центра палеонтологических и стратиграфических исследований в Советском Союзе.

Этот период подробно рассмотрен в главе 5 “Золотые десятилетия Всесоюзного палеонтологического общества. Его роль в развитии отечественной палеонтологии, биологии, стратиграфии и смежных геологических наук. 1955–1991 годы”. Он стал принципиально новым этапом в деятельности общества. Его сессия, состоявшаяся во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте 24–28 января 1955 г., через год названная Первой, положила начало уникальной по своей регулярности организации годичных собраний. Всего с 1955 по 2016 г. состоялись 62 сессии. Большинство из них проходили в Ленинграде/Санкт-Петербурге, восемь в других городах – Свердловске (1980), Ташкенте (1982), Львове (1984), Таллине (1986), Баку (1988), Сыктывкаре (1990),

Новосибирске (1992), Москве (2003). Каждая сессия была посвящена определённой теме, но, как правило, их тематика значительно расширялась за счёт участников из периферийных учреждений. К началу сессии выходили сборники тезисов докладов, затем публиковались полные тексты докладов всех сессий (с I по XXXVI) в “Трудах сессий Всесоюзного палеонтологического общества”.

В то время увидели свет и другие публикации общества. Это три монографии А.А. Борисяка (1918), книги А.Н. Рябинина (1930), Г.Я. Крымгольца и Н.Г. Крымгольца (2000). С 1917 по 1991 г. выпущено 34 тома ежегодника Русского (потом Всероссийского и Всесоюзного) палеонтологического общества. Вышли из печати также справочник “Палеонтологи Советского Союза” (1968) и справочники по составу Палеонтологического общества (1984, 1990, 2001, 2012). Именно в тот период общество охватывало максимальное число членов (свыше 1600), именно тогда активно работали его региональные отделения, число которых достигло 39.

В главе 6 “Четверть века Палеонтологического общества России. 1992–2015 годы” описан этап, ставший критическим не только для Палеонтологического общества, но и для всей российской науки. Усилия руководства общества сначала сводились к его сохранению, а затем и к возрождению его разносторонней деятельности. Постепенно стало увеличиваться число участников годичных сессий, восстановилась работа многих региональных отделений, расширилась их география за счёт организации новых отделений, обновился состав центрального совета. Наконец, появилась перспектива развития Палеонтологического общества как организующего и координирующего центра палеонтологических исследований в стране.

Будущему российской палеонтологии посвящена глава 7 “Второе столетие Палеонтологического общества России”, которую написал нынешний президент общества академик А.Ю. Розанов. Изменение организации Государственной геологической службы и системы геологического образования, проведение пресловутой реформы РАН предопределили сложности, с которыми столкнулись общество и вся палеонтологическая наука. Неоправданное сокращение геологосъёмочных работ не могло не сказаться на потребности в палеонтологических данных. Были ликвидированы или редуцированы палеонтологические подразделения во многих районах страны. Потребности в палеонтологических данных в настоящее время связаны главным образом с бурением, прежде всего нефтяным. Поэтому развитие микропалеонтологических и спорово-пыльцевых исследований стало сегодня основным полем практической деятельности палеонтологов. Потребности же в результатах

исследований макропалеонтологических объектов резко снизились, хотя для геологической съёмки складчатых территорий они по-прежнему представляют большой практический интерес.

В книге убедительно показано, что в России, как и во всём мире, будет резко увеличиваться роль палеонтологии как интегративной науки, данные которой востребованы многими научными направлениями биологии, геологии, астрономии, почвоведения, археологии и других наук, когда возникает интерес к историческому аспекту изучения какого-либо процесса. В рамках палеонтологии продолжают развиваться новые направления исследований — бактериальная палеонтология, палеонтология докембрия, астробиология. Особую значимость приобретают исследования в области эволюции биосферы.

Завершается книга разделом “Приложения”, в котором собраны важные документальные материалы: уставы общества разных лет, списки

должностных лиц, почётных членов, тематика годичных сессий и др. Раздел составлен учёным секретарём общества А.А. Суярковой, она же подобрала фотоматериалы к книге.

Столетняя история Палеонтологического общества, представленная в монографии, свидетельствует о богатом опыте отечественных палеонтологических исследований как части мировой палеонтологии, которая прошла путь от собирания “редкостей из слоёв земных” до полноценных раскопок и создания банка данных ископаемых организмов, что позволило достаточно полно описать развитие органического мира с момента его появления на Земле и выявить благодаря этому многие закономерности функционирования биосферы. На этом фоне показана творческая жизнь научной интеллигенции, которая во все периоды столетней истории Палеонтологического общества преданно служила науке и самоотверженно трудилась над созданием минерально-сырьевой базы страны, работала на благо процветания нашей Родины.

В МИРЕ
КНИГ

**Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические
и социокультурные тенденции и проблемы**

Составитель и ответственный редактор Н.И. Лапин.

М.: Весь мир, 2016. 360 с.

© 2017 г. И.Н. Сиземская

Институт философии РАН, Москва, Россия

e-mail: sizemskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 14.03.2017

DOI: 10.7868/S0869587317100097

Проблемы модернизации занимают сегодня центральное место в социально-философском и социологическом знании, поскольку модернизационные трансформации в экономической, политической и культурной жизни современного общества инициируют новые цивилизационные вызовы, затрагивающие всё мировое сообщество. Однако интерпретация исходного понятия, закрепившаяся в социальном знании, имеет ряд недостатков. Во-первых, она в полной мере не отражает стадии и многообразные составляющие модернизации и их важность для развития (или, напротив, стагнации) политических, культурных, национально-этнографических и других сфер социального пространства. Во-вторых, она не формирует отношения к модернизации как к процессу, равнозначному по масштабам и последствиям глубинным цивилизационным изменениям, связанным с расширением возможностей духовно-культурного развития и самореализации человека. Наконец, в-третьих, эта интерпретация не способствует формированию исследовательского интереса к определению социокультурных критериев модернизационных преобразований, исключая из последних, а значит, и из содержания исходного понятия институциональные и ценностно-гуманистические составляющие.

Коллективная монография «Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы», подготовленная Центром изучения социокультурных

изменений Института философии РАН, не только систематизирует результаты исследований модернизации российских регионов, но и раздвигает границы исследования модернизации в обозначенных выше направлениях. Книга ставит вопросы о социокультурной специфике модернизации и предлагает ответы, основанные на концептуальном видении проблемы и анализе значительного социологического материала. Информационную базу монографии составляют российские статистические данные, преобразованные в индексы модернизации с помощью стандартных индексов, которые ежегодно получает Центр исследований модернизации Академии наук Китая на основе международной статистики по 130 странам мира. В «Атласе» учтены результаты более 70 социологических исследований модернизации, проведённых по единой методике почти в трети субъектов Российской Федерации, в нём нашли отражение и материалы Научной сессии общего собрания РАН, посвящённой проблемам освоения Арктики.

В книге модернизация впервые представлена как комплексный цивилизационный процесс. Авторы продолжают обоснованную в предыдущих исследованиях методологическую линию на интерпретацию модернизации как движения от её первичной стадии (индустриализации) к вторичной (информационной), «которая оказывает значительное влияние на первую, насыщая её новыми компонентами» [1, с. 12], и формулируют принципы и стратегию модернизационных преобразований. При этом каждая стадия рассматривается как имеющая помимо прочего и социокультурное измерение. Избранное направление исследования, уровень разработанности используемого

СИЗЕМСКАЯ Ирина Николаевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

инструментария, нацеленность на реализацию социокультурного подхода в постановке актуальных задач по развитию модернизационных процессов в непростых социально-экономических и политических условиях современной России – всё это придаёт рассматриваемому научному труду инновационный характер.

Цель и особенности формата исследования. “Атлас” подготовлен в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал” (координатор программы – академик В.М. Котляков) и обобщает результаты инициативных исследований проблем социокультурной эволюции России и её регионов, в которых принимают участие специалисты из 27 субъектов РФ, а организационное сопровождение осуществляет Научный совет секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. Книга представляет собой новый этап многолетнего коллективного исследования “Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов”, проводимого под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина и получившего широкий общественный резонанс и научное признание. Результаты первого этапа исследования (2005–2008) представлены в коллективной монографии “Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте” [2], которая дала научно обоснованную картину и оценку модернизационных преобразований с учётом особенностей экономического, политического и культурного состояния восьми регионов европейской части России, Урала и Сибири. Результаты второго этапа исследования (2009–2012) изложены в коллективной монографии “Проблемы социокультурной модернизации регионов России” [1]. В этой работе дана характеристика всех субъектов Российской Федерации с точки зрения измеренных по авторской методике уровней и фаз двух стадий современной модернизации (индустриальной и информационной).

Определяя жанр исследования, можно вспомнить об “Атласе социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России” [3], хотя у него иной предмет исследования и выполнен он в ином исследовательском ракурсе. Общим является использование результатов широкого круга изысканий, проводимых российскими философами, социологами, историками, экономистами, специалистами в области экономической географии, системного анализа и ряда смежных специальностей. “Атлас” снабжён цветными картами, графиками, таблицами, которые иллюстрируют и дополняют выводы, не изменяя предметно-аналитического характера данного научного труда. В нём органично сочетаются описательные, проблемно-аналитические и визуальные способы рассмотрения

затрагиваемых тем, благодаря чему он обретает своё неповторимое социально-философское лицо. Справедливо утверждение, сделанное в предисловии, что книга “представляет собой первый опыт пространственной систематизации процессов и состояний, проблем и тенденций *модернизации* российских регионов и России в целом” (с. 6). С той только поправкой, что подобный способ интерпретации социологических данных и стоящих за ними проблем развивает подход, уже использованный авторским коллективом в предыдущей коллективной монографии “Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте”. В ней “портреты”, оправдывая введение в научный аппарат нового понятия, обрели яркие краски и жизненные черты, позволив увидеть за ними культурные, этнографические, гражданские, возрастные, религиозные проявления самоидентификации жителей конкретных регионов, а общий портрет региона предстал как целое, соединяющее в себе в органическом единстве культурную, гражданскую и экономическую ипостаси [2]. Таким образом, “настоящий Атлас подытоживает непростой путь: от замысла социокультурной *карты* страны – через множество социокультурных *портретов* её регионов – к интегрирующему *атласу* модернизации России и её регионов” (с. 9).

Поскольку модернизация в России представлена как эволюционный процесс, включающий индустриальную и информационную стадии в сравнительном описании её четырёх видов – технико-технологического, социоэкономического, социокультурного и институционно-регулятивного, пространство “Атласа” оказывается многослойным. Оно объединяет в единое целое географическое, административное, экономическое, социокультурное, институциональное измерения, создавая специфическое видение модернизации, которое можно назвать видением в формате 3D. Благодаря этому становится возможным “пространственно-объёмно” (визуально) и одновременно сущностно-адекватно (концептуально) описать разнообразные проявления российской модернизации. Выбранный формат исследования даёт дополнительные гарантии решения поставленной задачи: “Представить аргументы, убеждающие в том, что модернизация – не конъюнктурный лозунг, а всемирный цивилизационный процесс, успешное осуществление которого... побуждает осмысливать конкретные факты и проблемы в контексте более широких, общечеловеческих тенденций и проблем” (с. 15). Исследование авторского коллектива подтверждает, что осмысление феномена модернизации наиболее продуктивно при сочетании конструктивно-реалистического и социокультурного подходов, когда используются преимущества обоих, а философско-эпистемологическая методология и методология общей социологии определяют методологические границы исследования.

“Атлас” делится на три раздела (вводный, основной, заключительный) и приложения, материалы которых специалисты могут использовать для самостоятельного анализа интересующих проблем. Приложения включают:

- инструментарий, с помощью которого были получены индексы модернизации;
- сводные таблицы индексов;
- графики динамики индексов модернизации всех регионов и страны в целом.

Реалии российской модернизации. Вводный раздел “Атласа” носит название “Теоретико-методологические проблемы модернизации в современной России” и включает две главы. Первая – “Модернизация в мире и России” (автор – Н.И. Лапин) – посвящена обоснованию необходимости осмысления модернизации как комплексного процесса. Суть модернизации фиксируется через характеристику двух её главных функций: обеспечение безопасности страны и её граждан и повышение уровня благополучия, качества жизни людей. Особое внимание автор уделяет характеристике стадий модернизации (индустриальной и информационной) как факторов, определяющих различные эпохи цивилизации. Детально описаны инструменты измерения социоэкономического и социокультурного компонентов модернизации, её состояние и тенденции развития по отдельным регионам Российской Федерации. В ходе коллективного исследования выявлены позитивные и негативные стороны этого процесса: на этапе непростых для страны 2010–2012 гг. 25 регионов из 83 достигли 100%-ного уровня стандартных показателей первичной модернизации, преодолели уровень высшей, четвёртой, её фазы и вступили в стадию вторичной модернизации. В регионах, достигших информационной стадии модернизации, проживали в это время 40% населения страны, а занятая в экономике часть этого населения создала более 60% ВРП России, экономический эффект их трудовой деятельности, производительность труда были, следовательно, в 1,5 раза выше среднероссийских показателей. Россия вошла в подготовительную фазу вторичной модернизации в 2012 г. Но одновременно около 60% регионов страны оставались в более низких состояниях модернизованности, а достигнутые рубежи соответствовали состоянию модернизации развитых стран полувековой давности. И это, как показывает Н.И. Лапин в главе 10, является серьёзным препятствием на пути экономического, социально-культурного и политического развития российского общества (с. 297).

В главе 2 “Социокультурные вызовы российской модернизации: пространство, человеческий капитал и структура общества” (автор – Л.А. Беляева) проанализированы проблемы миграции, роста

человеческого капитала, совершенствования социальной структуры общества, формирования среднего класса. Особое внимание автор обращает на факторы, обуславливающие ускорение или, напротив, торможение модернизационных процессов в последние 20 лет. Важнейший фактор и показатель – проблема человеческих ресурсов. “Россия, – приходит к выводу Л.А. Беляева, – заняла на всемирном рынке место поставщика материальных ресурсов и образованных представителей среднего класса, одновременно продолжая двигаться в направлении деиндустриализации экономики и снижения уровня человеческого капитала” (с. 59). Существенный вызов модернизации – демографическая ситуация и непосредственно связанное с ней сбережение человеческого капитала (численность населения, его здоровье, ресурсы воспроизводства, образование, соотношение возрастных категорий). В главе подчёркивается проблема качества человеческого капитала в условиях сосуществования двух социокультурных типов и, соответственно, двух вариантов цивилизационного развития. Суть этих типов, как мы знаем из предыдущей книги авторского коллектива “Атласа”, заключается в том, что “первый ориентирован на личностное развитие, свободу и инициативу человека, его естественные права, второй ориентирован на интересы коллектива, общества, государства” [1, с. 63]. Ситуация, считает Л.А. Беляева, рождает главный парадокс современной российской модернизации, которая осуществляется как *догоняющее развитие*, инициированное сверху, а частная инициатива не получает безусловной поддержки государственных институтов.

Второй раздел “Тенденции и проблемы модернизации в федеральных округах и регионах – субъектах Российской Федерации” включает семь глав, охватывающих период с 2000 по 2012 г. и семь федеральных округов – Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Их характеристика опирается на данные российской и международной статистики, а также социологические опросы, проведённые по общей комплексной программе и методике. Основное внимание уделено социоэкономическим и социокультурным составляющим двух стадий модернизации, рассмотрены ближайшие этапы *интегрирующей модернизации*. В каждой главе опорными точками сопоставлений служат перечисленные выше главные компоненты модернизации макрорегиона – технико-технологическая, социоэкономическая, социокультурная, институционно-регулятивная. “Атлас” фиксирует разительные контрасты модернизованности регионов. Высокой по мировым меркам модернизованности достигли шесть регионов: Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Нижегородская, Новосибирская, Томская области. В начальных фазах индустриализации остаются пять территорий – Алтай,

Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Тамбовская область.

Особый интерес представляет глава 3, в которой излагаются результаты анализа состояния модернизации в Центральном федеральном округе, лидирующее положение в котором занимает Московская агломерация. Авторы показывают, что масштабность и всесторонность охвата модернизационными преобразованиями основных сфер жизни округа определяется важнейшим его преимуществом – наличием развитых индустриального, аграрного, научно-образовательного и инфраструктурного секторов хозяйства. Обращается внимание на тот факт, что усиление взаимодействия регионов именно в этих секторах является важнейшей стратегической задачей, а её решение “способно дать значительный синергетический эффект” (с. 137). При этом регулируемое сверху межрегиональное взаимодействие должно основываться на конституционных принципах демократии, федерализма, правового социального государства и местного самоуправления. Своего рода модератором этого процесса могут стать университеты и другие вузы ЦФО, а также научные учреждения Москвы и наукограды Московской области (с. 137, 138). Авторы дают важную рекомендацию, адресованную субъектам модернизационных преобразований. Стратегия успешного регулирования, утверждают они, должна отвечать двум требованиям: во-первых, учитывать региональную дифференциацию; во-вторых, осуществляться в виде поэтапной интеграции преимуществ и успехов модернизации в других регионах.

В заключительной главе 10 “Реалии российской модернизации и её стратегическое планирование” (автор – Н.И. Лапин), всесторонне рассматриваются начавшиеся в 2008 г. торжественные модернизации и появление в 2013 г. симптомов *социогуманитарной рецессии*. К числу симптомов этих процессов относятся: наметившиеся изменения в поддержке государственными структурами базовых ценностей населения (независимость, гражданская свобода, трудовая инициативность); динамика индексов соблюдения прав и свобод человека; регресс обеспечения равенства граждан перед законом; снижение коэффициента самостоятельности граждан по отношению к власти; пореформенное состояние образования и науки (с. 306, 307). Опираясь на результаты всероссийского мониторинга “Ценности и интересы населения России”, Н.И. Лапин показывает, что “на постсоветском этапе сформировалась *цивилизационная альтернатива* ценностных позиций россиян: с одной стороны, гуманизм, основанный на ценностях семьи, дружеского общения и приоритета закона; а с другой – авторитарность, означающая приоритет ценности власти над народом, в сочетании с вседозволенностью. При этом гуманизм является демократической позицией, которой придерживается большинство населения

(77%), в то время как авторитарность – позиция явного меньшинства (23%)” (с. 319). Поэтому перспективы модернизации России на демократических принципах остаются под вопросом, как и возможность выйти на уровень развитых стран в достижении сбалансированности её составляющих. Об этом свидетельствуют данные международных сравнительных исследований [4].

В этой связи представляется уместным вспомнить позицию в оценке культурно-гуманистической составляющей модернизации другим исследователем проблемы. В.Г. Федотова в монографии “Модернизация и культура” пишет: “Общая формула соотношения модернизации и культуры может быть выражена следующим образом: фактор культуры не даёт достаточных оснований для объяснения изменений, но он создаёт условия трансформации... Не всякое общество располагает тем минимумом культурных предпосылок, которые позволяют начать и осуществить модернизацию. Не всякому удаётся их создать” [5, с. 312]. Трудно не согласиться с таким выводом, но в отношении России, как следует из материалов “Атласа”, речь должна идти не столько о создании культурных предпосылок, сколько о рациональном, а главное, целенаправленном использовании накопленного многовековой историей отечественного культурного потенциала. Таков смысл освещения в рассматриваемом коллективном труде истории российской модернизации, начиная с Петра I. Историческая часть выглядит оправданной и с точки зрения выбранного исследовательского формата. Кроме того, история российской модернизации в последнее время всё настойчивее входит в общие исследования модернизации, заявляя о себе специальными работами [6–8].

В ходе исследования авторами были выявлены три важных обстоятельства, характеризующие состояние российской модернизации. Во-первых, с 2000 г. в России, как и в большинстве стран мира, модернизация осуществляется как эволюционный процесс, имеющий две стадии – индустриальную и информационную, что страхует страну от резких социальных потрясений и гарантирует её суверенитет в мировом сообществе. Во-вторых, модернизационные преобразования сопровождаются углублением социально-экономической дифференциации населения, что поддерживает риски, связанные с нарушением социально-политической стабильности в стране. В-третьих, несбалансированность компонентов модернизационных преобразований (нарушение их целостности) таит угрозу превращения модернизации в *частичную квазимодернизацию*.

Стратегия интегрирующей модернизации. Авторы “Атласа” приходят к выводу, что ряд особенностей модернизационных процессов в России, наблюдающийся в последнее время, формируют негативную характеристику отечественной модернизации

и служат препятствием на пути дальнейших преобразований. К таким особенностям относятся:

- спонтанность,
- расхождения между экономической, социальной и когнитивной составляющими,
- фрагментарность результатов,
- зависимость целеполагания и выбора средств модернизации от случайных факторов.

Вместе с тем авторы исследования фиксируют и положительную тенденцию: число регионов, начавших переход к информационной стадии, с 2000 по 2012 г. выросло с 17 до 40, к трём регионам самого высокого состояния модернизированной добавилось ещё четыре, а число высокомодернизированных регионов удвоилось, составив 14 (с. 312, 313). Как свидетельствуют результаты анализа, проблема не столько в количественных показателях модернизационных преобразований, сколько в их *низкой социокультурной эффективности*, отражающейся в низких показателях уровня и качества жизни населения. Другими словами, статистически фиксируемый рост социоэкономической модернизации *дисфункционален в её человеческом измерении*, что выражается прежде всего в формах углубляющегося социально-экономического неравенства, неравенства в возможностях приобщения людей к материальным и духовным общественным ценностям [9]. Кроме того, российское общество не востребует культурный потенциал населения в качестве основания, дающего каждому человеку и обществу в целом ожидаемые практические результаты. Согласно статистическим данным, около 60% занятых выполняют работу, которая не предполагает высокой квалификации, почти четверть опрошенных уверены, что их работа не требует профессионального образования, 44% занятых работают не по специальности, почти каждый пятый выпускник вуза никогда не работал по приобретённой специальности (с. 304). Такая невостребованность становится одной из главных причин разбалансированности человеческих измерений модернизации и в конечном счёте причиной её стагнации. По мнению авторов “Атласа”, решить проблему эффективности модернизационных процессов можно путём выработки стратегии *интегрирующей модернизации*, включающей “принципы и формы стратегического планирования как комплексной нормы государственного регулирования процессов эволюции России в XXI столетии” (с. 309).

* * *

В заключение подчеркну: “Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы” будет интересен специалистам разного профиля, представителям

органов управления, бизнеса, преподавателям, аспирантам и студентам университетов и других учебных заведений, знакомство с ним будет полезно всем, кто обеспокоен сегодняшними проблемами нашего общества. Не сомневаюсь, что эта книга займёт достойное место среди достижений отечественной социальной философии, социологии, социокультурной компаративистики. Хочется пожелать авторам продолжать исследование по столь актуальной и научно значимой теме. По сути, они уже наметили в её разработке два направления, важных и с точки зрения получения фундаментального знания о развитии российского общества, и с точки зрения практики регулирования этого развития. Первое связано со способами государственного регулирования поэтапной стратегии интегрированной модернизации, второе касается реалити модернизационных процессов в муниципальных образованиях — первичных административно-территориальных структурах, зависящих от органов местного самоуправления и не входящих в систему органов государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Составление и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013.
2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составление и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009.
3. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Т. I–IV. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006–2010.
4. Россия в Европе. По материалам международного проекта “Европейское социальное исследование” / Под общ. ред. А.В. Андреевкова, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009.
5. Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016.
6. История модернизации как предмет социально-философского анализа / Отв. ред. В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. М.: ИФРАН, 2014.
7. Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2013.
8. Сиземская И.Н. Модернизационные проекты и практики в историческом опыте России // Философская мысль. 2016. № 5. С. 69–88.
9. Беляева Л.А. Уровень жизни в России: траектории процессов структуризации постсоветского общества // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 38–52.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

ПРЕЗИДИУМ РАН РЕШИЛ

(апрель–май–июнь 2017 г.)

Считать утратившим силу распоряжение президиума РАН от 15 декабря 2014 г. “Об утверждении Порядка формирования программ фундаментальных исследований РАН по приоритетным направлениям, определяемым РАН”. Утвердить **Порядок формирования и выполнения программ фундаментальных исследований РАН по приоритетным направлениям, определяемым президиумом РАН**. Контроль за выполнением постановления возложить на члена президиума РАН, председателя Комиссии президиума РАН по формированию Перечня программ фундаментальных исследований президиума РАН академика РАН Г.А. Месяца.

1. Общие положения

1.1. Настоящий Порядок устанавливает правила формирования и выполнения программ фундаментальных исследований РАН по приоритетным направлениям, определяемым президиумом РАН, проводимых научными учреждениями, подведомственными ФАНО России и находящимися под научно-методическим руководством РАН, с целью концентрации их материальных и интеллектуальных ресурсов на научном обеспечении приоритетных направлений научно-технологического развития Российской Федерации.

1.2. Настоящий Порядок разработан в соответствии с уставом ФГБУ “Российская академия наук”, утверждённым постановлением Правительства РФ от 27 июня 2014 г. № 589, Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ “О стратегическом планировании в Российской Федерации”, Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённой указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.

1.3. Приоритетные направления, определяемые президиумом РАН, должны с учётом приоритетных направлений научно-технологического развития Российской Федерации обеспечивать:

комплексность и междисциплинарность исследований;

направленность на получение новых фундаментальных знаний, необходимых для долгосрочного развития Российской Федерации;

научное обоснование ответов на существующие и возникающие большие вызовы.

1.4. Программы включают в себя: программы фундаментальных исследований президиума РАН; комплексные программы фундаментальных исследований региональных отделений РАН.

1.5. Исполнителями проектов (заданий) по программам могут являться только научные учреждения РАН (распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 2591-р).

2. Порядок формирования программ

2.1. Формирование программ осуществляется на основе Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2012 г. № 2237-р, с учётом требований п. 1.3 настоящего Порядка в пределах бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующий период, предусмотренных ФАНО России на выполнение фундаментальных научных исследований.

2.2. Для формирования новых программ должен максимально использоваться задел, имеющийся по программам предыдущих периодов.

2.3. Формирование программ проводится на основе конкурсного отбора предложений (заявок) от членов РАН, отделений РАН, региональных отделений РАН. Заявка должна содержать следующие данные:

наименование проекта Программы и её подпрограмм (при их наличии);

учёная степень, звание, занимаемая должность, фамилия, имя, отчество предлагаемого координатора (научного руководителя) Программы, реквизиты связи (телефон, адрес электронной почты), а также координаторов подпрограмм (при их наличии); координатором Программы может быть

только член РАН с основным местом работы в РАН или ФАНО России; по Программе может быть, как правило, только один координатор; один и тот же учёный может быть координатором только одной Программы;

краткий обзор состояния проблемы планируемых исследований с учётом анализа мировых тенденций развития фундаментальной науки и имеющегося задела с указанием ранее полученных по теме результатов (с оценкой степени оригинальности), разрабатываемых методов (с оценкой степени новизны); объём – до 4 страниц;

основные цели, задачи, направления исследований и ожидаемые результаты по Программе;

номера и наименования направлений фундаментальных исследований Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг., к которым относятся направления исследований по Программе;

перечень предполагаемых научных учреждений РАН – исполнителей проектов (заданий) по Программе и подпрограммам (при их наличии);

ориентировочный состав научного совета по Программе;

список основных (не более 10) публикаций за последние 5 лет;

планируемое финансирование (тыс. руб.) на весь период реализации Программы с распределением по годам и по подпрограммам (при их наличии).

Срок действия программ составляет 3 года.

2.4. Конкурсный отбор программ для включения в Перечень программ президиума РАН производится Комиссией президиума РАН по формированию Перечня программ фундаментальных исследований президиума РАН, утверждаемой президиумом РАН.

Комплексные программы региональных отделений РАН формируются на конкурсной основе президиумами региональных отделений РАН. Каждое региональное отделение РАН формирует одну комплексную программу.

Предложения по формированию новых программ представляются в комиссию до 15 мая текущего года.

2.5. Для оперативного решения вопросов, связанных с формированием Перечня программ, организуется бюро комиссии, состоящее из членов комиссии.

2.6. Члены комиссии не могут быть координаторами программ.

2.7. Перечень программ президиума РАН, координаторы и объёмы финансирования на плановый период, а также координаторы и объёмы финансирования комплексных программ региональных отделений РАН утверждаются президиумом РАН по представлению председателя комиссии.

2.8. Для конкурсного отбора проектов и координации работ по программам координаторами программ формируются научные советы из числа ведущих учёных и специалистов в соответствующих областях знаний. Председателем научного совета является координатор Программы.

Составы научных советов утверждаются: по программам президиума РАН – комиссией; по комплексным программам региональных отделений РАН – президиумом регионального отделения РАН.

2.9. Научные советы, исходя из целей Программы, на конкурсной основе определяют перечень проектов, их научных руководителей и объёмы финансирования по проектам по данной Программе на плановый год с указанием трудозатрат в человеко-часах (по согласованию с Финансово-экономическим управлением РАН), а также предполагаемый перечень исполнителей. (Трудозатраты определяются с учётом законодательно установленной нормы рабочего времени на год. Расчёт трудозатрат в человеко-часах производится по месяцам календарного плана исходя из нормальной продолжительности рабочего времени, определяемой в соответствии с Трудовым кодексом РФ. Для удобства расчёта может использоваться средняя норма рабочего времени в месяц, определяемая по производственным календарям.)

Один и тот же учёный может быть руководителем только одного проекта в рамках одной Программы. Учёный, выполняющий функции руководителя проекта по аналогичной тематике, поддержанного государственным фондом (РФФИ, РФФИ, ФПИ) и не завершённого по состоянию на момент истечения срока подачи заявки в Программу, не может являться руководителем проекта.

Решения научных советов оформляются протоколами и утверждаются координаторами программ.

2.10. После утверждения перечня программ президиумом РАН программы, оформленные в соответствии с требованиями п. 3.1, 3.2 настоящего Порядка, в течение 45 дней представляются на утверждение президенту РАН в двух экземплярах (на бумажном носителе, прошитые).

Утверждённые программы и их электронные копии передаются в Финансово-экономическое управление РАН (Отдел формирования и финансирования программ и проектов).

2.11. Проекты фундаментальных исследований, включённые в утверждённые программы, подлежат в соответствии с постановлением Правительства РФ от 31 марта 2009 г. № 279 “Об органе научно-технической информации федерального органа исполнительной власти в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности” обязательной государственной регистрации и учёту в Федеральном государственном автономном научном учреждении “Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти”.

2.12. Решение о продолжении или прекращении работ по программам принимается президиумом РАН по представлению председателя комиссии на основании рассмотрения результатов работ, выполненных в истекшем году (периоде), а также по представлению региональных отделений РАН.

2.13. Финансово-организационное сопровождение работ по формированию и выполнению программ возлагается на Финансово-экономическое управление РАН (Отдел формирования и финансирования программ и проектов).

3. Состав и структура программ

3.1. Программы, вошедшие в утверждённый президиумом РАН перечень, должны содержать следующие материалы:

титульный лист Программы;

пояснительную записку к Программе с описанием научной и практической значимости проводимых исследований, имеющегося задела, с основными целями и задачами Программы и механизмом её реализации;

утверждённый в соответствии с п. 2.8 настоящего Порядка состав научного совета по Программе;

протоколы заседаний научного совета по Программе, на которых рассматривались вопросы формирования структуры Программы, отбора проектов (заданий) по направлениям научных исследований, основных исполнителей проектов (заданий), головные организации по направлениям исследований или по Программе в целом, распределение средств среди организаций-исполнителей Программы;

распределение средств среди организаций-исполнителей Программы с указанием трудозатрат в человеко-часах, а также предполагаемый перечень исполнителей;

структуру Программы.

3.2. Все материалы по Программе должны быть подписаны координатором (председателем научного совета) и учёным секретарём научного совета по Программе.

4. Порядок финансирования программ

4.1. Постановление президиума РАН о принятии программ на очередной плановый период (год) является основанием для внесения изменений в планы научной работы научных учреждений РАН.

На основании изменений, внесённых в утверждённый план научно-исследовательской работы, научному учреждению РАН предоставляется субсидия на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на проведение фундаментальных научных исследований в рамках программ.

4.2. Субсидия научному учреждению РАН предоставляется ФАНО России в установленном порядке.

4.3. С целью более эффективного использования финансовых средств, выделяемых на проведение работ по Программе, объём планируемых на один год средств на её реализацию должен быть не менее 10 млн. руб., а на реализацию проекта Программы – не менее 500 тыс. руб.

4.4. Объём финансирования научного учреждения РАН по Программе не должен превышать, как правило, 50% общего объёма финансирования Программы.

4.5. Финансовый план расходования средств на выполнение фундаментальных исследований по программам, на очередной плановый период по каждой Программе в целом и в том числе по исполнителям (научным учреждениям РАН) представляется на бумажном и электронном носителе (в формате Excel) в Финансово-экономическое управление РАН (Отдел формирования и финансирования программ и проектов).

4.6. Финансово-экономическое управление РАН доводит до координаторов программ информацию о выделенных на каждую Программу средствах посредством её размещения на официальном сайте РАН в информационно-телекоммуникационной сети Интернет – <http://www.ras.ru> (раздел “Фундаментальные научные исследования”, подраздел Программы фундаментальных исследований президиума РАН).

4.7. Порядок предоставления субсидий на финансовое обеспечение работ по программам может быть изменён в случае изменения общего порядка предоставления субсидий научным учреждениям РАН.

5. Порядок выполнения проектов Программы и отчётность

5.1. Руководитель проекта несёт личную ответственность за выполнение задач проекта.

5.2. Научные руководители проектов ежегодно представляют координатору Программы

аннотационные отчёты, финансовые отчёты, информацию о важнейших результатах, полученных по проектам программ в отчётном году.

5.3. Координаторы программ ежегодно представляют в соответствии с уровнем программы в президиум РАН, президиумы региональных отделений РАН на бумажном и электронном носителе: до 1 февраля года, следующего за отчётным, — аннотационные отчёты о ходе выполнения программ за истекший год и информацию о важнейших результатах, полученных по программам в отчётном году; до 25 января года, следующего за отчётным, — финансовые отчёты расходования средств на выполнение фундаментальных исследований по программам.

5.4. По завершении срока выполнения проектов и Программы в целом: научные руководители проектов представляют руководству научного учреждения РАН и координатору Программы итоговый отчёт в соответствии с требованиями ГОСТ 7.32–2001 СИБИД “Отчёт о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления” для рассмотрения и утверждения на научном совете Программы и последующей регистрации в Федеральном государственном автономном научном учреждении “Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти”; координаторы программ представляют в соответствии с уровнем программы в президиум РАН, президиумы региональных отделений РАН на бумажном и электронном носителе итоговые научные отчёты об основных полученных результатах исследований по Программе за отчётный период.

5.5. Комиссия, президиумы региональных отделений РАН, а также президиум РАН регулярно заслушивают доклады координаторов программ.

5.6. Важнейшие результаты работ, выполняемых в рамках программ, публикуются в Отчёте о научных достижениях РАН за соответствующий год, а также на официальном сайте РАН в информационно-телекоммуникационной сети Интернет — <http://www.ras.ru>.

• Считать утратившим силу постановление президиума РАН от 16 сентября 2014 г. № 113 “Об утверждении состава Комиссии президиума РАН по формированию Перечня программ фундаментальных исследований РАН”. Утвердить состав Комиссии президиума РАН по формированию Перечня программ фундаментальных исследований президиума РАН: академик **Г.А. Месяц** — председатель; академик **Л.И. Леонтьев** — заместитель председателя; член-корреспондент РАН **А.А. Макоско** — заместитель председателя; **О.О. Евсеева** (Финансово-экономическое управление РАН) — секретарь; академики **О.А. Богатиков**, **С.Н. Васильев**; член-корреспондент РАН **Ф.Г. Войтоловский**;

академики **Г.С. Голицын**, **Ю.Ю. Дгебуадзе**, **В.В. Дмитриев**, **М.П. Егоров**; члены-корреспонденты РАН **Н.М. Зубарев**, **А.В. Иванчик**; академики **А.Б. Куделин**, **Ю.Н. Кульчин**, **Ю.Ф. Лачуга**, **А.А. Макаров**, **Н.В. Мушников**, **Е.Л. Насонов**; член-корреспондент РАН **Д.О. Орлов**; академики **Б.Н. Порфирьев**, **С.Б. Середенин**; член-корреспондент РАН **В.Ф. Тишкин**; академики **В.А. Тютельян**, **В.М. Фомин**.

• Утвердить **Положение о Комиссии РАН по инновационным проблемам транспорта и логистики**.

Общие положения

Настоящее Положение о Комиссии РАН по инновационным проблемам транспорта и логистики определяет порядок создания и деятельности комиссии.

Комиссия организована постановлением президиума РАН от 14 марта 2017 г. № 54. Комиссия создана с целью содействия ФГБУ “Российская академия наук” в реализации задач и функций, возложенных на неё федеральным законом от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и уставом РАН, утверждённым постановлением Правительства РФ от 27 июня 2014 г. № 589.

Комиссия является научно-консультативным и координационным органом РАН и состоит при президиуме РАН.

Комиссия осуществляет свою деятельность во взаимодействии с региональными отделениями РАН, региональными научными центрами РАН, структурными подразделениями аппарата президиума РАН, научными советами РАН по смежным направлениям науки, а также в информационном сотрудничестве с органами государственной власти, научными организациями и образовательными организациями высшего образования Российской Федерации независимо от их ведомственной принадлежности, общественными объединениями, государственными и частными корпорациями, финансовыми организациями по вопросам, входящим в компетенцию комиссии.

Комиссия обеспечивает координацию и взаимодействие науки, государства и бизнеса при решении проблем транспорта и логистики с учётом деятельности Правительственной комиссии по транспорту и иных координационных и общественных организаций.

В своей деятельности комиссия руководствуется Конституцией РФ, законодательством РФ, уставом РАН, постановлениями общего собрания членов

РАН, постановлениями и распоряжениями президиума РАН и настоящим Положением.

Комиссия сотрудничает с органами государственной власти, Министерством транспорта РФ, с ОАО “Российские железные дороги”, а также с различными транспортными, экспедиторскими и логистическими организациями и компаниями всех видов транспорта в России и за рубежом.

Комиссия имеет бланк со своим наименованием.

Основные задачи и функции комиссии

Деятельность комиссии направлена на решение следующих задач:

анализ современного состояния экономических, правовых и иных проблем функционирования транспорта и логистики в Российской Федерации, в государствах – участниках Евразийского экономического союза и в мире;

исследование влияния функционирования транспорта на состояние экономики и иных сфер социальной жизни;

анализ проблем развития конкуренции на рынках отдельных видов транспорта и в целом в транспортной системе;

определение наиболее перспективных направлений развития фундаментальных и поисковых научных исследований по проблемам инноваций на транспорте и в логистике;

подготовка предложений по созданию высокоскоростных транспортных средств, новых видов транспорта и подвижного состава, энергосберегающих систем транспорта;

способствование обеспечению безопасности и противодействию терроризму;

выработка предложений по развитию информатизации и интеллектуальных систем управления на транспорте Российской Федерации;

выработка предложений по совершенствованию международного законодательства и международно-правового сотрудничества России в сфере развития транспорта и логистики;

способствование развитию и организации работы международных транспортных коридоров, в том числе в области транзитных перевозок;

разработка методов интегрированного логистического менеджмента, стратегического планирования и координации взаимодействия транспортных систем, в том числе на железных дорогах и железнодорожных станциях, в морских и речных портах, в аэропортах и на автомобильном транспорте;

анализ и выработка предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации, правовых основ функционирования видов

транспорта и практики применения соответствующего нормативно-правового регулирования;

участие в экспертизе результатов выполнения фундаментальных и поисковых научных исследований по проблемам инноваций на транспорте и в логистике;

обоснование размеров инвестиций бюджетного и внебюджетного финансирования наиболее перспективных и государственно важных проектов, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по инновационным проблемам транспорта и логистики;

участие в подготовке научных обоснований и проектов развития транспортной и логистической инфраструктуры, в решении экономических и логистических транспортных задач.

Для реализации своих основных задач комиссия выполняет следующие функции:

анализирует состояние исследований в научных организациях, образовательных организациях высшего образования, отделениях РАН по областям и направлениям науки и региональных отделениях РАН по инновационным направлениям науки в области транспорта и логистики;

готовит предложения и рекомендации для президиума РАН по вопросам, относящимся к деятельности комиссии;

участвует в координации деятельности РАН и органов государственной власти Российской Федерации по вопросам, относящимся к компетенции комиссии;

участвует в осуществлении экспертного научного обеспечения деятельности органов государственной власти по вопросам, входящим в компетенцию комиссии;

готовит и представляет к опубликованию в периодических и иных изданиях (в том числе изданиях РАН) научных, научно-практических, научно-методических, учебных и учебно-методических работ по вопросам, входящим в компетенцию комиссии;

участвует в организации и проведении симпозиумов, совещаний, научных сессий, конференций, семинаров и “круглых столов” по инновационным проблемам транспорта и логистики;

участвует в иных научных и научно-организационных мероприятиях, проводимых РАН;

устанавливает необходимые контакты и взаимодействие с другими советами, комитетами и комиссиями РАН;

рассматривает другие вопросы по поручению президиума РАН и отделений РАН.

Состав и структура комиссии

Комиссия формируется в составе председателя, заместителей председателя, учёного секретаря и членов комиссии.

Состав комиссии обновляется по мере необходимости.

Членами комиссии могут быть члены РАН, профессора РАН, сотрудники аппарата президиума РАН, а также по согласованию ведущие учёные и представители научных организаций и образовательных организаций высшего образования, научных центров, научных и научно-технических обществ, институтов развития, органов государственной власти и других организаций, участвующих в научных исследованиях по направлениям деятельности советов, комитетов и комиссий. К деятельности комиссии по согласованию могут привлекаться зарубежные учёные.

В комиссии может быть образовано бюро в составе председателя, его заместителей, учёного секретаря и членов бюро.

В структуре комиссии для решения возложенных на неё задач могут быть организованы секции по отдельным направлениям деятельности, постоянные или временные рабочие группы, комиссии (подкомиссии).

Председатель комиссии назначается президиумом РАН. В его отсутствие руководство комиссией осуществляет один из его заместителей.

Председатель комиссии: утверждает планы работы комиссии, повестки заседаний и состав лиц, приглашаемых на заседания комиссии; организует работу комиссии и председательствует на заседаниях; подписывает протоколы заседаний и другие документы комиссии; обеспечивает коллективное обсуждение вопросов, внесённых на рассмотрение комиссии; формирует отчёт о проделанной работе и наиболее важных результатах, полученных в рамках деятельности комиссии; распределяет обязанности между своими заместителями и членами комиссии.

Заместитель комиссии: курирует одно или несколько направлений деятельности комиссии; участвует в подготовке планов работы комиссии; участвует в подготовке отчёта о проделанной работе и наиболее значимых результатах, полученных в рамках деятельности комиссии.

Учёный секретарь комиссии: организационно обеспечивает работу комиссии, готовит рабочие материалы к заседаниям, оформляет протоколы заседаний комиссии; готовит и согласовывает с председателем проекты решений и другие материалы для обсуждения на заседаниях комиссии; уведомляет членов комиссии о дате, месте и повестке

предстоящего заседания; рассылает членам комиссии проекты решений и материалы; участвует в подготовке отчёта о проделанной работе и наиболее значимых результатах, полученных в рамках деятельности комиссии; обеспечивает хранение документации комиссии.

Члены комиссии: руководствуются настоящим Положением; регулярно посещают заседания комиссии, назначаемые её председателем; своевременно выполняют поручения комиссии; обеспечивают связь комиссии с представляемыми ими организациями; вносят предложения и дают замечания к планам работы комиссии и текущей деятельности комиссии в целях повышения её эффективности; запрашивают информацию о рассмотрении своих предложений; получают информацию о деятельности комиссии; вносят предложения по формированию повестки дня заседаний комиссии; по поручению председателя комиссии возглавляют секции, рабочие группы и подкомиссии; участвуют в подготовке материалов по рассматриваемым вопросам; выступают с докладами на заседаниях комиссии.

Порядок работы комиссии

Комиссия работает в соответствии с ежегодными планами, утверждаемыми её председателем.

Комиссия решает вопросы в пределах задач и полномочий, возложенных на неё настоящим Положением.

Комиссия для решения возложенных на неё задач и для осуществления своих функций вправе:

рассматривать и принимать решения по вопросам её профильной деятельности на своих заседаниях или заседаниях бюро;

создавать секции, постоянные или временные рабочие группы, комиссии (подкомиссии) для решения задач, входящих в компетенцию комиссии;

проводить плановые, внеочередные и заочные мероприятия (координационные совещания, конференции, сессии и симпозиумы) по вопросам деятельности комиссии;

по согласованию с руководителями научных организаций и образовательных организаций высшего образования, а также научных центров, научных и научно-технических обществ, институтов развития и других организаций запрашивать материалы по вопросам, относящимся к деятельности комиссии;

приглашать на свои заседания с правом совещательного голоса представителей заинтересованных организаций, членов РАН, профессоров РАН, ведущих российских учёных, сотрудников аппарата президиума РАН, представителей органов государственной власти;

готовить и при необходимости выносить на обсуждение президиума РАН, бюро отделений РАН вопросы, входящие в компетенцию комиссии.

Заседания комиссии созываются по решению её председателя или бюро комиссии по мере необходимости. Заседания могут проводиться с использованием технических средств аудио- и/или видео-конференц-связи.

В перерывах между заседаниями комиссии оперативную работу может осуществлять её бюро, которое правомочно принимать решения с последующим их утверждением на заседаниях комиссии. Заседания бюро комиссии проводятся по мере необходимости. Решения бюро комиссии принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании членов бюро открытым голосованием и оформляются протоколом заседания за подписью председателя и учёного секретаря комиссии.

Комиссия правомочна принимать решения по рассматриваемым вопросам, если на заседании присутствует не менее половины её списочного состава.

Решения комиссии принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании и оформляются протоколом за подписью председателя и учёного секретаря комиссии.

Решения комиссии носят рекомендательный характер.

Члены комиссии могут квалифицированным большинством голосов принять решение о проведении тайного голосования по любому обсуждаемому ими вопросу.

Комиссия ежегодно представляет в президиум РАН отчёты о проделанной работе и наиболее значимые результаты, полученные в рамках её деятельности.

Комиссия может иметь адрес в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, ссылки на который помещаются на портале РАН.

Заключительные положения

Реорганизация или ликвидация комиссии, внесимые изменения и дополнения в настоящее Положение и в состав комиссии утверждаются постановлениями президиума РАН в установленном порядке.

- Освободить члена-корреспондента РАН **П.О. Завьялова** от исполнения обязанностей учёного секретаря Координационного совета профессоров РАН по личной просьбе. Ввести члена-корреспондента РАН **А.О. Терентьева** в состав совета, возложив на него обязанности учёного секретаря.

Ввести в состав Координационного совета профессоров РАН: доктора биологических наук **Р.Р. Вафина** (Татарский научно-исследовательский институт сельского хозяйства); доктора химических наук **В.В. Негребецкого** (Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Минздрава России).

- Утвердить академика РАН **В.Г. Бондура** главным редактором журнала “Исследование Земли из космоса” РАН на новый срок – пять лет.

Утвердить редакционную коллегию журнала сроком на пять лет: академик РАН **В.Г. Бондур** – главный редактор; член-корреспондент РАН **В.П. Савиных** – заместитель главного редактора; доктор физико-математических наук **Е.А. Шарков** (Институт космических исследований РАН) – заместитель главного редактора; кандидат биологических наук **И.Н. Мордвинцев** (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН) – ответственный секретарь; доктор физико-математических наук **В.В. Асмус** (Научно-исследовательский центр космической гидрометеорологии “Планета”); доктор технических наук **А.А. Бузников** (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет “ЛЭТИ” им. В.И. Ульянова (Ленина)); доктор технических наук **Л.А. Ведешин** (Институт космических исследований РАН); доктор географических наук **А.С. Викторов** (Институт геоэкологии им. Е.М. Сергеева РАН); доктор географических наук **С.В. Викторов** (Научно-исследовательский институт космоаэрогеологических методов – филиал ФГУП “Центральный научно-исследовательский институт машиностроения”); академик РАН **А.Д. Гвишиани**; член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор технических наук **П. Гецов** (Институт космических исследований и технологий Болгарской академии наук); академик Китайской академии наук, иностранный член РАН **Го Хуадун** (Институт дистанционного зондирования и цифровой Земли Китайской академии наук); академик РАН **Г.С. Голицын**; доктор физико-математических наук **М.Б. Гохберг** (Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН); член-корреспондент РАН **С.А. Добролюбов**; доктор физико-математических наук **А.И. Захаров** (Фрязинский филиал Института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН); кандидат технических наук **С.Э. Зайцев** (АО “Военно-промышленная корпорация Научно-производственное объединение машиностроения”); доктор геолого-минералогических наук **А.Т. Зверев** (Московский государственный университет геодезии и картографии); доктор физико-математических наук **В.В. Козодёров** (МГУ им. М.В. Ломоносова); доктор физико-математических наук **О.В. Копелевич** (Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН); член-корреспондент РАН **Г.К. Коротаев**; доктор физико-математических наук **В.Ф. Крапивин** (Институт радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН); доктор

физико-математических наук **В.Н. Кудрявцев** (Российский государственный гидрометеорологический университет); член-корреспондент РАН **Е.А. Мареев**; член-корреспондент РАН **А.А. Романовская**; доктор физико-математических наук **А.С. Селиванов** (АО “Российские космические системы”); член-корреспондент РАН **А.А. Соловёв**; доктор геолого-минералогических наук **В.Г. Трифонов** (Геологический институт РАН); доктор физико-математических наук **А.Б. Успенский** (Научно-исследовательский центр космической гидрометеорологии “Планета”).

- Утвердить академика РАН **В.В. Рожнова** главным редактором журнала “Известия РАН.

Серия биологическая” с 25 апреля 2017 г. сроком на пять лет.

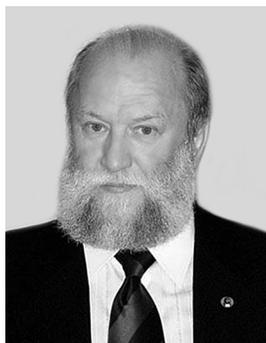
- Утвердить члена-корреспондента РАН **В.И. Данилова-Данильяна** главным редактором журнала “Водные ресурсы” РАН с 16 мая 2017 г. на новый срок – пять лет.

- Утвердить академика РАН **А.А. Каплянско** главным редактором журнала “Физика твёрдого тела” РАН с 23 мая 2017 г. на новый срок – пять лет.

- Утвердить постановление общего собрания Отделения химии и наук о материалах РАН от 21 марта 2017 г. о присуждении учёной степени доктора *honoris causa* иностранному учёному профессору **М.И. Зиниграду** (Израиль).

ЮБИЛЕИ

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН Б.А. ВОРОНОВУ – 70 ЛЕТ

Борис Александрович ВОРОНОВ – известный учёный в области географии, биологии и экологии, автор более 500 научных публикаций, в том числе 23 монографий. Он один из ведущих специалистов в области изучения природной среды и её разнообразия, природных ресурсов Дальневосточного края, улучшения его экологического состояния. Им создано новое научное направление – изучение характера и особенностей антропогенной трансформации природных комплексов; установлены новые качественные и количественные зависимости между разными типами антропогенных воздействий, что повысило точность прогнозов состояния природно-ресурсного потенциала в зонах освоения территории Дальнего Востока.

Учёным ведутся комплексные исследования природной среды в зонах её антропогенных изменений. Под его руководством проводятся исследования в рамках российских и международных проектов по эколого-географической экспертизе районов проектируемого строительства Селемджинской ГЭС, Дальневосточной АЭС, по рациональному землепользованию в бассейне реки Усури. Он участник программы ДВО РАН “Комплексные

исследования природной среды в бассейне реки Амур”. По его инициативе в регионе созданы несколько особо охраняемых природных территорий, в том числе два заповедника, подготовлена “Красная книга Хабаровского края”.

Б.А. Воронов – директор Института водных и экологических проблем ДВО РАН, заведующий кафедрой туризма и экологического менеджмента Хабаровского государственного университета экономики и права, член президиума ДВО РАН, объединённых учёных советов по наукам о Земле и по биологическим наукам ДВО РАН, председатель Хабаровского организационно-методического центра ДВО РАН, член Научного совета РАН “Водные ресурсы суши”, Научных советов ДВО РАН “Науки о Земле” и “Биологические науки”, Совета по фундаментальным географическим проблемам Международной ассоциации академий наук, главный редактор “Амурского зоологического журнала”, член редколлегий журналов “Вестник ДВО РАН”, “Тихоокеанская геология”, “Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН”, “География и природные ресурсы”.

Б.А. Воронов – заслуженный эколог РФ, имеет награды министерств и ведомств РФ, в том числе награждён орденом “Экологический щит России”, медалью МЧС России “За пропаганду спасательного дела”, медалью “За достижения по охране окружающей среды” Министерства природных ресурсов РФ.

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН В.В. ИВАНОВУ – 60 ЛЕТ

Виктор Владимирович ИВАНОВ – известный учёный-физик, специалист в области порошковых нанотехнологий получения новых функциональных керамических и композиционных материалов, автор более 160 научных публикаций и 17 патентов. Им заложены основы и развито новое направление синтеза

объёмных материалов с наноразмерной и субмикронной структурой, характеризующихся значительно улучшенными свойствами; получен большой ряд оксидных керамик с высокими свойствами и типовых изделий на их основе для энергетических и конструктивных применений. Под руководством учёного разработан новый способ получения и конструкции трубчатых твердооксидных

элементов с многослойной структурой. Развиваются различные электрофизические методы создания нанопорошков для современных технологий, в том числе и аддитивных.

В.В. Иванов – декан факультета физической и квантовой электроники Московского физико-технического института, заведующий лабораторией Физико-технического института УрО РАН в г. Ижевске, организатор и заведующий лабораторией прикладной электродинамики Института электрофизики УрО РАН в г. Екатеринбурге, которая проводит исследования в области порошковых нанотехнологий; в группе РОСНАНО работал директором Сертификационного центра ГК “Роснано” и генеральным директором Метрологического центра; активно участвует в совместных исследованиях с отечественными и зарубежными университетами и научными центрами. Среди его учеников 6 кандидатов наук.

ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН А.В. МАСЛОВУ – 60 ЛЕТ

Андрей Викторович МАСЛОВ – известный учёный в области литологии и геохимии осадочных образований, автор и соавтор более 770 научных публикаций, в том числе 20 монографий. Им внесён значительный вклад в изучение осадочной геологии – седиментологии, процессов литогенеза, геодинамики осадочных бассейнов, палеогеографии, палеоклимата.

Под руководством учёного ведутся комплексные исследования, направленные на восстановление истории седиментационных бассейнов и эволюции обстановок осадконакопления в позднем докембрии. Эти работы позволили провести детальный литолого-фациальный анализ терригенно-карбонатных отложений эталонного разреза рифея Северной Евразии; на этой основе проведена реконструкция обстановок формирования крупных осадочных комплексов, выявлены особенности формирования, геодинамики и эволюции осадочных бассейнов.

Андрей Викторович проанализировал геохимические характеристики ниже-и верхнедокембрийских

осадочных комплексов различных регионов мира. В частности, учёный пришёл к выводу, что отложения раннего, среднего и позднего рифея Башкирского мегантиклинория накапливались в неповторявшихся палеогеографических, палеоклиматических и палеотектонических обстановках в седиментационных бассейнах различных типов. Ведутся исследования литогеохимических характеристик осадочных пород молассовых и гляциальных ассоциаций, детальные литогеохимические и гляциальные исследования современных донных осадков Белого и Каспийского морей, исследования дрейфующих льдов Центральной Арктики.

А.В. Маслов – профессор кафедры литологии и геологии полезных ископаемых Уральского государственного горного университета, председатель Уральской секции Научного совета РАН по проблемам литологии и осадочных полезных ископаемых, член Научного совета РАН по проблемам геологии докембрия, председатель Государственной аттестационной комиссии по специальности “геология нефти и газа”, член Экспертного совета ВАК по наукам о Земле Минобрнауки России, член редколлегии журналов “Литология и полезные ископаемые” РАН, “Литосфера” УрО РАН, “Известия вузов. Геология и разведка”.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Е.Н. ПАВЛОВСКОГО 2017 ГОДА – Н.Б. АНАНЬЕВОЙ

Президиум РАН присудил премию им. Е.Н. Павловского 2017 г. доктору биологических наук Наталии Борисовне Ананьевой (Зоологический институт РАН) за серию работ по систематике, филогении и биогеографии пресмыкающихся Евразии.

Удостоенная премии серия работ представляет собой комплекс многолетних научных исследований с общими задачами, подходами и методами, направленными на решение одной из приоритетных проблем современности — изучение и сохранение биологического разнообразия. Атлас пресмыкающихся Северной Евразии

впервые обобщает современную информацию по таксономическому разнообразию и географическому распространению всех видов и подвидов рептилий на территории бывшего СССР и Монголии. Автором получены серьёзные аргументы в пользу монофилии агамовых ящериц; сформулированы и верифицированы предположения об эволюционной истории и дивергенции западной и восточной клад агамовых ящериц.

Работы Н.Б. Ананьевой, выполненные на высоком профессиональном уровне с применением современных методов исследования, используются как учебные пособия для студентов и аспирантов, а также как справочные руководства для специалистов в области охраны природы, зоологов, экологов и молекулярных биологов.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ А.Н. КОСТЯКОВА 2017 ГОДА – Д.А. ИВАНОВУ

Президиум РАН присудил золотую медаль им. А.Н. Костякова 2017 г. члену-корреспонденту РАН Дмитрию Анатольевичу Иванову за серию работ по теории создания моделей ландшафтно-мелиоративного земледелия, методологии ландшафтно-полевого опыта на осушенных землях и мониторинга состояния их природной среды.

Д.А. Иванов — известный учёный в области использования мелиорированных земель, автор 300 публикаций. Им разработана методика

использования мелиорированных земель, создания адаптивно-ландшафтных систем земледелия, оптимизации соотношения компонентов агроландшафта; обоснована синхронизация агротехнических и гидромелиоративных мероприятий с параметрами ландшафта при получении стабильных урожаев различных сельскохозяйственных культур для предотвращения деградации земель. Д.А. Иванов создал единственный в гумидной зоне ландшафтный полигон для проведения фундаментальных и прикладных исследований, направленных на разработку научных и методических основ формирования систем земледелия, агротехнологий возделывания сельскохозяйственных культур, сохранения и повышения плодородия мелиорированных земель.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.В. ЧАЯНОВА 2017 ГОДА –
Л.В. БОНДАРЕНКО

Президиум РАН присудил премию им. А.В. Чайанова 2017 г. члену-корреспонденту РАН Людмиле Васильевне Бондаренко за серию работ “О состоянии сельских территорий в Российской Федерации”.

Удостоенная премии серия работ содержит характеристику изменений, происходящих на сельских территориях, оценку их

состояния и тенденций трансформации. Предлагаются необходимые меры государственного воздействия, направленные на обеспечение устойчивого развития российского села. Мониторинг инициирован Л.В. Бондаренко и проводится под её руководством и при личном участии Центром развития сельских территорий и рынка труда в АПК ВНИИЭСХ с 1999 г. и охватывает демографическую ситуацию, трудовую сферу, материальное благосостояние сельского населения, развитие жилищной, социальной и инженерной инфраструктуры, экологическое состояние сельских территорий, характеристику сельской поселенческой сети и др.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В.А. КАРГИНА 2017 ГОДА – В.А. ДАВАНКОВУ И М.П. ЦЮРУПЕ

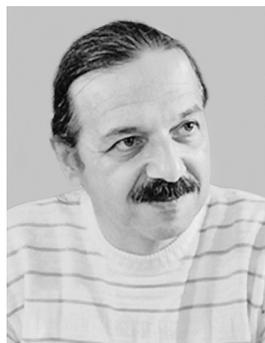

Президиум РАН присудил премию им. В.А. Каргина 2017 г. доктору химических наук Вадиму Александровичу Даванкову и доктору химических наук Марии Петровне Цюрупе (Институт элементоорганических соединений им. А.Н. Несмеянова РАН) за работу “Сверхсшитые полимеры”.

Удостоенная премии работа внесла значительный вклад в обоснование механизмов формирования сильносшитых полимерных сеток, разработку технологии синтеза монодисперсных микросфер для сорбентов, а также определила области их практического применения.

Авторы предложили новый метод получения сверхсшитых полимеров путём введения жёстких мостиков между цепями макромолекул в концентрированном растворе термодинамически хорошего растворителя и формирования густой сетки. Синтезированные сверхсшитые сетки проявляют уникальные сорбционные свойства в отношении различных органических веществ, находящихся в водной или газовой фазе. Авторами созданы монодисперсные микросферические сорбенты для высокоэффективной жидкостной хроматографии, а также гемосорбенты для детоксикации организма при отравлениях.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Ф.А. БРЕДИХИНА 2016 ГОДА –
В.М. ЛИПУНОВУ, К.А. ПОСТНОВУ И М.Е. ПРОХОРОВУ

предсказание преимущественной регистрации гравитационных волн от сливающихся массивных двойных чёрных дыр гравитационно-волновыми интерферометрами LIGO. Результат получен впервые в мире путём разработки и создания в ГАИШ МГУ комплекса программ для расчёта эволюции двойных звёзд в галактиках на основе самых общих и физически

Президиум РАН присудил премию им. Ф.А. Бредихина 2016 г. доктору физико-математических наук Владимиру Михайловичу Липуну (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), доктору физико-математических наук Константину Александровичу Постнову и доктору физико-математических наук Михаилу Евгеньевичу Прохорову (Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга МГУ им. М.В. Ломоносова) за цикл работ “Предсказание доминирования слияния двойных чёрных дыр на гравитационно-волновых интерферометрах LIGO”.

В удостоенном премии цикле работ отражён фундаментальный теоретический результат –

мотивированных предположений об образовании чёрных дыр в конце эволюции массивных звёзд. Это предсказание было принято во внимание при определении оптимального частотного диапазона детекторов LIGO. Позднее результат удалось неоднократно повторить независимыми расчётами других научных групп. Открытие в 2015 г. первых гравитационно-волновых источников детекторами LIGO блестяще подтвердило предсказание, полученное в работах В.М. Липунова, К.А. Постнова и М.Е. Прохорова, – все впервые зарегистрированные источники оказались сливающимися массивными двойными чёрными дырами.

Сдано в набор 17.07.2017 г.	Подписано к печати 16.08.2017 г.	Дата выхода в свет 28.10.2017 г.	Формат 60 × 88 ¹ / ₈
Цифровая печать	Усл.печ.л. 12.0	Усл.кр.-отт. 3.7 тыс.	Уч.-изд.л. 12.0
	Тираж 295 экз.	Зак.1393	Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–67137 от 16 сентября 2016 г. в Роскомнадзоре
Учредитель: ФГБУ “Российская академия наук”

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099 Москва, Шубинский пер., 6